

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

К. Е. Зверева, В. А. Зверев

**КАК СИБИРЬ УЧИЛАСЬ ЧИТАТЬ:
ШКОЛА, ГРАМОТНОСТЬ И КНИГА
В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Новосибирск 2013

УДК 94(47) + 37.0(091) + 02 + 930.85
ББК 63.3(25) + 74.03(2)5 + 78.39
З 433

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «НГПУ»

Подготовлено и издано в рамках реализации Программы
стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг.

Рецензенты:

кандидат исторических наук, преподаватель ГАОУ СПО НСО «Новосибирский
областной колледж культуры и искусств»

Ю. В. Тимофеева;

канд. ист. наук, зав. лабораторией истории освоения Сибири ФГБУН Тобольская
комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук

А. И. Татарникова;

кафедра отечественной истории ФГБОУ ВПО «НГПУ»

Зверева, К. Е.

З 433 Как Сибирь училась читать: школа, грамотность и книга в
русской деревне конца XIX – начала XX в.: монография /
К. Е. Зверева, В. А. Зверев. – Новосибирск: НГПУ, 2013. –
237 с.

ISBN 978-5-00023-132-6

В монографии характеризуются состояние и историческая динамика грамотности сельского населения Сибири, роль школы в образовании и просвещении русского крестьянства, рассматривается состояние книжного дела в селениях нашего края на рубеже XIX–XX вв. – на начальном этапе модернизации деревенского сообщества.

Издание предназначено специалистам в области отечественной истории, истории образования, книговедения, а также преподавателям, аспирантам, студентам исторических и других гуманитарных факультетов.

УДК 94(47) + 37.0(091) + 02 + 930.85
ББК 63.3(25) + 74.03(2)5 + 78.39

© К. Е. Зверева, 2013

© В. А. Зверев, 2013

© ФГБОУ ВПО «НГПУ», 2013

ISBN 978-5-00023-132-6

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ГРАМОТНОСТЬ КРЕСТЬЯНСТВА СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА	35
1.1. Развитие потребности крестьян в просвещении	35
1.2. Уровень и динамика грамотности сельского населения	54
ГЛАВА 2. НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА – ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА	76
2.1. Состояние деревенских училищ в Сибири	76
2.2. Участие сельской школы в агротехническом просвещении населения	105
ГЛАВА 3. КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ	120
3.1. Распространенность печатных изданий в селениях и круг чтения крестьянства	120
3.2. Школьные библиотеки в сибирской деревне	147
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	164
ПРИЛОЖЕНИЕ. МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА СИБИРИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)	172
А. Из «Отчета о состоянии сельских училищ в Тобольской и Томской губерниях» Б. И. Сциборского	172
Б. Из воспоминаний Ф. Д. Останина о детстве и юности «История – вечно живая память народа»	190
В. Ответ из сибирского села на «Программу для собирания сведений о том, что читает народ и как он относится к школе и книге» А. С. Пругавина	214
Г. Из воспоминаний А. Н. Михалёвой о детских годах и учебе в деревенской школе	217
Д. Делопроизводственные и иные материалы	218
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	236

*Самым родным людям – дочери Яне,
внукам Павлику и Танюше
посвящают авторы эту книгу*

ВВЕДЕНИЕ

«Учись, поколе хрящи не срослись», «Век живи, век учись», «Ученье лучше богатства», – так гласят старые русские пословицы и поговорки¹. Народ всегда хорошо понимал необходимость, личностную и общественную ценность эффективного процесса социализации (развития, воспитания и обучения) формирующегося человека.

В течение столетий в русской деревне «учение» осуществлялось традиционным способом – в относительно замкнутом деревенском пространстве, в соответствии с народной соционормативной культурой, на основе народных знаний и представлений, в том числе и педагогических. Преимущественно силами семьи, но с участием фамильного клана, крестьянской общины, сообщества сверстников-односельчан, в иных случаях – с привлечением местных знатоков полезного ремесла (обрабатывающего, лекарского, торгового и пр.). Однако жизнь не стоит на месте. В эпоху модернизации традиционного общества выработанные веками цели, средства и правила, набор агентов и институтов социализации оказались недостаточными для полноценного формирования личности и системы общественных связей, а в некоторой своей части – и вовсе не соответствующими потребностям времени. Появилась объективная необходимость сначала в дополнении, а затем и замене (на первых порах – частичной) традиционной системы социализации модернизированной системой. Одним из ее главных элементов стала массовая официальная школа –

¹ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Репринт. изд. – СПб., 1998. – Т. 4. – С. 528, 567.

учреждение, специально предназначенное для обучения и воспитания детей силами профессионально подготовленных педагогов.

Нельзя сказать, что русская деревня приняла эту инновацию, насаждаемую государственной властью и интеллигенцией, сразу и безоговорочно. Понадобилось немалое время, чтобы основная масса крестьянства увидела несомненную пользу от школы, от ее плодов – общей грамотности (умения читать, писать и считать), расширения кругозора, возможности приобщиться к небольшому на первых порах набору научных, культурных и духовно-нравственных достижений современности. «Грамоте учиться, всегда пригодится», «Побольше грамотных, поменьше дураков», «Кто грамоте горазд, тому не пропасть»¹, – во второй половине XIX – начале XX в. подобные пословицы соответствовали убеждениям уже значительной части русского крестьянства, в том числе в Сибири.

Цель настоящей монографии как раз состоит в том, чтобы охарактеризовать в конкретно-историческом плане одно из важнейших направлений модернизации традиционного общества в Сибири в начальной фазе этого процесса. Речь пойдет о просвещении крестьянства – о распространении общей грамотности и его результатах, проявившихся уже на рубеже XIX–XX вв. *Объектом исследования* является русское крестьянское население Сибири, *предметом* – процесс приобщения крестьян к грамоте, преимущественно путем школьного обучения, и последующего использования полученных знаний, умений и навыков в контексте развития книжной культуры. Работа призвана решить *ряд взаимосвязанных задач*: 1) выявить важнейшие количественные и качественные показатели, характеризующие образовательный уровень различных социальных и региональных слоев и групп крестьянства; 2) раскрыть процесс функционирования основного канала, через который в крестьянскую среду проникали элементарная грамотность и общие знания, – сельских начальных школ всех типов; 3) охарактеризовать общественную борьбу вокруг предложений о внедрении в программу начальных деревенских школ основ сельскохозяйственного производства; 4) оценить материальную базу для чтения (основного способа использования грамотности, полученной в школе или путем самообразования), имевшуюся в сибирской деревне: масштабы распространения печатных изданий различного

¹ Там же. – Т. 1. – С. 390.

типа; 5) выяснить место школьных библиотек в формировавшейся сельской библиотечной сети Сибири, определить состояние и востребованность книжных фондов школьных библиотек в конце имперского периода истории России.

Хронологические рамки монографического исследования – от середины 1880-х гг. XIX в. до февраля 1917 г. Начальная граница определяется теми переменами, которые обозначились в экономике и культуре сибирской деревне в связи со строительством в крае железных дорог (1885 г. – Екатеринбург-Тюмень, с 1891 г. – Транссиб), превращением Сибири в главный район аграрного переселенческого движения из центра Европейской России (середина 1880-х гг.), учреждением Западно-Сибирского учебного округа (1885 г.), открытием Сибирского университета в Томске (1888 г.). С этого времени деревня Сибири постепенно втягивается в модернизационные процессы, наиболее ярко проявившиеся уже в начале XX в. Конечный хронологический рубеж – Февральская революция 1917 г., положившая начало коренным изменениям административно-правовых условий функционирования школ и книжного дела в России.

Территориальные рамки работы охватывают Сибирь в пределах Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской и Забайкальской областей. Развиваясь в соответствии с закономерностями, общими для всей страны, система просвещения и книжное дело в Сибири (на окраине, в колонии в экономическом смысле и районе преимущественного развития капитализма вширь) имела некоторые особенности. Они заметны также в условиях и образе жизни, в культуре сибирского отряда крестьянства – объекта и в значительной степени субъекта просветительной деятельности.

Актуальность изучаемой темы сегодня связана с очередным этапом модернизации системы образования в стране. В обществе поддерживается устойчивый интерес к предшествующим этапам истории школы и культурного строительства в императорской и советской России. Исторические исследования призваны, в частности, глубже представить исходные позиции и начальную фазу коренных преобразований в области просвещения и культуры, полнее оценить непреходящее значение социокультурной модернизации, мобилизовать накопленный за десятилетия положительный опыт, предостеречь от допущенных ошибок.

Исследователи истории просветительной деятельности школ и внешкольных учреждений, книжного дела современной, советской и

дореволюционной России подчеркивают важность региональных исследований для раскрытия широты и глубины развития данного процесса на разных исторических этапах в целом по стране и в глобальном контексте¹. Несомненно, что исследования названной проблематики по Сибири, наиболее обширному и очень важному в экономическом отношении региону со значительными особенностями исторического развития, весьма актуальны. Работа над обобщающими трудами по истории Сибири², а затем регионального крестьянского сообщества³, по истории книжного дела на востоке страны⁴, над исторической энциклопедией региона⁵ показала, что история русской народной культуры, народной инициативы в деле просвещения, просветительской работы в среде крестьян, история читателя и чтения в деревне остаются сюжетами, недостаточно изученными, особенно по досоветскому периоду. Налицо и общественная, краеведческая актуальность изучения избранных нами вопросов.

В *досоветской историографии*, оперировавшей богатым фактологическим материалом, в целом весьма критически оценивались уровень грамотности сельского населения Сибири в конце XIX – начале XX в., состояние школьного дела в деревне, уровень читательских интересов и возможностей крестьянства. При этом в официальной историографии идеализировались мотивы и преувеличивались масштабы усилий государственной власти по приобщению к культуре крестьян Сибири. Крестьянство же характеризовалось как индифферентная масса, у которой неразвита потребность в образовании⁶. Исследователи либерального направления в русле своей концепции, тракто-

¹ См., например: *Днепров Э. Д.* Советская литература по истории школы и педагогики дореволюционной России (1918–1977). – М., 1979. – С. XXI; *Пайчадзе С. А.* Предисловие // *Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока.* – Новосибирск, 2000. – Т. 1. – С. 3; и др.

² *История Сибири с древнейших времен до наших дней:* в 5 т. – Л., 1968–1969.

³ *История крестьянства Сибири:* [в 5 т.]. – Новосибирск, 1982–1991.

⁴ *Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока:* [в 5 т.]. – Новосибирск, 2000–2005.

⁵ *Историческая энциклопедия Сибири:* [в 3 т.] (далее – ИЭС). – Новосибирск, 2009.

⁶ *Маляревский Г. Я.* Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири. – СПб., 1896; *Куломзин А. Н.* Потребности начального образования в Сибири. – СПб., 1898; *Линьков А. И.* Рост учебного дела в Восточной Сибири // *Сиб. архив.* – 1912. – № 7. – С. 505–543; *Турчанинов Н. В.* Школьное дело за Уралом // *Азиатская Россия.* – СПб., 1914. – Т. 1. – С. 245; и др.

вавшей аграрный вопрос в России как вопрос агротехнический и агрикультурный, тоже были склонны абсолютизировать «культурное бессилие мужика». В то же время констатировалась неспособность официальных властей поднять образование народа на должный уровень в течение долгого времени. Выход виделся одним во введении доступного всем желающим начального обучения, что связывалось обычно с необходимостью учреждения в Сибири земства¹. Другие же сводили сущность необходимых перемен к усилению влияния церкви на школу или к приданию начальному образованию практической направленности². Более радикальные публицисты считали важнейшей причиной застоя в области просвещения деревни Сибири антинародную политику царизма³. В качестве необходимых мер называли введение всеобщего начального обучения, доступного народу среднего и высшего образования, полную ликвидацию церковных школ. Стоявшие в историографии несколько особняком областники, акцентируя специфику Сибири, считали здешних крестьян от природы наиболее способными к образованию, связывали с развитием системы просвещения надежды на укоренение в народе идеи сибирской автономии⁴.

Основы марксистской историографии просвещения народных масс в России заложил В. И. Ленин. В его трудах дооктябрьского и советского периодов были рассмотрены факторы, обусловившие низкий уровень общей грамотности населения России в начале XX в., в обстановке характерного для капитализма роста культурного уровня трудящихся. В полемике с либерально-реформистскими и «оппортунистическими» идеями характеризовались конкретное содержание и «классовая сущность» политики самодержавия в этой области. Ленин

¹ Шольп Е. Г. Нужды сельскохозяйственной промышленности в Енисейской губ. – Красноярск, 1903; Кауфман А. А. Община. Переселение. Статистика. – М., 1915; Малиновский И. А. Сибирь и вопросы культуры // Сиб. вопросы. – 1910. – № 47. – С. 13–21; и др.

² Латкин Н. В. Красноярский окр. Енисейской губ. – СПб., 1890; и др.

³ Чудновский С. Л. Школы в Сибири // Журнал Министерства народного просвещения. – 1892. – № 1. – С. 1–45; [Рылова Е. П.] Начальная школа в Алтайском окр. в 1894 г. // Алтайский сборник. – Барнаул, 1898. – Т. 3. – С. 1–74; и др.

⁴ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Изд. 2-е, испр. и доп. – СПб., 1892; Головачёв П. М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. – М., 1905; Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибирь: ее современное состояние и ее нужды. – СПб., 1908. – С. 260–294; и др.

первым в марксистской историографии применил региональный подход к изучению состояния грамотности населения, выделив в статье «Странички из дневника» характерное для Сибири отставание от Европейской России¹. Им была выношена теория о возможности решения коренных задач просвещения рабочих и крестьян в результате победы социалистической революции – в ходе революции культурной².

Этапы изучения проблемы просвещения сибирской деревни конца XIX – начала XX столетия в советской историографии совпадали с периодизацией развития советской исторической науки в целом.

В 1920-е – начале 1930-х гг. еще сохранялась научная «разноголо-сица» в тематике и (частично) методологии исследований. Н. С. Юрцовский сделал общие обзоры развития школьной сети в Сибири и Омском Прииртышье досоветского периода, пользуясь главным образом опубликованными статистическими источниками³. Бывшие ссыльные участники революционного движения поставили важный вопрос о культурном влиянии политической ссылки на сибирское население, крестьянское в частности⁴. В «Сибирской советской энциклопедии» впервые в историческом контексте были подняты темы агрономического просвещения и распространения книг в деревне⁵. Однако статьи по истории народного образования и библиотечного дела, помещенные в этом издании, теоретически упрощают свои темы и в части, относящейся к деревне Сибири, скудны фактическим материалом⁶.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М., 1970. – Т. 45. – С. 363–368.

² Ленин В. И. О культуре. – 2-е изд., доп. – М., 1985.

³ Юрцовский Н. С.: 1) Очерки по истории просвещения в Сибири. – Новониколаевск, 1923. – Вып. 1; 2) Народное образование в Омской губ. (прошлое, настоящее и ближайшие перспективы) // Омская губ.: Здравоохранение. Народное образование. – Омск, 1923. – С. 41–104.

⁴ Николаев В. И. Сибирская политическая ссылка и изучение местного края // Каторга и ссылка. – 1927. – № 5. – С. 87–116; Швецов С. П. Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири // Каторга и ссылка. – 1928. – № 3. – С. 57–87; № 4. – С. 90–100; № 10. – С. 96–112; № 11. – С. 88–105; Пономарёв В. Вольные школы (1908–1917 гг.) // Иркутская ссылка: сборник Иркутского землячества. – М., 1934. – С. 102–116; и др.

⁵ Иванов А. Книготорговля // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1929. – Т. 1. – Стб. 307; Осипов И. И. Агрономическая помощь // Сибирская советская энциклопедия. – Т. 1. – Стб. 15–19; и др.

⁶ Казаринов П. К., Матвеев З. Н. Библиотеки // Сибирская советская энциклопедия. – Т. 1. – Стб. 307; Мельников А. Народное образование // Сибирская советская энциклопедия. – 1932. – Т. 3. – Стб. 645–649.

В середине 1930-х – первой половине 1950-х гг. изучение интересующей нас проблематики практически не велось, если не считать истории агитационно-пропагандистской работы большевиков в моменты революционных подъемов начала XX в., в том числе в деревне. Эта работа трактовалась как важнейший канал политического просвещения трудового крестьянства¹.

Время со второй половины 1950-х до начала 1990-х гг. – весьма плодотворный этап работы над темой просвещения сибирской деревни досоветского периода. Две монографии и целый комплекс солидных статей по истории школы, народного образования и внешкольных форм просвещения народа в Западной Сибири 1861–1917 гг. были опубликованы Ф. Ф. Шамаховым², который позиционировал себя как историк педагогики. Автор подошел к уже вовлеченным ранее в оборот источникам с марксистско-ленинских позиций, выявил в архивах и обработал много новых материалов. Были выделены основные факторы, стимулировавшие развитие системы просвещения в Западной Сибири: становление капиталистических отношений, строительство Транссибирской железной дороги, массовая иммиграция, развитие революционного и общественного движения. Реализуя классовый подход, автор выделил следующие черты политики царизма в области распространения образования в народе: насаждение школ низшего типа, сдерживание народной инициативы, ограничение влияния общественности и др. Он показал, что школа и система внешкольного просвещения в нашем регионе, в частности, в деревне, развивались как малоуспешная составная часть системы просвещения Российской империи.

Состояние школьного дела в Западной Сибири оказалось изученным гораздо полнее, чем в Восточной. Работы А. П. Панчукова

¹ Бузурбаев Г. У. Крестьянские волнения в Алтайском окр. в 1905–1907 гг. – Новосибирск, 1939; Шорников М. М. Большевики Сибири в борьбе за Октябрь. – Новосибирск, 1947. – С. 19–39, 50.

² Шамахов Ф. Ф.: 1) Общественно-педагогическое движение 60-х гг. и начальная школа Западной Сибири во второй половине XIX в. // Учен. зап. / Томск. гос. пед. ин-т. – Томск, 1955. – Т. 14. – С. 81–143; 1957. – Т. 16. – С. 53–68; 2) Школа Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. – Томск, 1957; 3) Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907–1917 гг.). – Томск, 1966; 4) Народное образование [во второй половине XIX – начале XX в.] // История Сибири с древнейших времен... – 1968. – Т. 3. – С. 366–378; и др.

и Д. Г. Жолудева, подымавших сходные с Шамаховым вопросы, дают лишь самую общую картину; состояние деревенских училищ, народных библиотек и чтений на селе представлено в них отдельными фактами¹.

Из работ историко-педагогического характера также заслуживает внимания диссертация В. М. Голованова, в которой впервые поднимался вопрос о содержании и методах обучения в сибирских школах², но сельские училища не стали здесь самостоятельным объектом изучения.

В сфере собственно исторических исследований продвинулось вперед изучение вклада политических ссыльных – народников и социал-демократов – в распространение общей грамотности и специальных знаний (сельскохозяйственных и ремесленных), а также в дело политического просвещения крестьянства (работы В. М. Андреева, Л. П. Бердникова, Д. С. Жаркова, Р. Г. Круссера, Л. П. Рощевской, З. С. Рудых, Л. А. Ушаковой, Н. Н. Щербакова и др.)³. В трудах

¹ *Панчуков А. П.* История начальной и средней школы Восточной Сибири. – Улан-Удэ, 1959; *Жолудев Д. Г.*: 1) Краткая история школ Красноярского края (до Великой Октябрьской социалистической революции). – Енисейск, 1961; 2) Народное образование в Енисейской губ. до Октябрьской революции // Народное образование в Красноярском крае за годы советской власти. – Красноярск, 1970. – С. 5–17.

² *Голованов В. М.* Проблема демократизации народного образования в Сибири в последней трети XIX – начале XX в. (до Октября 1917 г.): автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1979.

³ *Жарков Д. С.* Библиотеки политических ссыльных Восточной Сибири (1890–1917 гг.) // Тр. / Вост.-Сиб. библ. ин-т. – Улан-Удэ, 1962. – Вып. 1. – С. 176–220; *Круссер Р. Г.* Общественно-политическая и научно-просветительная роль народнической ссылки в Сибири (70-е – начало 90-х гг. XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1971; *Рудых З. С.* Нелегальные библиотеки политических ссыльных Иркутской губ. в 1899–1916 гг. // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). – Иркутск, 1973. – Вып. 1. – С. 144–157; *Андреев В. М.*: 1) Просветительная деятельность ссыльных народников в Сибири (70–90-е гг. XIX в.) // Ссыльные революционеры в Сибири. – Вып. 1. – С. 26–45; 2) Педагогическая деятельность ссыльных народников в Сибири (70–90-е гг. XIX в.) // Ссыльные революционеры в Сибири. – 1983. – Вып. 8. – С. 94–115; *Бердников Л. П.* История распространения нелегальной и прогрессивной демократической литературы в Восточной Сибири в 70–90-х гг. XIX в. // Развитие книжной культуры Сибири XIX – начала XX в. – Новосибирск, 1982. – С. 82–92; *Рощевская Л. П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. – Л., 1983; *Щербаков Н. Н.* Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–19017 гг.). – Иркутск, 1984;

по истории крестьянского движения в Сибири (Л. М. Горюшкин, В. В. Кучер, Г. А. Ноздрин, А. Н. Сагайдачный, К. Б. Шустов) показано заметное место вопросов народного образования в системе требований, выдвигавшихся крестьянством в ходе классовой борьбы¹. Активизировалось изучение внешкольного общего и специального (агрономического, агротехнического, зоотехнического) просвещения трудящихся Сибири, в том числе сельского населения. Как показали В. К. Алексеева, Г. А. Бочанова, Е. Н. Косых, И. В. Островский, В. А. Степынин, оно проводилось (впрочем, в недостаточной степени) государством, общественными организациями, сельскими кооперативами через формирующуюся сеть библиотек, народных чтений, опытных полей, хозяйственных выставок².

История книжного дела в Сибири и ее субрегионах постепенно стала выделяться в особое исследовательское направление. Одним из интересных результатов этого процесса стало появление работ А. Л. Посадскова, характеризующих применительно к 1914–1918 гг. сибир-

Ушакова Л. А. Культурно-просветительская роль политических ссыльных народников в Сибири (70-е – середина 90-х гг. XIX в.). – Новосибирск, 1986; и др.

¹ *Горюшкин Л. М.* Крестьянское движение в Сибири в 1917 г. – Новосибирск, 1975; *Шустов К. Б.* Классовая борьба и общественное сознание крестьянства Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1981; *Кучер В. В.* Борьба политических партий за крестьянство Сибири в годы Первой российской революции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1983; *Сагайдачный А. Н.* Крестьянское движение в Сибири в 1917 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1983; *Ноздрин Г. А.* Крестьянское движение в Сибири в 1907–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1984; и др.

² *Степынин В. А.* Колонизация Енисейской губ. в эпоху капитализма. – Красноярск, 1962. – С. 246–254, 449–509; *Косых Е. Н.* 1) Культурно-просветительная деятельность среди трудящихся Сибири в 1914–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 1980; 2) Книжное дело в Сибири в период империализма // 200 лет книгопечатания в Сибири: очерки истории книжного дела. – Новосибирск, 1989. – С. 102–122; *Алексеева В. К.* Вклад кооператоров в развитие культуры дореволюционной сибирской деревни // Культурная жизнь Сибири XVII–XX вв. – Новосибирск, 1981. – С. 134–139; *Островский И. В.* Сельскохозяйственные навыки сибирского крестьянства в период империализма // Земледельческое освоение Сибири в конце XVII – начале XX в. – Новосибирск, 1985. – С. 87–97; *Бочанова Г. А.* Первые хозяйственные выставки в дореволюционной Сибири // Развитие культуры сибирской деревни в XVII – начале XX в. – Новосибирск, 1986. – С. 118–132; и др.

скую книжную торговлю и издававшуюся на востоке страны печатную продукцию¹. Автор сделал обоснованные выводы о невысоком уровне развития книжного дела в Сибири накануне революций 1917 г., о малом количестве в общем потоке книжной продукции литературы научной и научно-популярной, выдвинул задачу комплексного изучения всех путей и способов распространения литературы в различных слоях населения Сибири, в том числе среди крестьянства. Однако трудно согласиться с утверждением ученого об отсутствии читательских потребностей в досоветской деревне Сибири.

Первая попытка обобщения имеющихся исследований системы народного образования в рамках Сибири и хронологических границах всей эпохи капитализма была предпринята в коллективной монографии по истории крестьянства региона². Авторы раздела «Народное образование» выделили основные этапы развития школьного дела в деревне, дали их качественную характеристику, раскрыли проявления народной инициативы и признаки «затемнительности» в политике правительства. Однако прямые результаты работы образовательных учреждений – уровень и качество грамотности сельчан, формы ее практического применения – нашли в разделе лишь беглое освещение. В книге, сыгравшей этапную роль в историографии сибирской деревни, пока еще не получили обобщения материалы по истории внешкольных форм просветительной работы, сельскохозяйственного и политического просвещения, книжной культуры крестьянства.

Образование в 1987 г. библиотековедческого и книговедческого центра при Государственной научно-технической библиотеке (ГПНТБ) СО АН СССР в Новосибирске ознаменовало начало целенаправленного и систематического изучения истории книжной культуры Сибири. Регулярно стали проводиться научные конференции, защищаться диссертации, издаваться сборники научных трудов соответствующего профиля.

В общении с яркими представителями полидисциплинарной научной среды – историками-аграрниками (Л. М. Горюшкин, Н. Я. Гущин,

¹ Посадков А. Л.: 1) Книга в Сибири накануне Великой Октябрьской социалистической революции (1914–1917 гг.) // Вопросы библиотечного дела, библиографии и истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. – Новосибирск, 1975. – С. 193–249; 2) Сибирская книга и революция (1917–1918 гг.). – Новосибирск, 1977; и др.

² Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск, 1983. – С. 327–333.

Н. А. Миненко, Е. И. Соловьёва, В. Н. Худяков, их ученики) и историками-книговедами (В. Н. Волкова, С. А. Пайчадзе, А. Л. Посадсков и др.) – в 1980-х гг. сформировался замысел кандидатской диссертации К. Е. Зверевой, одного из авторов настоящей монографии, по истории просвещения крестьянства Сибири эпохи капитализма. Были опубликованы несколько статей¹, в 1988 г. защищена диссертация². В конце 1980-х гг. другой автор монографии, В. А. Зверев, подключился к разработке темы, и вышел в свет еще ряд работ³, которые в совокупности с ранее опубликованными и заложили основу данной книги, работа над текстом которой затем была отложена на целых 20 лет.

Современный период развития историографии темы данной монографии, начавшийся на рубеже 1980–1990-х гг., ознаменован в первую очередь успехами в изучении книжной культуры населения России конца имперского периода. Методологически значимой для ученых, работающих в этой области, на многие года стала новаторская книга исторического социолога А. И. Рейтблата «От Бовы к Бальмонту»⁴. В ней русская литература второй половины XIX – начала XX в. представлена как единый социальный институт и социокультурная

¹ *Зверева К. Е.*: 1) Грамотность крестьянства Западной Сибири в период капитализма // Образ жизни сибирского крестьянства периода разложения феодализма и развития капитализма. – Новосибирск, 1983. – С. 116–128; 2) Деревенская школа и нужды агротехнической подготовки крестьянства Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Земледельческое и промысловое освоение Сибири (XVII – начало XX в.). – Новосибирск, 1985. – С. 114–125; 3) Роль просвещения в жизни сибирского крестьянства конца XIX – начала XX в. // Развитие культуры сибирской деревни в XVII – начале XX в. – Новосибирск, 1986. – С. 101–117; и др.

² *Зверева К. Е.* Просвещение крестьянства Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1988.

³ *Зверев В. А.* Роль книги и периодической печати в жизни крестьянства Сибири эпохи капитализма (к постановке проблемы) // Книга и книжное дело Сибири: история, современность, перспективы развития: (к 200-летию сибирского книгопечатания). – Новосибирск, 1989. – С. 44–48; *Зверев В. А., Зверева К. Е.* Школьные библиотеки в сибирской деревне конца XIX – начала XX в. // Книга в Сибири (конец XVIII – начало XX в.). – Новосибирск, 1989. – С. 110–123; *Зверева К. Е., Зверев В. А.* Круг чтения крестьянства Сибири в период капитализма (80-е гг. XIX в. – 1917 г.) // Распространение книги в Сибири (конец XVIII – начало XX в.). – Новосибирск, 1990. – С. 78–96; и др.

⁴ *Рейтблат А. И.*: 1) От Бовы к Бальмонту: очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. – М., 1991; 2) «От Бовы к Бальмонту» и другие работы по исторической социологии русской литературы. – М., 2009.

система: писательский процесс, издательское и библиотечное дело, книжная торговля, периодическая печать и чтение рассматриваются в их взаимосвязи, функционировании и исторической динамике. Историки М. М. Громыко¹, А. В. Буганов², С. В. Оболенская дали свои варианты развернутой характеристики места и роли грамотности, книги и чтения в русской крестьянской культуре, в том числе применительно к концу XIX – началу XX в. Рассматривались вопросы о том, «что и как читали в России простые люди», как воспринимали читаемое и «как отражалось в этом восприятии их мироощущение?»³.

В книге М. М. Громыко в главе «Грамотеи и книжники», в целом основанной на достоверных и разнообразных по происхождению источниках из разных регионов России, обосновывается точка зрения, согласно которой в XIX в. крестьянство было довольно грамотным и стремилось выучить своих детей, активно приобретало книги, составляло собственные библиотеки, оформляло подписку на газеты и журналы, охотно практиковало массовые громкие читки литературы. А. В. Буганов вслед за Громыко также весьма высоко оценивает уровень потребности крестьянства в грамотности и степень его удовлетворенности наличным кругом чтения, при этом акцентирует первичность и устойчивость религиозных мотивов активного приобщения народа к грамотности и книге. В то же время кратко обозначаются и слабые стороны народной культуры: вторичная неграмотность (не находя грамотности применения, земледельцы порой забывали полученные в школе навыки), настороженное отношение некоторой части сельских жителей к школьному обучению детей. С. В. Оболенская наиболее критична: она считает «сильно приукрашенной» нарисованную М. М. Громыко идеальную картину религиозной просвещенности, довольно высокой грамотности, развитых литературных вкусов крестьян и впечатляющих масштабов крестьянского чтения. В то же

¹ Громыко М. М. Мир русской деревни. – М., 1991; Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. – М., 2000.

² Буганов А. В.: 1) Что читали русские крестьяне // Рос. провинция. – 1994. – № 2. – С. 93–99; 2) Духовная книжность и письменность русских крестьян XIX в. // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: итоги этнографических исследований. – М., 2001. – С. 316–332; 3) О чтении и грамотности русских крестьян XIX – начала XX в. // Преподаватель, XXI в. – М., 2009. – С. 50–57; и др.

³ Оболенская С. В. Народное чтение и народный читатель в России конца XIX в. // Одиссей: человек в истории, 1997. – М., 1998. – С. 207.

время и она не отрицает наличия ряда прогрессивных тенденций в развитии народного сознания и культуры, проявившихся в пореформенный период, особенно к концу XIX в. Примечательно, что все три историка в своих работах используют и сибирские материалы, в том числе позаимствованные из наших публикаций – из той их части, которая соответствует научной концепции использующего.

Нам представляется, что в 1990-х гг. в отечественной историографии была воспроизведена ситуация дискуссии, развернувшейся чуть раньше, в середине 1980-х гг., в трудах американских историков, посвященных истории народной культуры в России конца «старого режима» (труды были основаны на материалах европейской части страны). Дискуссию инициировали книги Дж. Брукса «Когда Россия училась читать»¹ и Б. Эклофа «Русские крестьянские школы»². Авторы этих книг исходили из общего понимания того, что грамотность и народное образование – ключевые категории для осмысления динамики социальных изменений, происходящих в деревне в процессе модернизации. Принципиальное же различие в позициях ученых американский историк Л. Энгельштейн охарактеризовала так: «Там, где Брукс, по его утверждению, обнаружил открытость новым ценностям и желание порвать с прошлым, Бен Эклоф в исследовании, посвященном школьному обучению в деревне, пришел к убеждению, что крестьяне избегали всего, что, по их мнению, расшатывало привычный уклад»³. Затем между специалистами развернулась полемика относительно того, насколько русские крестьяне XIX – начала XX в. воспринимали новое, а насколько сохраняли преданность устойчи-

¹ *Brooks J.* When Russia learned to read: literacy and popular literature, 1861–1917. Princeton, 1985. Рецензия Б. Н. Миронова на эту книгу: История СССР. – 1989. – № 2. – С. 191–194. В переводе на русский язык см.: *Брукс Д.*: 1) Грамотность и печать в России, 1861–1928 // Чтение в дореволюционной России. – М., 1991. – С. 82–99; 2) Когда Россия научилась читать: грамотность и народная литература, 1861–1917 // Что мы читаем? Какие мы? – СПб., 1993. – С. 151–171.

² *Eklof B.* Russian peasant schools: officialdom, village culture and popular pedagogy, 1861–1914. Berkeley, 1986. Рецензию Л. Г. Захаровой и В. Б. Красновой на эту книгу см.: История СССР. – 1989. – № 1. – С. 212–216.

³ *Энгельштейн Л.* Повсюду «культура» [Электронный ресурс]: о новейших интерпретациях русской истории XIX–XX вв. // Новая русская книга: критическое обозрение. – 2001. – № 3/4. – URL: <http://magazines.russ.ru/nrk/2001/3/engelsh.html> (дата обращения: 26.08.2013).

вым традициям, и что эти традиции из себя представляли¹. Постепенно вырабатывалось понимание неоднородности и переходности мира крестьянской культуры, который, с одной стороны, был заинтересован в консервативном самосохранении, с другой стороны, проявлял и способность к постоянному развитию. Кроме того, укрепилась плодотворная мысль о существовании не одной, а нескольких личностных моделей поведения крестьянина в наличной социальной и культурной среде, различающихся, в частности, отношением к школе, грамотности и чтению.

В 1990-х – начале 2010-х гг., воодушевленные возможностью свободного тематического и методологического выбора, всплеском отечественного и международного интереса к теме народной культуры и ее судьбы в эпоху радикальных трансформаций, историки и книговеды продолжили изучение истории образования и книжного дела в Сибири конца имперского периода. Специально читательским интересам и кругу чтения деревенских жителей, стратегиям применения крестьянами знаний и навыков, полученных во время учебы в школе и чтения литературы, посвящены новые публикации авторов данной монографии², статьи Г. В. Оглезневой³. Под новым углом зрения, более объективно ученые стали рассматривать участие государства, общественных организаций, политических партий и «неорганизован-

¹ *Eklof B., Frank S. (eds.). The world of the russian peasant: post-emancipation culture and society. Boston, 1990; Kingston-Mann E., Mixter T. (eds.). Peasant economy, culture and politics of European Russia, 1800–1921. Princeton, 1990; Burds J. Peasant dreams and market politics: labor migration and the russian village, 1861–1905. Pittsburgh, 1998; Frank S. P. Crime, cultural conflict and justice in rural Russia, 1856–1914. Berkeley, 1999; etc.*

² *Зверев В. А., Зверева К. Е. Распространенность печатных изданий в селениях Сибири пореформенного периода (1861–1904 гг.) // Книжное дело в Сибири (конец XVIII – начало XX в.). – Новосибирск, 1991. – С. 118–139; Зверев В. А.: 1) Познавательная деятельность крестьянства как фактор освоения окраин России во второй половине XIX – начале XX в. (к постановке проблемы) // Роль науки в освоении восточных районов страны. – Новосибирск, 1992. – С. 20–22; 2) Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861–1917 гг.). – Новосибирск, 1998. – Гл. 5–6. – С. 59–107; и др.*

³ *Оглезнева Г. В.: 1) Круг чтения и читательские интересы крестьян Восточной Сибири в конце XIX в. // Издание и распространение книги в Сибири и на Дальнем Востоке. – Новосибирск, 1993. – С. 67–82; 2) Круг чтения и читательские интересы крестьян Иркутской губ. на рубеже XIX–XX вв. // Библиотечный вестник Прибайкалья. – 2004. – № 1. – С. 10–12; и др.*

ных» сил интеллигенции в образовательной и просветительной деятельности, в том числе в деревне¹. Защищены диссертации, опубликованы многочисленные статьи и книги на тему, запретную в советский период – о продуктивной деятельности Русской православной церкви в области просвещения народа, осуществлявшейся через систему церковных школ и иными способами². Таким образом, преодолен прежний идеологический стереотип, требовавший квалифицировать церковь как исключительно реакционный институт, а ее политику в области просвещения народа – как «затемнительную». Правда, здесь не обошлось без перегиба в обратную сторону, выразившегося в «перестановке слагаемых» – идеализации деятельности церковных

¹ *Попов Д. И.* Культурно-просветительские общества и сибирская деревня в конце XIX – начале XX в. // *Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития.* – Омск, 2004. – Ч. 2. – С. 150–154; *Ноздрин Г. А.* Политические объединения в сибирской деревне (середина 90-х гг. XIX в. – 1914 г.). – Новосибирск, 2011; *Фадеев К. В.* Правительственная политика в деле народного образования на селе в начале XX в. (на материалах Томской губ.) // *Сибирская деревня...* – 2008. – Ч. 2. – С. 148–151; *Цысь О. П.* Православные общественно-религиозные организации Тобольской епархии во второй половине XIX – начале XX в. – Нижневартовск, 2008; *Дружинина Ю. В.*: 1) Образовательно-просветительские аспекты деятельности сельской интеллигенции Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Философия образования.* – 2011. – № 5. – С. 72–78; 2) Сельская интеллигенция Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: основные итоги исследования // *Тобольск научный* – 2012. – Тюмень, 2012. – С. 297–302; и др.

² *Елизарова Н. В.* Роль религиозно-просветительных учреждений в развитии образования в Омском Прииртышье (конец XIX – начало XX в.) // *Омский научный вестник.* – 2003. – № 3. – С. 16–19; *Гизей Ю. Ю.*: 1) Церковноприходская школа Западной Сибири конца XIX – начала XX в.: по материалам Томской епархии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2004; 2) Церковноприходская школа Томской епархии (1884–1917 гг.). – Кемерово, 2004; *Харченко Л. Н.*: 1) Православная церковь в культурном развитии Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): очерк истории. – СПб., 2005; 2) Роль Православной церкви в культурном развитии Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – СПб., 2006; *Устьянцева О. Н.* Роль православного духовенства в развитии начального образования на территории Томской епархии (80-е гг. XIX – начало XX в.) // *Вестн. / Кузбас. гос. техн. ун-т.* – 2006. – № 6.2. – С. 131–135; *Караваева Е. В.* Санитарно-просветительная и медицинская деятельность Русской православной церкви среди сельского населения во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Томской епархии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2011; и др.

школ, священнослужителей, церковно-религиозных организаций и критике светски ориентированной интеллигенции за «насаждение» чуждых традиции атеистических ценностей.

Большие успехи достигнуты сибирскими историками и книговедами в области изучения истории библиотечной сети, формировавшейся в изучаемый период и в сельской местности Сибири¹. На базе достигнутых в этой области результатов именно библиотечные работники – ученые, работающие в ГПНТБ СО РАН, поставили на рубеже 1990–2000-х гг. задачу создать многотомную коллективную монографию о развитии книжной культуры в Сибири и на Дальнем Востоке. В первых двух томах, посвященных досоветскому периоду, в разделах «Читатель и чтение» нашла адекватное отражение тема деревенского читателя (в комплексе с читательской культурой различных категорий городского населения)². Более фрагментарно ситуация в деревне Сибири характеризуется в разделах, посвященных книжной торговле и другим формам распространения произведений печати, а также просветительской деятельности библиотек.

На основе текстов, включенных в «Очерки истории книжной культуры...», были подготовлены статьи для фундаментальной «Ис-

¹ Козлов С. В. Книжная культура в Сибири в годы Первой русской революции: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1996; Минаков А. Г. Книжное дело в Сибири в 1908–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1996; Лукьянова Л. С. Книжная культура Западной Сибири во второй половине XIX в. (библиотека и читатель): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1997; Санникова М. И. Становление и развитие русской книжной культуры в Западном Забайкалье в XVII – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 1999; Елизарова Н. В.: 1) Библиотеки Русской православной церкви в распространении духовного просвещения среди населения Западной Сибири в 1881–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2007; 2) Участие библиотек омских приходских и епархиальных училищ в образовательной жизни края в начале XX в. (по документам Государственного архива Омской обл.) // Архивный вестник: информ.-метод. ист.-краевед. журн. – 2007. – № 15. – С. 247–252; Артемьева Е. Б., Маслова А. Н. Библиотеки Сибири и Дальнего Востока: история становления // Региональное книговедение: Сибирь и Дальний Восток. – Новосибирск, 2008. – С. 243–262; Мурашова Н. А. Становление библиотечного дела в Западной Сибири в 1861–1913 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2010; и др.

² Очерки истории книжной культуры... – 2000. – Т. 1. – С. 237–247; 2001. – Т. 2. – С. 106–115, 183–191, 273–288 (авторы разделов: Е. Б. Артемьева, В. Н. Волкова, В. А. Зверев, С. В. Козлов, А. Г. Минаков, В. А. Эрлих).

торической энциклопедии Сибири», вышедшей в 2009 г. В. Н. Волкова в статье по истории чтения емко и по необходимости кратко отразила факторы и направления, содержание и форму тех прогрессивных изменений, которые пережила и деревенская культура на рубеже XIX–XX вв. Чтение крестьян «во многом сохраняло традиционные черты», «было менее развито, чем в городской среде», но расширялась его география, в него втягивались новые социальные слои, читательские приоритеты смещались от религиозной и лубочной литературы к светским и более содержательным текстам и т. д.¹ Интересные данные о том, как осуществлялось становление сети государственных и церковных училищ на селе, как не стояли на месте развитие книжной торговли и библиотечного дела, содержатся в ряде других статей «Исторической энциклопедии Сибири»². К сожалению, статья о крестьянстве региона не содержит важных, на наш взгляд, социокультурных характеристик этого наиболее многочисленного в изучаемый период класса-сословия³. В свете очевидного, хотя и ограниченного прогресса школьного дела и книжной культуры даже в деревне, не говоря уже о городах Сибири накануне установления советской власти, слишком безоговорочными выглядят lamentации относительно «культурной отсталости региона», «неразвитости большинства социально-культурных институтов» здесь, которые содержатся в статье о «культурной революции» в Сибири⁴.

Совсем недавно появились труды, внесшие наибольший вклад в разработку книговедческих аспектов избранной нами темы в территориальных границах Западной Сибири и хронологических пределах середины 1890-х гг. – февраля 1917 г. Это серия статей, кандидатская диссертация и монография Ю. В. Тимофеевой, посвященные книжной культуре сельского населения⁵. Автор отнюдь не идеализирует ситуа-

¹ Волкова В. Н. Чтение в Сибири и на Дальнем Востоке // ИЭС. – [Т. 3]. – С. 498–503.

² Библиотеки и библиотечное дело / Е. Б. Артемьева [и др.] // ИЭС. – [Т. 1]. – С. 210–215; Книжная торговля / В. Н. Волкова [и др.] // ИЭС. – [Т. 2]. – С. 90–95; Школа общеобразовательная / Е. Н. Валиева [и др.] // ИЭС. – [Т. 3]. – С. 535–540.

³ Ноздрин Г. А. Крестьянство во второй половине XIX – начале XX в. // ИЭС. – [Т. 2]. – С. 205–206.

⁴ Соскин В. Л. Культурная революция в Сибири // ИЭС. – [Т. 2]. – С. 226–227.

⁵ Тимофеева Ю. В.: 1) Роль школы и учительства в приобщении к книжной культуре сельского населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. //

цию, существовавшую в традиционной деревенской среде, особенно в начале изучаемого периода, однако акцентирует внимание на той динамике, которая позволяет говорить о первой фазе модернизационных процессов. Представлена картина расширения школьных и внешкольных каналов приобщения крестьянской молодежи к грамоте и чтению, распространения печатной продукции в деревне, возрастания социальной и культурной значимости книги, секуляризации и расширения круга чтения. Автор доказывает, что сельская книжность на западе Сибири развивалась в контексте общероссийской культуры, но имела особенности, выраженные в более низких темпах и меньших масштабах своего развития в сравнении с европейским центром страны, консервировании книгоношества, включенности в читательский репертуар сибиреведческой литературы и публикаций по маслоделию.

Таким образом, применительно к периоду конца XIX – начала XX в. в деревне Сибири историки довольно обстоятельно рассмотрели такие вопросы, как политика правительства и православной церкви в области просвещения крестьянства и книжного дела, деятельность общественных организаций и отдельных лиц, особенно политссылных в данной сфере. Названы и частично охарактеризованы основные каналы распространения общих, специальных и политических знаний среди земледельцев, в том числе посредством чтения литературы. В то же время нашли лишь некоторое (недостаточное, на наш взгляд) отражение, в том числе в наших предыдущих публикациях, те вопросы, которые составили предмет исследования в данной монографии.

Исторические источники. В соответствии с широко распространенной классификацией конкретно-исторические письменные источники, отражающие процесс развития общей грамотности и книжной культуры крестьянства Сибири конца XIX – начала XX в., в зависимости от их происхождения и формы отражения в них исторической действительности могут быть разделены на следующие основные виды: законодательные и другие нормативные акты, дело-

Педагогический профессионализм в современном образовании. – Новосибирск, 2007. – С. 418–426; 2) Книжная культура сельского населения Западной Сибири конца XIX – начала XX в.: историография вопроса // Изв. / Алтайск. гос. ун-т. Сер.: История. Политология. – 2010. – № 4/1. – С. 249–253; 3) Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2012; 4) Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 2012; и др.

производственная документация, статистические материалы, экономико-географические и этнографические описания, источники личного происхождения, записи устного фольклора, повременные издания и периодическая печать.

Важнейшие законодательные и другие нормативные акты, регулирующие формирование и деятельность системы просвещения и книжного дела в деревне России (законы, положения, уставы, правила и инструкции о различных типах учебных заведений, библиотек и т. д.) позволяют определить характер политики царизма в области просвещения крестьянства, рассматривать порядок образования и функционирования различных каналов просвещения в деревне – начальных школ, библиотек, воскресных и вечерних чтений, а также содержательную и методическую стороны их деятельности¹. История разработки, принятия и проведения в жизнь законодательства в области народного просвещения во второй половине XIX – начале XX в. обстоятельно освещена в книге А. В. Ососкова², в коллективной монографии «Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР»³, и это облегчает нашу задачу. Однако для нашей темы представляет большой интерес и документация, сопровождавшая разработку законов и их проведение в жизнь в сибирской деревне.

Делопроизводственная документация государственных и церковных учреждений, органов крестьянского самоуправления и общественных организаций, имеющая для нашей темы первостепенное значение, выявлялась и извлекалась в основном из архивохранилищ. С этой целью нами изучены фонды 13 центральных, региональных и городских архивов, а также письменные фонды ряда музеев.

¹ Полное собрание законов Российской империи: собр. 3-е (1882–1913 гг.). – СПб.; Пг., 1885–1916. – Т. 1–33; Свод законов Российской империи: неофиц. изд.: все 16 т. со всеми относящимися к ним продолж.: в 1 кн. – 2-е стер. изд. – СПб., 1899; Свод законов Российской империи: все 16 т. со всеми относящимися к ним продолж.: в 2 кн. – 3-е пересм. и доп. изд. – СПб., 1900; Свод законов Российской империи: все 16 т., испр. по Продолж. 1906 и 1908 гг. и доп. позднейшими узаконениями: в 4 кн. – М., 1910; и др.

² Ососков А. В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917). – М., 1982.

³ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (вторая половина XIX в.). – М., 1976; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР, конец XIX – начало XX в. – М., 1991.

Наибольшую ценность представляют материалы, исходящие от крестьян. В зависимости от содержания и адресата они оседали в документации волостных и станичных правлений, местных и центральных органов управления. Сплошные массивы за многие годы составляют «приговоры» (постановления) сельских и волостных сходов. На сходах происходило разверстывание государственных, земских и мирских повинностей, за счет которых в основном содержались деревенские школы и их персонал, сельские библиотеки; рассматривались вопросы необходимости и возможности открытия в волости или селении начальных училищ, библиотек-читален, замены одного типа учебных заведений другими и т. д. Необходимо учитывать и содержание самих «приговоров», и их мотивировки, отражающие господствовавшие в крестьянской среде взгляды на пользу общего и специального образования, оценку и общего состояния просвещения, и конкретных действий того или иного административного, церковного органа, школьного персонала в деле обучения детей. При трактовке крестьянских решений следует учитывать, что на постановления сходов оказывали серьезное влияние требования местных властей, например, крестьянских начальников, или даже их рекомендации, которые зачастую некритически воспринимались как обязательные для исполнения. В условиях социального расслоения деревни решающее слово в спорных ситуациях часто оставалось за наиболее «сильными» в экономическом плане крестьянами.

Обширный комплекс в архивах составляют прошения крестьян о приеме их детей в школы, о разрешении торговли книгами, об освобождении от выборной должности попечителя школы или библиотеки и т. д. Этот комплекс документов, подобно решениям волостных и сельских сходов, имеет все признаки массовых источников, хотя каждое из таких прошений отражает индивидуальную позицию своего автора.

Изучение многих вопросов просвещения невозможно без привлечения документации органов государственного управления. «Всеподданнейшие» доклады министра внутренних дел за отдельные годы, например, за 1896 и 1897, содержат данные о многочисленных добровольных пожертвованиях сельских обществ Сибири на школьные нужды¹. Начиная с 1885 г., в опубликованных ежегодных отчетах

¹ РГИА. – Ф. 1284. – Оп. 241. – Д. 103, 105 и др.

Медицинского департамента МВД (он был преобразован позднее в Главное управление врачебного инспектора, а в 1914 г. – в Управление главного врачебного инспектора) имеется раздел «Санитарное состояние школ». Он составлялся по отчетам губернских и областных врачебных отделений, в том числе по Сибирскому региону, и содержит яркий материал о неудовлетворительной, в целом, материальной базе системы начального образования в сельской местности¹. В делопроизводстве Переселенческого управления и его местных сибирских учреждений интересны сведения о строительстве школ в переселенческих поселках, о просветительной деятельности складов сельскохозяйственных орудий, показательных ферм, но, к сожалению, они сохранились лишь за отдельные годы начала XX в.

В архивных фондах губернских управлений отложилась переписка по делам просвещения между различными учреждениями и ведомствами, позволяющая сопоставить точки зрения чиновников по обсуждаемым вопросам. Данные о фондах библиотек-читален, книжных магазинов, их численности собирались в губерниях полицейскими управлениями. В ежегодных отчетах губернаторов, военных генерал-губернаторов, наказных атаманов Сибирского и Забайкальского казачьих войск, глав церковных епархий содержатся сведения о состоянии политической благонадежности учителей, о результатах осмотров училищ. К сожалению, документы других административных органов общего и крестьянского управления, касающиеся просветительной работы, сохранились в довольно разрозненном виде.

Наиболее многочисленную и компактную группу делопроизводственных источников составляют документы школьной администрации всех уровней. Подлинный смысл политики власти раскрывается при анализе циркуляров и инструкций, поступавших в школы. Отчеты училищ характеризуют не только процесс обучения, его базу и результаты, но и отношение различных возрастных категорий крестьянства к образованию. Материалы инспекторских проверок дают представление о материальной базе сельских училищ и библиотек при них (помещения, мебель, учебные пособия, книжный фонд), позволяют яснее представить картину учебного процесса (характер и объем изу-

¹ Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за... [1885–1893/1895 гг.]. – СПб., 1887–1898; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... [1896/1901–1914 гг.]. – СПб.; Пг., 1904–1916.

ченного материала, масштабы пропусков уроков учащимися, методика обучения, отношение учителей к своему делу), содержат информацию о достижениях учащихся и некоторые элементы персональных характеристик учителей и законоучителей. Сохранились подробные данные о книжных фондах некоторых школьных библиотек.

При работе с этими материалами приходится считаться с попытками некоторых учителей и должностных лиц от образования приукрасить реальное состояние школьного и библиотечного дела. Стремясь добиться полной монополии церкви в школьном деле, представители духовного ведомства рисуют обычно в «розовом свете» отношение крестьян именно к церковной школе, завышают численность школ церковного ведомства. В целом документация административных органов дает яркое представление о сущности политики государства и церкви в области народного просвещения, ее формах и методах проведения в отдельных регионах и местностях Сибири, а частично – и о ее результатах.

Из материалов делопроизводства общественных организаций нами привлечены сохранившиеся за отдельные годы отчеты сибирских отделений Московского общества сельского хозяйства (МОСХ), содержащие данные о просветительной деятельности общества в крестьянской среде. Важная информация была извлечена также из не использовавшихся ранее историками в комплексе материалов анкетных обследований состояния просвещенности сельского населения Сибири, предпринимавшихся в конце XIX – начале XX в. Обществом любителей исследования Алтая, отделами Русского Географического общества, Обществом содействия распространению народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии, Комитетом грамотности при Вольном Экономическом обществе. В 1888 г. при участии Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества анкетным путем в 25 селениях Иркутской губернии были собраны и затем подвергнуты обработке сведения о распространенности чтения среди крестьян. Затем анкетированием были охвачены в общей сложности 70 населенных пунктов Иркутской и Енисейской губерний, кроме малонаселенного Киренского округа на северо-востоке Иркутской губернии. Из 61 населенного пункта были получены соответствующие сведения по вопросам круга чтения жителей. Из них большинство (36) – это относительно крупные села, расположенные вблизи важнейших трактов и часто имевшие торгово-промышленный

характер. Наличие в них официальных школ приводило к сравнительно высокой грамотности жителей¹.

Материалы названного источника дополняются и корректируются данными массовых анкетных обследований состояния просвещения сельского населения Сибири, предпринимавшихся в конце XIX – начале XX в. В материалах анкетного обследования 1894 г., проведенного Комитетом грамотности при Вольном Экономическом обществе (ВЭО) и охватившего все сибирские губернии, имеются сведения об отношении крестьян к чтению, указания на характер читаемой крестьянами литературы, перечни периодических изданий, выписываемых учителями и школьными библиотеками (эти издания затем могли быть доступными и крестьянам). Анкетные листы рассылались по сельским училищам, и отвечали на вопросы, как правило, учителя². В том же 1894 г. при анкетном обследовании сельских училищ Алтайского горного округа были получены материалы об отношении кабинетских крестьян к школе и книге, о размерах книжных фондов школьных библиотек³.

Общество содействия распространению народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии стало инициатором проведения подобного обследования в начале XX в. В частности, по Иркутской губернии за 1900–1902 гг. имеются ответы на анкету, присланные из 104 населенных пунктов представителями различных сословий, профессиональных групп населения из Верхоленского, Нижнеудинского, Балаганского и Иркутского уездов⁴. Частичную систематизацию и оценку собранные материалы получили в докладах члена общества Е. П. Фовицкого на заседаниях совета этой организации в 1903 г.⁵ Ответы на анкету позволяют выяснить характер применения грамотности в повседневной жизни земледельцев, соотношение

¹ Личков Л. С.: 1) Что читает народ в Иркутском и Балаганском округах // Изв. / Рус. Геогр. о-во, Вост.-Сиб. отд. – 1889. – Т. 20, № 2. – С. 43–53; 2) Как и что читает народ в Восточной Сибири // Рус. мысль. – 1896. – № 1. – С. 33–46 (2-я паг.); № 2. – С. 28–42 (2-я паг.).

² РГИА. – Ф. 91. – Оп. 3. – Д. 941. – Л. 36–263; Д. 942. – Л. 24–404; Д. 943. – Л. 1–381; Д. 944. – Л. 13–329; Д. 945. – Л. 32–311.

³ [Рылова Е. П.] Указ. соч. – С. 1–74.

⁴ ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 2, 3, 19.

⁵ Фовицкий Е. П. Приложения к отчету // Отчет о деятельности Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губ. за 1902–1903 гг. – Иркутск, 1904. – С. 62–68.

различных способов применения грамотности крестьянами, номенклатуру печатных изданий (картин, книг и периодики), степень распространенности и доступности различных видов печатной литературы в деревне, примерный круг чтения грамотных крестьян и т. д. Использование анкетных материалов Иркутского общества как единого комплекса стало возможным в результате исправления нами датировки одного из дел, в котором они содержатся: единица хранения № 19 ошибочно датирована в архиве 1912 годом.

Обострение аграрного кризиса побудило правительство образовывать в 1902 г. в рамках Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности местные комитеты. В Сибири они действовали в Томской, Тобольской, Енисейской, Иркутской губерниях, Акимовской области. Члены комитетов и приглашенные лица, среди которых были и крестьяне, характеризовали состояние системы просвещения на местах, подчеркивали ее влияние на агрономический и агротехнический уровень крестьянского хозяйства. В опубликованных журналах заседаний, докладах, записках членов комитетов и приглашенных лиц отразилось противостояние представителей официального, либерально-буржуазного и демократического направлений общественной мысли по вопросу о путях просвещения крестьянства, в частности, о возможности и необходимости соединения общего и специального (сельскохозяйственного, ремесленного) образования в стенах начальной школы¹.

Одним из самых важных для нашего исследования видом источников стали статистические данные. Значительную их часть мы извлекли из материалов делопроизводства различных учреждений, охарактеризованных выше. Количество школ и учащихся в них, библиотек, размеры книжного фонда в библиотеках, состояние книжной и газетной торговли, внешкольного просвещения отражалось в статистических разделах отчетов училищной и почтовой администрации, губернских и войсковых управлений, отделов МОСХ. Большую ценность представляют данные о численности грамотных среди лиц, призывавшихся на военную службу, имеющиеся по ряду губерний за многие годы и позволяющие проследить динамику грамотности призывников.

¹ РГИА. – Ф. 1233. – Оп. 1. – Д. 203, 327–329; Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб., 1903–1904. – Т. 53–57.

Однако в условиях ведомственной «разногласицы» в определении методики статистического подсчета, отсутствия текущего учета многих специфических явлений школьной жизни («домашние школы», манкирование учащихся занятиями и др.), недифференцированности сведений по сельской и городской местности и изменчивости формуляров, плохой сохранности архивных фондов ряда учреждений материалы текущей губернской и ведомственной статистики не позволяют охарактеризовать количественные параметры системы просвещения деревни в полных избранных нами территориальных рамках и в историческом развитии.

Указанную трудность в значительной степени удалось преодолеть с помощью привлечения материалов различных переписей и обследований. Центральное место среди них занимает Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.¹ Взятые в совокупности данные переписи позволяют выявить не только долю грамотных в населении, но и подсчитать их количество, приходящееся на одно хозяйство, показать соотношение грамотных мужчин и женщин, лиц различного возраста. Эти сведения можно дифференцировать по различным регионам страны, губерниям и округам (уездам) Сибири, городам и сельской местности, сословным категориям сельского населения, выделив, в том числе крестьян и казаков.

Состояние просвещения сибирской деревни накануне вступления страны в новое столетие частично характеризуют материалы обследований хозяйств государственных и кабинетских крестьян, предпринятых в конце 1880-х – середине 1890-х гг. Министерством земледелия и государственных имуществ и Главным управлением Алтайского округа².

¹ Общий свод по [Российской] империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. – СПб., 1905. – Т. 1–2; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – СПб., 1904–1905. – Т. 73–75, 78–79, 81; и др.

² Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской обл.: материалы. – СПб., 1898. – Вып. 3, 6; Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. – СПб., 1888–1893. – Вып. 1–2, 4, 17, 19; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. – М.; Иркутск, 1889–1893. – Т. 1; Т. 2, вып. 2, 6; Т. 3; Т. 4, вып. 2, 6; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского окр. Тобольской губ. – М., 1897. – Т. 1; Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском

Составляющие часть этого комплекса материалы по Ялуторовскому округу Тобольской губернии, Енисейской и Иркутской губерниям дают возможность проследить связь грамотности населения и таких важных показателей, как количество посева, рабочих лошадей, число работников-мужчин. Сведения о грамотности сельского населения, способах использования грамотности крестьянством, об обеспеченности селений печатной продукцией и круге чтения жителей были собраны статистиками следующим образом: а) путем непосредственного наблюдения за деревенской жизнью; б) с помощью устных опросов сельчан (интервью и бесед); в) посредством почтовой рассылки специальных анкетных листов по сельским училищам. Потом данные обрабатывались и важнейшие из них публиковались вместе с полученными в ходе первичного анализа выводами.

В районах государственного землевладения в Западной Сибири интересующие нас сведения вошли в основной корпус опубликованных материалов обследования по некоторым местностям: Тюменскому и Ишимскому округам Тобольской губернии, части Каинского и Мариинского округов Томской губернии¹. Что касается Восточной Сибири, то в хорошо известном историкам четырехтомнике «Материалов по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний» необходимые нам данные включены лишь частично. Дело в том, что при обследовании состояния грамотности и круга чтения здешнего крестьянства к Министерству земледелия и государственных имуществ подключился Восточно-Сибирский отдел Русского Географического общества. Первичную обработку и публикацию полученных данных произвел в своих трудах один из руководителей обследования – Л. С. Личков, о чем было сказано выше.

Еще один источник дифференцированных данных о грамотности и чтении крестьянства – материалы обследования переселенческих поселков Сибири в 1911–1912 гг., которые содержат группировку

езде (округе). – Барнаул, 1898–1901. – Вып. 1–4; Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском окр. – Барнаул, 1898. – Т. 2. – Вып. 1.

¹ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. – СПб., 1888. – Вып. 1; 1889. – Вып. 2–4; 1892. – Вып. 17; 1893. – Вып. 19.

дворов по посеву¹. Весьма ценно то, что в Томской губернии обследование переселенческих поселков было дополнено в 1912–1913 гг. переписью по той же программе селений старожилов².

Названные выше источники позволяют сравнивать в некоторых районах Сибири и по региону в целом уровень грамотности старожилов и переселенцев различных категорий, ссыльных, крестьян-православных и старообрядцев. Некоторые сведения статистического характера мы находим также в публикациях материалов местных обследований, проведенных в разное время специалистами из Министерства земледелия, Томского переселенческого района, Томского юридического общества и т. д.

Главный недостаток всех названных опубликованных до 1917 г. статистических источников – в методике обработки первичных материалов, которая не позволяет в полной мере проследить влияние социальных различий на состояние просвещения деревни. Имеющиеся группировки по хозяйственной состоятельности помогают это сделать лишь частично: в большинстве случаев данные сгруппированы произвольно. Нет возможности точно дифференцировать статистические сведения по этническому признаку. Только в редких случаях источники отделяют в среде так называемых «грамотных» лиц, умеющих лишь читать, от могущих читать и писать и от учащихся (только по Ялуторовскому округу Тобольской губернии за 1894 г., Барнаульской волости одноименного уезда Томской губернии за 1897–1913 гг.). Иначе говоря, с помощью статистики достаточно трудно определить качество грамотности крестьянства.

Опубликованные статистические данные затрудняют точную характеристику исторической динамики ряда параметров системы просвещения крестьянства Сибири. Например, в публикации материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. по сибирским губерниям и областям (кроме Томской губернии)³ не включены све-

¹ Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. – СПб., 1912. – Вып. 1–4; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ. – Томск, 1913. – Вып. 1–2.

² Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири. – Томск, 1927.

³ Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губ. за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 гг. – Томск, 1928.

дения о грамотности населения, что не дает возможности раскрыть результаты просветительной работы по всему обширному региону непосредственно перед революционными событиями 1917 г.

Сравнимые по полноте с данными школьной переписи 1911 г.¹ сведения о состоянии школьной и библиотечной сети в более ранний период на большей территории Сибири удалось получить только в результате обращения к первичным карточкам обследования этой сети, предпринятого в 1894 г. Комитетом грамотности Вольного Экономического общества².

Историки располагают многочисленными этнографическими и экономико-географическими описаниями, в которых нашли отражение важные аспекты темы. Описания оставлены очевидцами деревенской жизни из числа чиновников и общественных деятелей, политических ссыльных, участниками научных экспедиций, самими крестьянами. Они незаменимы для углубленного анализа качества грамотности, особенностей образа жизни и общественного сознания крестьянства в различных по степени социально-экономического и культурного развития местностях Сибири. Эти особенности оказывали определенное влияние на позицию крестьянства в вопросах просвещения, на результативность просветительской деятельности.

Часть описаний опубликована, большинство же хранятся в архивных и музейных фондах. Характер описаний, их содержание разнятся в зависимости от общественных взглядов, научной квалификации автора, цели и мотивов составления описания, что сказывается на их достоверности и информативности, требует сопоставления их друг с другом и источниками других видов. Имеющиеся в них элементы исследовательского характера заставляют тщательно вычленять собственно фактический материал.

К источникам личного происхождения относятся мемуары и частные письма крестьян и представителей иных сословий, какое-то время живших в сибирской деревне и хорошо знавших здешнюю социокультурную ситуацию. Участники историко-бытовых экспедиций Государственного Исторического музея записали в 1955–1957 гг. 123 рассказа крестьян о жизни в дореволюционный период на севере

¹ Однодневная перепись школ Российской империи, произведенная 18 янв. 1911 г. – СПб.; Пг., 1914–1916. – Вып. 12–16.

² РГИА. – Ф. 91. – Оп. 3. – Д. 397, 936–945.

Томской и юге Енисейской губерний¹. Отдельные воспоминания крестьян и выходцев из деревни содержатся также в коллекциях рукописей Красноярского, Минусинского и других краеведческих музеев, Института истории СО РАН. Целиком автобиографичны частично или полностью опубликованные (в том числе с нашим участием) записки Ф. С. Глухих², Ф. Д. Останина³, И. Г. Ростовцева⁴, М. Н. Рютина⁵, С. П. Титова⁶, А. В. Трифоновой⁷, И. К. Чувашевой⁸ и др. В эти источники вкраплены интересные факты, свидетельствующие о заметном влиянии грамотных членов на образ жизни семьи, сельской общины; о высоком авторитете хороших учителей в деревне; о стремлении крестьян получить образование и препятствиях, которые часто вставали на этом пути. Интересны индивидуальные крестьянские оценки пользы просвещения, просветительской деятельности отдельных школ, учителей.

В течение многих лет, начиная с середины 1980-х гг., по заданию и под руководством В. А. Зверева, одного из авторов настоящей монографии, записывают воспоминания своих родственников и знакомых о жизни в «старое время» студенты исторического и иных факультетов Новосибирского государственного педагогического института (с 1993 г. – университета). Часть из них хранится в коллекции историко-биографических материалов на кафедре отечественной ис-

¹ ГИМ. – Ф. 475. – Оп. 1. – Д. 1, 3; Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 12.

² Глухих Ф. С. Из неведомого мира // Красен человек ученьем: материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.) / сост., предисл., примеч. К. Е. Зверевой, В. А. Зверева. – Новосибирск, 1995. – С. 72–75.

³ Зверев В. А., Зверева К. Е.: 1) Начальная школа на Алтае в начале XX в. (по воспоминаниям Ф. Д. Останина) // Сибирский педагогический журнал. – 2004. – № 3. – С. 119–126; 2) Детство и школа в социокультурном пространстве сибирского села начала XX в.: (воспоминания Ф. Д. Останина) // Актуальные вопросы истории Сибири XVII–XX вв. – Новосибирск, 2008. – Вып. 3. – С. 113–131.

⁴ Ростовцев И. Г. На краю света: записки очевидца. – М., 1985.

⁵ Рютин М. Н. Автобиография // Рютин М. Н. На колени не встану. – М., 1992. – С. 50–63.

⁶ Титов С. П. Два детства. – М., 1965.

⁷ Трифонова А. В. Как я стала учительницей // Красен человек ученьем. – С. 75–80.

⁸ Чувашева И. К. Слава Богу за всё: воспоминания деревенской учительницы / ред., предисл., примеч. В. А. Зверева. – Новосибирск, 2008.

тории, некоторые опубликованы¹. В этих меморатах нашли отражение множество элементов культуры и образа жизни крестьян-сибиряков, в том числе связанные с народной педагогикой, обучением детей в школе, использованием приобретенной грамоты в повседневной деревенской жизни.

Немногочисленные крестьянские письма, которыми мы располагаем, интересны не только своим содержанием. Внешняя их критика дает представление о степени грамотности человека, написавшего письмо (как, впрочем, и прошение, жалобу). Цельный комплекс составляют письма агроному и общественному деятелю Н. Л. Скалозубову, депутату II Государственной думы². Они несут в себе весьма критическую оценку крестьянами состояния и перспектив развития системы просвещения, свидетельствуют о наличии крестьянской инициативы в этой области, в деле внедрения агрономических и агротехнических новшеств в своем хозяйстве, представления о пользе которых были почерпнуты, в частности, в специальной литературе.

Характеристику знаний, грамотности как части системы нравственных ценностей крестьян содержит фольклор русских сибиряков. В нем, в частности, отразился весьма противоречивый характер отношения крестьян к просвещению, политике официальных органов власти. Это неоднозначность отчасти была связана с переходностью социокультурной ситуации в начальной фазе модернизации традиционного общества, а также с социальной неоднородностью самого крестьянства. Нами использованы в основном пословицы и поговорки, как опубликованные в сборниках фольклора, так и содержащиеся в рукописных коллекциях архивохранилищ.

Повременные издания ряда учреждений и общественных организаций, периодическая печать различной общественно-политической направленности уделяли немалое внимание состоянию и перспективам развития просвещения сибирского крестьянства. Официальные издания Министерства народного просвещения, Переселенческого управления содержат обоснование и изложение распоряжений, циркуляров, инструкций, с помощью которых регулировались действия местных органов власти в сфере просвещения населения Сибири. Журналы пе-

¹ Родные голоса. Сибирь, XX в.: мемуары из коллекции кафедры отечественной истории НГПУ / сост. и ред. В. А. Зверев. – Новосибирск, 2008. – Вып. 1. В этой книге имеется «Библиография коллекции...» (с. 155–157).

² ГА в Тобольске. – Ф. 147. – Оп. 1. – Д. 6 и др.

дагогического и сельскохозяйственного профиля публиковали статьи, очерки, корреспонденции, в которых специалисты делились опытом просветительной работы, характеризовали условия, в которых ее приходилось осуществлять в Сибири, высказывали предложения по улучшению просветительской деятельности школ и библиотек.

Публикации в газетной периодике значимы своей злободневностью. Просмотр их за многие годы показал, что в передовых статьях, публицистических очерках отразились общественные позиции редакций изданий, их ведущих сотрудников по текущим вопросам просвещения. В корреспонденциях с мест, письмах в редакции сами крестьяне, учителя и священники, другие сельские жители характеризовали развитие потребности крестьян в образовании, низкий уровень последнего, формы функционирования грамотности в повседневной жизни крестьян, состояние школьной и внешкольной сети просвещения. Мы учитывали, что степень достоверности информации в изданиях буржуазно-либерального и официального направлений была разной, вторые в большей степени стремились либо приукрасить реальность, либо обходить наиболее острые вопросы. Это сказывалось и на подборе публикуемого материала, и на оценках приводимых фактов.

В целом выбранная нами исследовательская тема достаточно надежно обеспечена конкретно-историческими источниками, дающими в своей совокупности возможность выявить условия и факторы развития, определить движущие силы, направления и этапы использования и трансформации культурного потенциала сибирской деревни в конце XIX – начале XX в.

Авторы монографии *выражают сердечную благодарность* своей научной наставнице д-ру ист. наук, проф. Е. И. Соловьёвой, приобретшей их к изучению истории крестьянства Сибири. Они весьма признательны ушедшему из жизни члену-корреспонденту РАН Л. М. Горюшкину, много лет опекавшему их работу, а также коллегам по кафедре отечественной истории и Научно-образовательному центру «Гуманитарные и социальные исследования» Новосибирского государственного педагогического университета, по Институту истории Сибирского отделения РАН за каждодневную поддержку и сотрудничество.

Глава 1

ГРАМОТНОСТЬ КРЕСТЬЯНСТВА СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

1.1. Развитие потребности крестьян в просвещении

Историки и этнографы, изучающие культуру и общественное сознание сельского населения России и, в частности, Сибири, пришли к выводу, что уже в XVIII – первой половине XIX в. овладение такими элементами культуры, как умение читать и считать, стремление обучать детей грамоте являлось насущной потребностью относительно широких слоев деревенского населения¹. Эпоха «капиталистической» модернизации была временем, когда потребность крестьян в широком образовании и просвещении продолжала развиваться, постепенно захватывая не только элементарные навыки чтения, письма и счета, но и более широкий круг как общих, так и специальных (сельскохозяйственных, ремесленных и др.), а также общественно-политических знаний, умений и навыков. Между тем, факторы, обусловившие это развитие, его направленность, реальные проявления и результаты, в конкретно-историческом плане изучены явно недостаточно. В настоящей главе мы постараемся восполнить этот пробел в области исследований социальной психологии, общественного сознания и образа жизни русского крестьянства Сибири.

Анализируя имеющиеся источники, легко заметить, что для конца XIX – начала XX в. характерно большое количество приговоров сель-

¹ См.: Громыко М. М. Мир русской деревни. – М., 1991. – С. 271–315; Миненко Н. А.: 1) Советские историки о грамотности русских крестьян Сибири в период феодализма // Изучение Сибири в советскую эпоху. – Новосибирск, 1987. – С. 105–116; 2) Культура русских крестьян Зауралья, XVIII – первая половина XIX в. – М., 1991. – С. 119–134; Очерки русской культуры XVIII в. – М., 1990. – Ч. 4. – С. 327–337; и др.

ских и волостных сходов, ходатайствовавших перед властями об открытии начальной школы, вносивших посильные денежные суммы на развитие школьной и библиотечной сети, заботившихся о качестве обучения детей в местном училище и т. д. В определенные периоды приговоры такого рода становились массовым явлением. Например, летом и осенью 1896 г. по случаю коронации Николая II, как свидетельствуют официальные источники, 599 крестьянских обществ Томской губернии сделали добровольные пожертвования на школьные нужды¹. При этом общества деревень Литвиновой, Маяновой, Терехиной, Корчугановой и Колесиной Томского округа, Зырянский волостной сход Змеиногорского округа приняли решение ввести на своей территории всеобщее обязательное обучение детей. Жители 107 селений «приговорили» открыть у себя школу, в 117 населенных пунктах решено было построить дом для имеющегося училища. И столичные, и местные чиновники, занимавшиеся организацией школьного дела на рубеже XIX–XX вв., неоднократно констатировали, что масса деревенских ходатайств об открытии начальных школ в Сибири была вызвана осознанием крестьянами необходимости и пользы просвещения². О позитивном отношении многих сельских жителей к просветительской деятельности в изучаемый период говорят конкретно-исторические источники самого различного происхождения: отчеты административных органов, материалы обследований крестьянских хозяйств, данные анкетных опросов учителей, воспоминания самих крестьян.

Со временем стремление крестьянства приобщиться к грамоте и дать первоначальное образование своим детям последовательно нарастало. Об этом свидетельствует, прежде всего, увеличение числа ходатайств об открытии официальных школ. Активность авторов таких ходатайств превосходила возможности и желание администрации развивать школьную сеть в деревне. По свидетельству директора народных училищ Енисейской губернии, в 1902 г. более 100 «приговоров» сельских обществ

¹ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1284. – Оп. 241. – Д. 103. – Л. 69–72, 86–96, 188–190, 274.

² См.: *Анисимов С. С.* Краткие сведения по истории образования и заселения Южно-Каинского подрайона. – [Ст.] Татарская, 1911. – С. 50–51; [*Куломзин А. Н.*] Потребности начального образования в Сибири: всеподданнейший доклад по поездкам в Сибирь 1896–1897 гг. – СПб., 1898. – С. 13; *Штейнфельд В. П.* Бийский уезд Томской губ. – Бийск, 1910. – С. 51; и др.

об открытии училищ остались здесь неудовлетворенными¹. Позиция чиновников заставляла некоторые общества, особенно переселенческие, обращаться с аналогичной просьбой несколько раз. В годы революционных подъемов смиренные ходатайства сменялись требованиями, иногда выдвигавшимися в категорической форме².

Не получая достаточной поддержки от светских и церковных властей, крестьяне брали на свои собственные плечи строительство школьных зданий, покупку оборудования и учебных пособий, содержание учителей и другие школьные расходы. В период с 1898 по 1905 г. власти Енисейской губернии предложили обществам крупных селений высказать мнение об открытии там народных училищ. Были получены ответы из 79 сел, при этом жители 52 из них не только высказались за открытие школы, но и взяли на себя конкретные обязательства по ее содержанию³. Знаменательным в 1896–1902 гг. был факт учреждения 93 сельскими обществами Барнаульского округа (уезда) Томской губернии крестьянского Общества попечения о начальном образовании, материальные средства которого должны были складываться в течение первых десяти лет из взносов самих сельчан. В постановлении уполномоченных от обществ было, в частности, записано, что «необходимость в начальном образовании стала для наших крестьян вполне очевидной»⁴.

Будучи заинтересованными в развитии грамотности, крестьяне на своих сходах часто принимали решения о замене начальных школ одного типа другими, более доступными и дающими лучшее по качеству образование. В 80-х гг. XIX в. многие общества обращались к администрации с просьбой освободить их от содержания волостных училищ Министерства народного просвещения и разрешить открыть непосредственно в данном селении церковноприходскую школу. Дело в том, что училища, располагавшиеся в волостных центрах, были недоступны жителям отдаленных селений. Примерно с середины 1890-х гг. учащаются «приговоры», содержащие, напротив, ходатай-

¹ Нужды сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ. – Красноярск, 1903. – С. 11.

² См.: Крестьянское движение в Сибири, 1861–1907 гг.: хроника и историография / Л. М. Горюшкин, В. В. Кучер, Г. А. Ноздрин [и др.]. – Новосибирск, 1985. – С. 128.

³ ГАКК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 18, 47.

⁴ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 172. – Д. 1385. – Л. 11.

ства о замене школ духовного ведомства сельскими училищами МНП. Крестьяне были единодушными в мотивировке этой просьбы: обучение детей в церковноприходских училищах и школах грамотности приносит мало пользы.

Со временем все больше сельских обществ просили открыть у них двухклассное училище вместо одноклассного, дававшего слишком скудные знания. «Мы понимаем пользу двухклассной министерской школы ... чтобы дать возможность всем детям – и бедных крестьян, и ссыльнопоселенцев, занимающихся земледелием и вообще своим хозяйством, – получить развитие», – отметили в соответствующем постановлении члены Христорожественского общества Енисейской губернии в 1907 г.¹

Крестьяне Сибири самостоятельно создали большое количество неофициальных («домовых», «вольных») школ, не дождавшись открытия официального училища или будучи недовольными характером обучения в нем. Причем неверным было бы считать, что обучение детей в домашних школах всегда обходилось дешево. В 80-х гг. XIX в. затраты одной крестьянской семьи на содержание каждого ребенка в «домовой» школе составляли в Иркутской губернии в среднем 12 р. в год, в Енисейской же губернии доходили до 15 р. В то же время сборы на содержание официальных училищ колебались в этих губерниях от 20 коп. до 2 р. с платежной души². И, тем не менее, число неофициальных школ в сибирских деревнях было всегда значительно большим, чем количество официальных училищ всех типов.

По мере укрепления веры в необходимость образования, вопросы, связанные с различными сторонами функционирования школ и внешкольных просветительных учреждений, выдвигались с далекой периферии ближе к центру деятельности сельских обществ. Книга для записи «приговоров» Павлоградского общества Омского уезда Акмолинской области за 1912–1913 гг. свидетельствует, например, что на каждом третьем крестьянском сходе рассматривались вопросы местного начального училища³. По отчетам уездных отделений Томского епархиального училищного совета за 1895–1902 гг. прослеживается

¹ ГАКК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1781. – Л. 32.

² Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. – М.; Иркутск, 1890. – Т. 2, вып. 2. – С. 234; 1893. – Т. 4, вып. 2. – С. 31.

³ ИАОО. – Ф. 37. – Оп. 1. – Д. 15, 38.

изменение количественного соотношения фактов положительного и равнодушного отношения крестьянских обществ к школам. Так, в отчете Барнаульского отделения за 1898 г. 61 % случаев свидетельствует о равнодушном отношении, а в 1900 г. – только 58 %. В отчете за 1902 г. уже повсеместно фиксируется «сочувственное» отношение населения к школе¹. Доброжелательное отношение крестьян к деятельности школ отмечено почти во всех анкетах учителей, собранных местными учительскими союзами в ряде районов Западной и Восточной Сибири накануне или сразу после установления в нашем крае советской власти².

Источники зафиксировали увеличение продолжительности пребывания детей в школах в изучаемый период: все больше крестьян стремилось довести своих детей до окончания школьного курса. Постепенно росло число крестьян, стремившихся дать ребенку среднее образование. Отмечены многочисленные факты помещения крестьянских детей в начальную школу даже вопреки плохим материальным возможностям семьи. Важно, что так поступали представители нижнего социального слоя сельского населения, в наименьшей степени охваченного приобщением к грамоте. «Народ стремится к образованию», – так в обобщенном виде формулировали крестьяне Сибири свое желание иметь хорошую школу³.

Часто речь шла не только о школе для детей и подростков. Прогрессивные наблюдатели деревенской жизни отмечали и тягу взрослых крестьян к внешкольному образованию. Многие сельские общества проявляли усилия с целью организации в селениях библиотек-читален, расширения их книжного фонда, прямо объясняя это ростом потребности в чтении книг⁴. Все больше крестьян-сибиряков выписывало газеты и журналы, участвовало в работе сельскохозяйственных выставок и т. д. Исследователь А. Ермолаев, объехав в 1911 г. притрактовые селения в Приангарье, писал в своем отчете: «... Книга и газета теперь вовсе не такие редкие гости в избе, как было, напри-

¹ Подсчитано по: ГАТО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 3, 6.

² АГМ. – Ф. 105. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 4–28; ГА в Тобольске. – Ф. – 5. – Оп. 1. – Д. 107. – Л. 1.

³ ГАКК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1781. – Л. 28; ГАТО. – Ф. 239. – Оп. 1. – Д. 128. – Л. 15–16; Д. 141. – Л. 24–24; и др.

⁴ ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 60, 72, 132 и др.; ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 3635. – Л. 5.

мер, до 1900 г.»¹. В деревнях рос интерес к народным чтениям, несущим определенную научную информацию. По удивленному замечанию одного из слушателей воскресных чтений на тему «Биография Суворова» в с. Усть-Кут Верхоленского уезда Иркутской губернии, «на обеде народу было мало, а тут вон сколько набилось»².

Определенным показателем роста интереса крестьянства к знаниям является факт получения от грамотных сельчан ответов на анкеты по вопросам развития хозяйства и культуры, распространявшиеся в деревнях различными общественными организациями. Например, в 1891 г. в числе 165 корреспондентов Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества в Иркутской губернии было 33 крестьянина; в 1892 г. среди 170 корреспондентов – 56 русских крестьян и «инородцев»³. В 1900–1901 гг. среди 62 корреспондентов Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии насчитывалось 27 крестьян⁴. В числе 162 корреспондентов, доставивших в 1902 г. сведения Тобольскому губернскому статистическому комитету, было 89 крестьян⁵.

Позитивное отношение к просвещению нашло яркое отражение в устном народном творчестве. Повсеместно в Сибири в изучаемый период бытовали известные образные выражения: «Век живи – век учись», «Ученье – свет, а неученье – тьма». Сибирскими этнографами записаны поговорки: «Побольше грамотных – меньше дураков» (Иркутская губерния, 1909 г.), «Наукой свет стоит, ученьем люди живут» (Красноярский уезд Енисейской губернии, 1912 г.)⁶.

Какие же причины вызывали повышение интереса крестьянства Сибири к грамоте, образованию? На первое место следует поставить факторы, связанные с изменением социально-экономического уклада деревенской жизни при капитализме. Пришедшее в Сибирь железнодорожное сообщение, связанное с ним развитие товарно-денежных от-

¹ КККМ. – О/ф. 7886. – П. и. 203. – Л. 4.

² Корреспонденции // Вост. обозрение. – 1901. – 23 янв.

³ Подсчитано по: Иркутская губ. в сельскохозяйственном отношении за 1891 г. – Иркутск, 1892. – С. XIII; Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (далее – Труды МКНСП). – СПб., 1903. – Т. 54: Енисейская губ. – С. 19.

⁴ Подсчитано по: ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 2, 3, 19.

⁵ Подсчитано по: ГА в Тобольске. – Ф. 417. – Оп. 1. – Д. 650. – Л. 4–10.

⁶ ИЭА. – Ф. 22. – Оп. 1. – Д. 344. – Л. 2, 7; Д. 345. – Л. 4, 7; КККМ. – О/ф. 7886. – П. и. 123. – Л. 271.

ношений, крестьянской промышленности влекло за собой необходимость приобретения некоторых нетрадиционных для сельчан знаний и практических умений: вести учет производства и сбыта товаров, производить расчет с работниками, оформлять документацию. Конкурентные отношения, шедшие на смену патриархальным, требовали повышения рентабельности, сокращения затрат на ведение хозяйства... Выигрывал тот, кто мог применить нововведение, вести хозяйство на более рациональной основе. Это неизбежно порождало интерес к общим и специальным знаниям, грамотности как их первооснове.

Неграмотность крестьянина в новых условиях могла быть причиной ошибок или обмана, привести к разорению. Характерен в этой связи случай, происшедший в с. Куликовском-Правобережном Куликовской волости Томской губернии. Крестьянин Л. Дьяков сдал осенью 1913 г. свой земельный надел в аренду односельчанину М. Волошину, но, будучи неграмотным, сам не смог оформить соответствующие документы. По прошествии семи месяцев Дьяков узнал, что в договоре зафиксирован факт не сдачи в аренду, а продажи его земли. Прошения обманутого о признании недействительным поддельного договора не получили удовлетворения со стороны властей¹.

Образовательный уровень крестьянства даже на начальной стадии модернизации традиционного общества столь серьезно влиял на состояние сельского хозяйства и местной промышленности, что некоторыми современниками признавался главным фактором, определявшим это состояние. Это, конечно, не соответствовало действительности, но эффективное использование и ремонт распространявшихся в верхнем социальном слое деревни сельскохозяйственных машин, правильное применение новых, более продуктивных приемов агротехники и иные назревшие перемены в хозяйстве всё же были бы затруднены без ведущей роли грамотных людей.

Одним из важнейших факторов, влиявших на возрастание потребности крестьянства Сибири в просвещении, был отход сельских жителей в города и аграрные миграции, массовое переселение крестьян Европейской России за Урал. В. И. Ленин отмечал, что неземледельческий отход «вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и созна-

¹ ГАТО. – Ф. 187. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 27.

тельность его, прививает ему культурные привычки и потребности»¹. Что касается аграрных миграций, то переселения конца XIX – начала XX в. привели в Сибирь большое количество в своей основной массе более грамотных, чем местные старожилы, сельчан. Во вновь создаваемых переселенческих поселках ходатайства об открытии школы были, как правило, одним из первых мероприятий сельского общества. В селениях же сибиряков-старожилов устроившиеся здесь новоселы зачастую оказывали позитивное влияние на отношение к образованию остальных жителей, сами бывали активистами просветительской работы.

Развитие бюрократической системы функционирования государственного аппарата, сопровождавшееся втягиванием сельских жителей в процесс письменного общения с различными учреждениями через прошения, расписки, повестки, распоряжения и т. п., тоже толкало крестьян на овладение грамотой. Как ни тяжело, но «хочешь, не хочешь, а хоть парнишек приходится учить. Потому что пришли такие времена, что без грамоты стало как без рук», – сетовали в этой связи, например, жители д. Кульчек Комской волости Минусинского уезда Енисейской губернии в начале XX в. По воспоминаниям очевидца, они рассуждали между собой так: «То письмо откуда-нибудь придет, то самим надо кому-то написать. Каждый раз надо ходить да кланяться [грамотному человеку]. А не дай бог война. Сколько народу угонят в солдаты. Тут уж неграмотному человеку совсем беда. Увезут куда-нибудь – и ни слуху, ни духу. [...] А грамотный человек все-таки весточку подаст. Теперь в сельском обществе – то приговора какие-нибудь пишут, то бумаги от начальства выходят. И всех заставляют расписываться. Раньше просто было: палец к казенной бумаге приложил или крестик поставил. И всё. А теперь это почему-то отменили. Или сам расписывайся, или иди за кем-либо, кто за тебя мог бы расписаться»².

В исторической литературе неоднократно указывалось, что большое воздействие на уровень культурного развития деревни оказывали такие факторы политического характера, как политическая агитация и пропаганда, события Первой русской революции 1905–1907 гг. и революционных событий 1917 г. Они способствовали развитию крестьянского самосознания, активизировали позицию крестьян, в частно-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М., 1958. – Т. 3. – С. 576–577.

² Ростовцев И. Г. На краю света: записки очевидца. – М., 1985. – С. 78–79.

сти, по вопросам просвещения и образования. После событий 1905 г. стержневым требованием в этой сфере, привлекавшим все больше сторонников среди трудящегося крестьянства Сибири, становится требование «введения обязательного всеобщего бесплатного обучения»¹.

Определенное влияние на отношение крестьян к просвещению оказывала деятельность ряда созданных по инициативе либеральной общественности и демократической интеллигенции обществ содействия народному образованию и просвещению, в том числе Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии, Томского общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален. Последнее за годы своей работы в дооктябрьскую эпоху (с 1901 до 1917 г.) содействовало открытию в селениях Томской губернии 454 библиотек со 150 тыс. экземпляров книг, брошюр, журналов и газет². Сказывалась и активизация просветительского направления в деятельности сибирских филиалов Русского Географического общества, Московского общества сельского хозяйства, Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, других общественных организаций и ряда кооперативных обществ.

Политические ссыльные и местные революционные организации вели среди крестьянства Сибири просветительскую деятельность, что также стало одним из факторов, обуславливающих развитие культурных потребностей. Создавались библиотечки, через которые в деревенскую среду проникало некоторое количество пропагандистской литературы, в том числе и нелегальной. Выступления ссыльных в печати с острыми корреспонденциями о местной жизни возбуждали в населении интерес к чтению газет. По подсчетам историка Н. Н. Щербакова, в период 1907–1917 гг. свыше 380 социал-демократов занимались в Сибири педагогической деятельностью. Они создали 272 библиотеки в 114 населенных пунктах, в основном в сельской местности³. Общение с «политическими» вносило живую струю в повседневную деревенскую жизнь, будило общественную мысль, закладывало основы

¹ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск, 1983. – С. 216; КККМ. – О/ф. 7886. – П. и. 37. – Л. 1; ГА в Тобольске. – Ф. 147. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 27; Д. 35. – Л. 2, 11, 15, 22, 32.

² *Косых Е. Н.* Книжное дело в Сибири в период империализма // 200 лет книгопечатания в Сибири: очерки истории книжного дела. – Новосибирск, 1989. – С. 115.

³ *Щербаков Н. Н.* Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917 гг.). – Иркутск, 1984. – С. 136, 225.

для изменения нравов и взглядов на жизнь. Характерно в этой связи, что сибирские крестьяне всех политических ссыльных иногда называли «учителями»¹.

Рост тяги крестьянства к просвещению вызывался и развитием официальной и неофициальной сети просвещения: увеличением числа школ и учителей, расширением сети библиотек, повышением уровня грамотности населения, хорошими результатами обучения в некоторых школах, личными качествами конкретных просветителей. Если учитель приходился крестьянам по душе, они и детей ему отдавали учиться охотнее, и сами чаще заходили в школу взять книги для чтения, посоветоваться по какому-либо вопросу. Так случалось обычно в селениях, где учителя не чуждались крестьян, интересовались их жизнью и имели хорошую квалификацию. Сами крестьяне определяли свое отношение к учителю и школе таким образом: «... Смотря по тому, какой “интиллиген” и какая “учительша”. Есть, которые нам подходящи, а есть много таких, которые “задаются”»².

Приведем примеры исключительно позитивного влияния конкретных учителей на отношение крестьян-сибиряков к обучению детей и использованию грамотности в быту. Учительница И. К. Чувашева вспоминала, как жители глухой д. Сайтковой Кошукской волости Туринского уезда Тобольской губернии в 1912 г., через несколько лет после ее отъезда из этого селения, помня ее самоотверженную работу в местной школе грамоты, на сходе единогласно постановили ходатайствовать об открытии церковноприходского училища. «К приговору они приложили свое частное письмо, где настойчиво просили приехать к ним и “быть наставницей наших детей”». Возвратившись в Сайткову, Иустиния Чувашева с удивлением и радостью восприняла тот факт, что почти все дети школьного возраста (56 человек из 63) пришли к ней учиться. Учительница пишет: «В этой же деревне не так уж давно на школу смотрели враждебно, недоверчиво. Сколько труда нужно было положить, чтобы заманить детей в школу, а теперь – полно. Все идут учиться, все стремятся к свету»³. Позже, в 1920-х гг.,

¹ ГАНИИО. – Ф. 393. – Оп. 5. – Д. 528. – Л. 13–14; *Гольдберг И. Г.* Замечания к очерку М. Ткаченко о торговле по р. Нижней Тунгуске // Изв. / О-во изучения Сибири и улучшения ее быта, Иркут. отд-ние. – Иркутск, 1917. – Т. 1. – С. 80.

² АГМ. – Ф. 105. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 28.

³ *Чувашева И. К.* Слава Богу за всё: воспоминания деревенской учительницы. – Новосибирск, 2008. – С. 80, 83.

громкий общественный резонанс международного уровня имел опыт просветителя и публициста А. М. Топорова, организовавшего в коммуне «Майское утро» на Алтае регулярное коллективное чтение и обсуждение произведений русской и зарубежной литературы. Но такой опыт был бы невозможен, если бы еще в досоветский период, в 1915–1917 гг., не сформировались любовь и доверие к Адриану Митрофановичу со стороны крестьян с. Верх-Жилинского Косихинской волости Барнаульского уезда Томской губернии, где тот преподавал в «министерской» начальной школе¹.

Среди уважаемых крестьянами учителей встречались либерально-демократически или революционно настроенные люди, привлекавшие властями к суду «за политику». Бывало, что влияние такого учителя определяло весь жизненный путь учащегося. Так, старый учитель П. Н. Калошин всегда тепло вспоминал о педагогах, работавших в школе в глухой деревушке на юге Иркутской губернии, где он учился со своими товарищами. Когда в 1905 г. Анну Александровну Сидоровскую жандармы арестовали прямо на уроке и вели под конвоем, ребята долго бежали следом, плакали и просили отпустить. А позже Федор Иванович Бахарев отобрал в школе самых способных детей и повел их учиться в педучилище в с. Тулун – за 400 верст пешком, страдая от гнуса и голода вместе с ними². В Сибири бывали случаи, когда сельчане пытались защитить учителей, подозреваемых властями в политической неблагонадежности, предотвратить их арест и лишение права преподавания.

Чем больше становилось в деревне грамотных, тем быстрее перестраивалось отношение к просвещению основной, неграмотной части крестьян. Пример соседей убеждал и становился заразительным, иногда заставлял учить детей из самолюбия, «чтобы не отстать от мира». В первую очередь выучить своих детей стремились те родители, которые сами владели грамотой. Особенно сильным было влияние грамотных женщин-матерей: практически все они при первой же возможности посылали ребятишек в школу или обучали их азам грамоты дома³.

¹ См.: *Титов С. П.* Два детства. – М., 1965. – С. 15.

² *Галкина В.* Патриарх // Учит. газета. – 1989. – 2 февр.

³ ГАИО. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 12; Комиссия для исследования земледелия и землепользования в Забайкальской обл.: материалы. – СПб., 1898. – Вып. 6. – С. 82–83; и др.

Приведем конкретные примеры позитивного влияния людей, уже приобщившихся к грамоте или обучающихся в школе, на отношение к образованию своих родственников и односельчан (примеры относятся к началу XX в.). А. Н. Михалёва, 1905 г. рождения, вспоминает, что в с. Ершове Барнаульского уезда Томской губернии, где она ходила в школу, обучавшимся детям сверстники завидовали. «Другие дети, кто хотел учиться, приходили к нам и учились у нас читать и писать на грифельной доске. У [односельчан] Квасовых дома была библиотека, и они разрешали пользоваться книгами соседям»¹. В уже упоминавшейся д. Саитковой Туринского уезда Тобольской губернии по случаю открытия здесь церковно приходской школы почти все семьи охотно отправили своих детей учиться. Мемуаристка И. К. Чувашева объясняет этот факт тем, что в деревне было уже немало жителей, обучавшихся в существовавшей здесь ранее школе грамоты. На церемонии открытия школы учащиеся и их родители, представители крестьянского самоуправления с одобрением воспринимали слова местного священника: «Слава Богу, чаяния ваших родителей и ваши, дети, исполнились, вы можете в душе своей возжечь свет учения и с большей уверенностью, большим пониманием относиться к окружающим явлениям. А это ныне крайне необходимо, когда настало время лукавое, поражающее разнообразием явлений и фактов таких, каких не знали в старину. И, чтобы разобраться в них, чтобы узнать, что есть добро, а что зло, нужен хотя бы маленький светоч, каковой вам и даст школа»².

Потребность в грамотных людях сильнее всего осознавалась крестьянами в те годы, когда значительная часть их родных, близких и односельчан уходила из деревни, будучи призванными на действительную военную службу в годы Русско-японской и Первой мировой войн. По сведениям почтово-телеграфных управлений, в эти периоды наблюдался невиданный рост числа выписываемых газет, «вследствие интереса народа, производимого к театру военных действий»³.

¹ Михалёва А. Н. С раннего утра и до поздней ноченьки // Традиционная педагогика / авт.-сост. и отв. ред. В. А. Зверев. – Новосибирск, 2005. – С. 96.

² Чувашева И. К. Указ. соч. – С. 86.

³ ГААК. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 28. См. также: Березовский Н. П. О состоянии начального образования в Енисейской губ. за 1915 г. – Красноярск, 1916. – С. 35.

В первые годы мировой войны определенное позитивное воздействие на состояние культурных потребностей крестьянства оказало также запрещение казенной продажи крепких алкогольных напитков в стране: уменьшение пьянства высвободило дополнительное время и средства сельчан. Рассмотрим данные анкетного обследования, предпринятого в августе-сентябре 1916 г. акцизным управлением Енисейской губернии с целью выяснения особенностей «трезвого» образа жизни местного населения. Из всех уездов от сельских старост, представителей деревенской интеллигенции (учителей, священников, врачей и фельдшеров), от кооператоров, чиновников было получено 1368 ответов на вопрос, не увеличилось ли чтение книг и газет, и 1211 ответов на вопрос, не увеличилась ли выписка газет и журналов в годы войны. В первом случае однозначно утвердительными были 789 ответов (58 %), во втором – 639 (53 % от общего количества)¹. В своих пояснениях к ответам их авторы указывали, что «текущая война» и «прекращение продажи напитков» повлияли бы на масштабы выписки и чтения книг, газет и журналов гораздо сильнее, но этому мешало действие ряда отрицательных факторов: в армию мобилизована самая грамотная часть населения, и «некому стало читать»; вздорожали цены на литературу; у крестьян мало опытных руководителей и советчиков, подходящих помещений для громких читок; остаются скудными литературой сельские и школьные библиотеки. Были отмечены многочисленные любопытные факты выписки «вкладчину» газет для коллективного чтения вслух группами малограмотных и бедных крестьян, целыми сельскими обществами.

Насколько велико было желание сельчан узнать из периодики о том, как развиваются военные, а затем революционные события, видно из таких, весьма типичных замечаний в анкетах: «Население запрашивает газеты у учителей и в других селениях и читает их с возрастающим интересом» (Березовская волость Ачинского уезда); «При поездке в город на базар крестьяне расхватывают телеграммы, газеты и лубочные картины» (Красноярский уезд); «Почта ... увеличилась весом в 4–5 раз и исключительно в силу выписки журналов и газет. Народные чтения посещаются охотно» (Усинский округ)². Родные старались поддерживать связи с мужчинами, призванными на войну,

¹ [Юрьев А. Я.] Как отразилось запрещение продажи крепких напитков на жизни населения Енисейской губ. – Красноярск, 1916. – С. 29–30.

² Там же. – С. 31–34.

и потому в деревнях очень ценили грамотного односельчанина, способного не только познакомить с содержанием газеты, но и «отписать» письмо на фронт, прочесть весточку от мужа или сына.

Таким образом, под влиянием всех вышеуказанных факторов, действовавших в условиях начинавшейся модернизации традиционного общества, значительная часть крестьянства Сибири повернулась лицом к просвещению, причем насущная потребность в знаниях зачастую находила четкую конкретизацию. Обратимся еще раз к материалам анкеты Енисейского губернского акцизного управления за 1916 г., основные выводы из анализа которой можно распространить на более обширную территорию Сибири. В статистическую обработку вошло 1737 анкет, и в 553 из них корреспонденты указали на желание своих односельчан иметь библиотеку или библиотеку-читальню, 357 раз обозначено стремление завести в селении кинематограф, 278 раз – устраивать народные спектакли, 255 – обучаться музыке и пению, 282 раза – иметь народный дом, 114 – открыть школу. Кроме того, высказывались пожелания крестьянства открыть ремесленное училище, проводить народные чтения, смотреть «волшебный фонарь», заполучить в деревню «хороших опытных учителей» и т. д.¹

Однако картина была бы искаженной, если бы мы не обратили внимания и на другую сторону дела. Среди общинных «приговоров» в Сибири значительной была доля таких, которые означали отказ «мира» открыть в селении школу или библиотеку, увеличить жалование учителю, выделить средства на содержание в городе учительской семинарии и т. п.² В большинстве крестьянских семей не было ни одного по-настоящему грамотного члена, однако сравнительно немногие сельчане посылали своих детей в школу, да и то, как правило, лишь одного-двух из нескольких «челяденков». По данным обследования Комитета грамотности Вольного Экономического общества, в 1894 г. в сельской местности Сибири лишь 6,9 % детей школьного возраста (мальчики 7–13 и девочки 7–14 лет включительно) посещало официальные школы. В 1911 г., судя по материалам Всероссийской

¹ Подсчитано по: [Юрьев А. Я.] Указ. соч. – С. 40–41.

² ГААК. – Ф. 127. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 55, 64; Ф. 216. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 30–32; ГАКК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 3, 17, 19, 35 и др.; Ф. 807. – Оп. 1. – Д. 293. – Л. 19–20.

школьной переписи, соответствующий показатель составил 16,5 %¹. Как нам представляется, объясняются такие факты, главным образом, не отсутствием потребности в просвещении, а совокупным действием нескольких причин объективного характера.

В Сибири в изучаемую эпоху сеть просветительных учреждений была слаборазвитой. Объясняя собственные отказы помогать развитию этой сети, сельские сходы обычно ссылались на неурожаи зерновых, малолюдность общества и иные вполне уважительные причины, не дававшие возможности изыскать нужные средства из скудных общественных сумм. Крестьянин с. Шушенское Минусинского уезда Енисейской губернии А. В. Орочко однажды метко выразился о «платонических желаниях» крестьян-сибиряков иметь хорошие школы, не получавших выражения в мирских «приговорах» именно из-за скудости средств или отсутствия грамотного человека, способного «вести ходатайство» перед властями². В ряде случаев отказы мотивировались бесполезностью того или иного просветительного учреждения для данной местности или конкретного селения: школы располагались от него слишком далеко, из учительской семинарии туда никого никогда не присылали и т. д.

Отдельные семьи, решая вопрос о том, учить или нет ребенка в школе, тоже руководствовались соображениями первоочередного, утилитарно-экономического характера. На семейном совете принималось в расчет, сможет ли хозяйство обойтись без детского труда, хватит ли денег на новую обувь и одежду школьнику, на наем квартиры в том селе, где размещается училище. Даже осознавая насущную необходимость в этом, «нехватные» сельчане часто не имели никакой материальной возможности учить своих детей. Так, в отчете о

¹ Посчитано с учетом возрастной структуры населения, зафиксированной переписью населения России 1897 г., по источникам: Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 янв. 1911 г. – Пг., 1916. – Вып. 16. – С. 22, 54, 56; Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1893–1895 гг. – СПб., 1898. – Ч. 1. – С. 126–277; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1910 г. – СПб., 1912. – С. 66–67, 91–94; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. – СПб., 1904–1905. – Т. 73: Енисейская губ. – С. 8–9; Т. 74: Забайкальская обл. – С. 8–9; Т. 75: Иркутская губ. – С. 8–9; Т. 78: Тобольская губ. – С. 12–13; Т. 79: Томская губ. – С. 12–13; Т. 81: Акмолинская обл. – С. 8–9.

² Труды МКНСП. – Т. 54. – С. 267.

состоянии Забайкальского казачьего войска за 1898 г. прямо указывается, что неимущие жители «принуждены в силу необходимости детей не учить, хотя давно познали всю важность обучения грамоте»¹.

И все же далеко не все крестьяне твердо сознавали необходимость образования и просвещения. Думается, что положительное отношение к ним можно определить лишь как важную формирующуюся и закрепляющуюся в сибирской деревне тенденцию.

На состояние культурных потребностей отрицательно влияла традиция не учить детей грамоте, сформировавшаяся в предшествующий период и являвшаяся фактором, неизбежным в условиях существования пережитков натурального хозяйства, патриархальщины во всех сферах жизни. «Наши отцы неучены были – лучше нас жили», «Не надо нам этого [образования], жили мы и без школы, да целы были», – так выражали крестьяне-сибиряки сущность этой устаревшей традиции². Источники отмечают множество реальных случаев, когда крестьянин «предпочитает оставлять детей по примеру дедов и отцов в полном невежестве», причем зачастую это касается не только светского образования, но и духовной грамоты³. Даже отправив в школу одного из детей (обычно это был мальчик), остальных, как правило, не учили.

Приведем пример коллективного принятия решения об отказе от обучения деревенских детей в школе. Учительница Иустиния Чувашева в своих воспоминаниях рассказывает, что в конце XIX в. жители д. Сайтковой Туринского уезда Тобольской губернии враждебно смотрели на местную церковную школу грамоты «как на лишнюю и совсем ненужную статью расходов». В 1898 г. на деревенском сходе под давлением священника, заведовавшего школой, согласились нанять квартиру для нее и для приехавшей в село учительницы, но ребят своих решили в училище не отдавать: «Незачем им учиться. Парни грамоту одолеют – по городам пойдут шататься, а девочки научатся – так женихам письма станут писать»⁴.

¹ РГВИА. – Ф. 330. – Оп. 43. – Д. 1402. – Л. 18–19.

² ГАИО. – Ф. 609. – Оп. 1. – Д. 62. – Л. 4; *Попова А. М.* Семейские (забайкальские старообрядцы). – Верхнеудинск, 1928. – С. 28.

³ См.: *Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири.* – СПб., 1889. – Вып. 4. – С. 147–148; РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 1836. – Л. 35–36; *Волосников В. К.* Отцовская наука была суровая... // *Традиционная педагогика.* – С. 95; и др.

⁴ *Чувашева И. К.* Указ. соч. – С. 13–14.

В старообрядческой среде начетчики и уставщики, стремясь предотвратить «мирское» и «никонианское» влияние на их паству, местами запрещали единоверцам отдавать детей в официальные школы, читать светскую литературу. Чаще всего такие запреты воспринимались как должное. Староверы если и учили детей, то почти исключительно по своим религиозным канонам семейным образом или в «вольных» (неофициальных) старообрядческих школах. Изменение этой ситуации наметилось только после принятия в 1907 г. Закона о веротерпимости, когда появилась возможность открывать официальные старообрядческие школы, настаивать на учете в процессе обучения в «министерских» училищах и школах Святейшего Синода конфессиональных особенностей учеников из семей староверов¹.

В изучаемый период, как и в более раннее время, в сибирской деревне определенное распространение имели попытки жителей скрывать свою грамотность. Так, земский заседатель 2-го участка Красноярского округа Енисейской губернии в рапорте окружному исправнику (1894 г.) объяснял факт записи двух грамотных крестьян Ладейского сельского общества в число неграмотных при подписании постановления схода тем, что они скрыли свою грамотность, и это «между крестьянами практикуется». Далее он указал, что крестьянин Л. Киприк, служивший хозяйственным заседателем в Вознесенской волости, «скрывал свою грамотность, прикладывая должностную печать к бумагам, требующим его подписи»².

Объяснение таким фактам нужно искать в общественной психологии крестьянства того времени. Люди обычно стремились избежать выполнения обязанностей на выборных сельских и волостных должностях – они мешали заниматься собственным хозяйством, иногда были связаны с дополнительными личными расходами. Грамотность же официально считалась одним из важнейших оснований для избрания на такие должности. С образованием в сознании части крестьян связывалась также возможность быть заподозренным в неблагонадежности. Этнограф-краевед Н. А. Абрамов еще в 1860-х гг. записал в Ялуторовском округе Тобольской губернии распространенные и позже по всей Сибири такие поговорки: «Кто меньше знает, с того

¹ См.: Вопросы народного образования среди старообрядцев. – М., 1909. – С. 68.

² ГАКК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 167. – Л. 10.

меньше спрашивают», «Знайку ведут, незнайка на печке сидит»¹. Последняя имела на Алтае и такой вариант: «Незнайка на печке лежит, а знайку в острог тянут»².

В основе отрицательного отношения значительной части крестьянства к обучению детей в школе лежала также невозможность обойтись в семейном домохозяйстве без систематического использования детского труда. Вот как рассуждали, например, жители д. Кульчек Комской волости Минусинского уезда Енисейской губернии в начале XX в.: «... Как ни мал парнишка, а в семье он уж все-таки подмога. Осенью, когда начинается ученье, он еще может ходить подпаском на заимке, зимой управляться со скотом, подсоблять на гумне. Ну, а весной, известно, ребята боронят. Как ни прикидывай, а такой клоп заменяет в хозяйстве взрослого человека, особенно у малосемейных, и отрывать его на три года от дома нет никакого расчета. А о девчонках и говорить не приходится. Без них матерям как без рук. [...] Разве тут до ученья»³. Очевидцы отмечали, что труднее всего прививалось осознание необходимости учить детей в школе в тех районах Сибири, где были развиты мелкие обрабатывающие и добывающие промыслы, требующие именно зимой, в учебное время, большого количества рабочих усилий подростков⁴.

Характер семейного крестьянского хозяйства, требующего значительных трудовых затрат, напряжения всех сил, чтобы обеспечить сносное существование в нижнем социальном слое деревни, предотвратить разорение в среднем, добиться стабильности, расширенного воспроизводства и большей прибыли в верхнем, сдерживали развитие потребности в просвещении. В том же направлении действовал в целом низкий уровень техники и агротехники крестьянского хозяйства, позволявший в повседневном трудовом процессе обходиться без обращения к новейшим достижениям общественного производства, науки и техники.

¹ *Абрамов Н. А.* Город Ялуторовск с его округом // *Тобольские губернские ведомости*. – 1864. – 11 июля.

² *Вербицкий В. И.* Пятая сотня областных слов, употребляемых приалтайскими жителями // *Томские губернские ведомости*. – 1863. – 5 июля.

³ *Ростовцев И. Г.* Указ. соч. – С. 78.

⁴ См.: ГА в Тобольске. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 400. – Л. 40; *Материалы для изучения... Западной Сибири*. – 1888. – Вып. 1. – С. 323; 1889. – Вып. 4. – С. 143; *Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний*. – Т. 2, вып. 2. – С. 214; и др.

Мотивировки крестьянами своего отношения к образованию и просвещению показывают, что развитие потребности в них шло в тесной взаимосвязи с эволюцией общего уровня самосознания. Одной из распространенных в Сибири формулировок была такая: дети, выучившись, «отстанут от сельских работ, перестанут уважать родителей», и потому их вряд ли стоит учить¹. Знаменитый впоследствии агроном, почетный академик ВАСХНИЛ Т. С. Мальцев (1895–1994) рассказывал, что его отец, крестьянин-старообрядец из д. Мальцевой в Южном Зауралье, не хотел учить сына грамоте, не пускал его в школу: «Неграмотный мужик крепче держится за соху»². Мнение, согласно которому «грамотей – не пахарь», имело в некоторой степени реальные основания. Различные источники отмечают, что получившие более или менее сносное образование подростки далеко не всегда стремились возвратиться к земледельческому труду³.

Таким образом, если говорить о сибирской деревне конца XIX – начала XX столетия в целом, то отношение ее жителей к образованию и просвещению придется признать неоднородным. Господствующая тенденция роста стремления к получению знаний, относительно высокий уровень сформированности этой потребности у многих крестьян были связаны с прогрессивными процессами развития рыночных отношений и «капиталистической» модернизации общества, особенно в зоне влияния железных дорог, крупных трактов, в пригородных местностях. Элементы безразличного или негативного отношения обуславливались сохранявшимся доминированием традиционных (патриархальных) порядков в экономике, социальной сфере и культуре, положением Сибири как окраины и колонии в экономическом смысле, относительно низким уровнем развития самосознания крестьянства. Определенная противоречивость отношения к грамотности и научным знаниям объясняется также общей противоречивостью психологии этого класса-сословия, его территориальной и хозяйственной разобщенностью в огромной Сибири, усиливающейся социальной неоднородностью. В той степени, в которой крестьянство в процессе модернизации переставало быть единым по своей социаль-

¹ ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 6.

² Мальцев Т. С. Раздумья о земле, о хлебе. – М., 1985. – С. 6.

³ См.: ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 15; РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 3. – Д. 84. – Л. 127; Обручев В. А. В старой Сибири: сборник статей, воспоминаний и писем 1888–1955 гг. – Иркутск, 1958. – С. 196–198; и др.

но-экономической и социокультурной сущности, различные его слои и группы приобретали специфические жизненные установки, реализуя их в своем образе жизни.

1.2. Уровень и динамика грамотности сельского населения

Сложившийся в Сибири к концу XIX – началу XX в. уровень грамотности крестьянства во многом зависел от культурной ситуации, сложившейся в предшествующий период. Историки-сибиреведы, изучавшие народную культуру эпохи феодализма, отмечали, что в XVII–XVIII вв. «грамотность среди крестьян-сибиряков была явлением нередким»¹, а в первой половине XIX столетия уже «значительная часть сельского населения была грамотной»². Какую долю составляла эта «значительная часть»? Известная исследовательница Н. А. Миненко приводит данные, полученные в 1841 г. комиссией Министерства государственных имуществ. Комиссия пришла к убеждению, что среди крестьян Тобольской губернии один грамотный приходится на 49 человек (т. е. грамотность населения составляет 2 %); среди государственных крестьян Томской губернии один грамотный приходится на 74 человека, уровень грамотности составляет всего 1,3 %³. Впрочем, Н. А. Миненко, а также Т. С. Мамсик считают такие данные заниженными. Однако более основательные и подробные сведения, в силу объективного состояния исторических источников, для времени до конца XIX в. получить невозможно. Интересующий нас период конца XIX – начала XX в. гораздо лучше обеспечен статистическими источниками, и есть возможность выяснить грамотность сельского населения Сибири с достаточной степенью достоверности.

Воспользуемся для этого прежде всего материалами Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., где выделено сельское население всех регионов. Разумеется, в нем присутствовали

¹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. – Новосибирск, 1982. – С. 415.

² Мамсик Т. С. Из истории развития грамотности в западносибирской деревне (по материалам судебных дел первой половины XIX в.) // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск, 1985. – С. 105.

³ Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья. – С. 133. Проценты подсчитаны нами.

и представители некрестьянских сословий – духовенство, мещане, «инородцы» и другие, но их относительно небольшое количество не влияло существенным образом на показатели грамотности в деревне. Так, в Томской губернии среди всего сельского населения грамотных было 8,5 %, а среди «лиц сельского состояния» (крестьян и казаков) – 7,8 %¹. Напомним, что в качестве грамотных перепись 1897 г. фиксировала лиц, умевших читать и писать или, по крайней мере, хотя бы читать. Поэтому к ним относились и малограмотные, а также дети, еще проходящие обучение.

Данные таблицы 1.1 показывают, что грамотность сельского населения во всей Сибири, ее отдельных губерниях и областях была ниже, чем в Европейской России и в целом по стране, причем существенно. Восточная Сибирь находилась в несколько лучшем положении, чем Западная. Особенно выгодно выделялись Иркутская губерния и Забайкальская область, где значительную долю сельских жителей составляли казаки – категория населения гораздо более грамотная, чем крестьянство. В начале XX столетия в Забайкальском казачьем войске из каждых 100 душ обоего пола были грамотными 18, на 100 мужчин приходился 31 грамотный².

Более высокий уровень грамотности сельского населения Восточной Сибири по сравнению с Западной объясняется и другими особенностями этого региона. Здесь доля мужчин в населении была выше³, а они были намного грамотнее женщин; наблюдалась более высокая степень концентрации сельского населения, большее географическое тяготение к крупным торгово-транспортным путям и центрам, что облегчало и ускоряло его просвещение. Сказывалась и активная просветительная деятельность всех поколений политических ссыльных, основная масса которых размещалась властями именно в населенных пунктах Восточной Сибири⁴.

¹ Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись... – Т. 79. – С. 44.

² РГВИА. – Ф. 330. – Оп. 61. – Д. 267. – Л. 19.

³ См.: Горюшкин Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). – Новосибирск, 1976. – С. 142; Пронин В. И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913) // История СССР. – 1981. – № 4. – С. 68.

⁴ См.: Соловьёва Е. И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX в.). – Новосибирск, 1983. – С. 226.

**Грамотность населения России
и некоторых ее регионов (1897 г.)***

Регион	Доля грамотных в населении, %			На 100 хозяйств приходится грамотных членов			На 100 грамотных мужчин приходит- ся грамот- ных жен- щин
	муж- чин	жен- щин	всего	муж- чин	жен- щин	всего	
<i>Во всем населении</i>							
Тобольская губ.	17,7	5,0	11,3	46	13	59	29
Томская губ.	16,5	4,3	10,4	47	12	59	26
Акмолинская обл.	15,6	4,7	10,3	47	13	60	28
Енисейская губ.	20,0	6,8	13,7	58	18	76	31
Иркутская губ.	21,8	7,6	15,2	65	20	85	30
Забайкальская обл.	22,5	3,8	13,4	67	11	78	16
<i>В целом по Сибири:</i>	<i>18,3</i>	<i>5,0</i>	<i>11,7</i>	<i>52</i>	<i>14</i>	<i>66</i>	<i>27</i>
Европейская Россия	32,6	13,6	22,9	92	40	132	44
Российская империя	29,3	13,1	21,1	83	37	120	45
<i>В сельском населении</i>							
Тобольская губ.	15,7	3,6	9,6	41	10	51	24
Томская губ.	14,4	2,8	8,5	41	8	49	19
Акмолинская обл.	12,1	2,3	7,4	36	6	42	17
Енисейская губ.	16,4	4,2	10,6	48	11	59	23
Иркутская губ.	17,8	3,7	11,2	53	10	63	18
Забайкальская обл.	20,6	2,5	11,6	61	7	68	12
<i>В целом по Сибири:</i>	<i>15,7</i>	<i>3,1</i>	<i>9,5</i>	<i>44</i>	<i>9</i>	<i>53</i>	<i>19</i>
Европейская Россия	28,5	10,3	19,1	79	30	109	38
Российская империя	25,2	9,8	17,4	71	23	99	40

* Подсчитано по: Общий свод по [Российской] империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. – СПб., 1905. – Т. 1. – С. 16, 24, 32, 39, 47, 55.

Уровень грамотности сельского населения Сибири был низким и по сравнению с грамотностью сибирских горожан. В 1897 г. в горо-

дах различных губерний и областей Сибири доля грамотных в населении колебалась от 34,9 до 43,4 %¹. Это было в 3–5 раз выше, чем в сельской местности, хотя сами по себе показатели грамотности и в городах не могут считаться достаточно высокими.

Существовала большая разница по уровню грамотности между мужчинами и женщинами. В селениях Сибири грамотность у мужчин превышала таковую у женщин более чем в пять раз. Имели место существенные различия в грамотности различных этнических и конфессиональных групп населения. Так, самая низкая в Сибири грамотность населения Акмолинской области объясняется, главным образом, преобладанием здесь аборигенного, в основном казахского населения. Грамотность казахов Акмолинской области составляла в 1897 г. лишь 3,3 %².

Теперь выясним, как были представлены грамотные в крестьянских домохозяйствах (дворах) – основных ячейках деревенского сообщества, объединявших в основном членов одной семьи разнообразными отношениями, возникающими при организации совместной жизни, в первую очередь – при ведении общего домашнего, а в большинстве случаев также аграрного и промыслового хозяйства. Привлечем для этого данные массовых обследований крестьянских хозяйств в ряде регионов или местностей Сибири (табл. 1.2).

Данные таблицы 1.2 свидетельствуют, что в конце XIX в. лишь менее одной трети крестьянских дворов имели в своем составе лиц, умеющих читать или писать, а также учащихся. Концентрация грамотных лиц в тех семейных домохозяйствах, которые имели таковых, была очень невелика: повсеместно на одну ячейку из 5–6 человек (это средняя людность крестьянского двора и семьи в Сибири) приходилось менее двух грамотных членов. Полное отсутствие грамотных более чем в 2/3 крестьянских семей, безусловно, отрицательно сказывалось на экономическом, культурном и духовном развитии последних.

¹ Подсчитано по: Общий свод по [Российской] империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 янв. 1897 г. – СПб., 1905. – Т. 1. – С. 47, 55.

² Подсчитано по данным: Первая Всеобщая перепись... – Т. 81. – С. 64.

Распределение грамотных лиц по крестьянским хозяйствам Сибири (конец XIX в.)*

Регион или местность, годы	Кол-во грамотных на 100 наличных хозяйств	Кол-во хозяйств с грамотными, %	На 100 хозяйств с грамотными приходится грамотных		
			мужчин	женщин	всего
Енисейская губ., 1886–1892	31	21,2**	127	17	144
Иркутская губ., 1886–1892	43	24,4	110	8	118
Ялуторовский окр. Тобольской губ., 1894	38	27,5	120	19	139
Барнаульская вол. одноименного уезда Томской губ., 1897	44	27,2	160	10	170

* Подсчитано по: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. – М.; Иркутск, 1889. – Т. 1. – С. 162, 170, 226, 275; 1892. – Т. 2, вып. 6. – С. 26; 1893. – Т. 4, вып. 2. – С. 36–37, 54–55; Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского окр. Тобольской губ. – М., 1897. – Т. 1. – С. 801–803; *Трегубов Н. М.* Экономическое исследование маслоделия в Сибири. – Харьков, 1906. – С. 70–71.

** Ввиду отсутствия сведений о количестве дворов с грамотными членами во всем крестьянском населении, дан соответствующий показатель у крестьян-старожилов.

О невысоком уровне грамотности сельского населения Сибири свидетельствуют и источники описательного характера. Наблюдатели-современники нередко называли неграмотность «главным злом» в жизни сибиряка, указывали на «поразительную безграмотность» крестьянства. Вот наиболее яркие свидетельства. По мнению известного ученого В. А. Обручева, посетившего многие местности Восточной Сибири в конце XIX в., грамотных крестьян старшего возраста здесь «можно было пересчитать по пальцам»¹. В докладе инструктора Сою-

¹ *Обручев В. А.* Указ. соч. – С. 196–198. См. также: *Анучин В. И.* Современное положение сельскохозяйственной промышленности в Енисейской губ. // Сиб. наблюдатель. – 1904. – № 1. – С. 105; *Путник Ф., Путник В.* Жизнь крестьянина

за сибирских кооперативных союзов «Закупсбыт» В. И. Дорофеева (1917 г.) отмечено, что в Кулундинской степи «даже мало-мальски грамотных людей приходится искать чуть ли не с огнем и зачастую не находится... Часто трудно бывает найти просто грамотного человека, способного произвести запись в книгу по упрощенной форме»¹. Подобного рода свидетельства содержатся в отчетах управленческого аппарата Сибири, школьной администрации².

Незавидное положение с грамотностью крестьянства не могло не отразиться на составе (а, значит, и деятельности) органов крестьянского самоуправления. В начале 90-х гг. XIX в. в обследованных районах Енисейской губернии из 257 лиц, занимавших выборные должности, грамотными были только 7 (2,7 %), малограмотными – еще 31 (12,1 %)³. В конце XIX в., по данным статс-секретаря А. Н. Куломзина, количество грамотных лиц в волостном и сельском управлении Киренского округа Иркутской губернии не превышало 16 %⁴. В начале XX в. в Тобольской губернии грамотные волостные старшины составляли не более 10 % их общего числа⁵. На 1905 г. в Барнаульской волости Барнаульского уезда Томской губернии из 25 сельских старост и такого же количества сборщиков податей были неграмотными соответственно 8 и 11 человек⁶.

Неграмотный сельский староста, сборщик податей, волостной судья часто попадали в полную зависимость от волостного или сельского писаря. Очевидец из политических ссыльных-народников Н. Е. Петропавловский, характеризуя безграмотность сельской «администрации», вспоминает такую картину: во весь опор скачет куда-то мужик на лошади, без шапки, босиком, крайне взволнованный – деревенский староста. Ему через волость пришла из города бумага. Свой писарь куда-то уехал, в соседней же деревне – лежит пьяный

в Западной Сибири // Изв. / Архангел. о-во изучения Русского Севера. – Архангельск, 1911. – Т. 4, № 12. – С. 992–993; и др.

¹ ГАНО. – Ф. Д-51. – Оп. 1. – Д. 44а. – Л. 85.

² ГАКК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 32–36; Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 1–6; РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 3. – Д. 84. – Л. 107–108.

³ Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – Т. 4, вып. 2. – С. 115–118.

⁴ [Куломзин А. Н.] Указ. соч. – С. 9.

⁵ Труды МКНСП. – Т. 53: Тобольская губ. – С. 185.

⁶ Трегубов Н. М. Экономическое исследование маслоделия в Сибири. – Харьков, 1906. – С. 20.

без сознания третий день. Староста мечется в страхе. «А и вся бумага-то, может быть, состоит из записки заседателя: “Приказываю тебе ко дню Благовещения купить и привезти мне две щуки в три четверти [сажени] каждая“»¹.

Понятие «грамотность» может иметь различное содержание. Как мы видели, организаторы переписи 1897 г. использовали его в несколько «размытом» виде. Для более конкретного определения внутренней структуры грамотной, в самом широком смысле слова, части крестьянского населения воспользуемся данными обследований крестьянских домохозяйств по некоторым регионам и местностям Сибири, относящимися к разному времени (табл. 1.3).

Таблица 1.3

**Качественный состав «грамотной» части
крестьянства Сибири (конец XIX – начало XX в.)***

Регион или местность, годы	Из каждых 100 «грамотных»								
	умеет только читать			умеет читать и писать			учится в школе		
	муж- чин	жен- щин	все- го	муж- чин	жен- щин	все- го	муж- чин	жен- щин	все- го
Енисейская губ., 1886–1892	34	52	14	21	15
Ялуторовский окр. То- больской губ., 1894	23	29	24	61	47	59	16	24	17
Барнаульская вол. од- ноименного уезда Том- ской губ., 1897	31	35	31	69**	65**	69**
Томская губ., 1917	8	10	9	80	68	77	12	22	14

* Подсчитано по: Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – Т. 4, вып. 2. – С. 54–55; Материалы по исследованию... Ялуторовского окр. Тобольской губ. – С. 801–803; *Трегубов Н. М.* Указ. соч. – С. 70–71; Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губ. за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 гг. – Томск, 1928. – С. 182–183, 185.

** Умеющие читать и писать здесь объединены с теми, кто учится в школе.

¹ *Петропавловский Н. Е.* По Ишиму и Тоболу: (из путешествий и исследований крестьянского быта Западной Сибири) // Зап. / Рус. Геогр. о-во, Зап.-Сиб. отд. – Омск, 1886. – Кн. 8, вып. 1. – С. 44–45.

Анализ таблицы 1.3 показывает, что собственно грамотные (умеющие читать и писать) составляли чуть больше половины «грамотных» в широком смысле слова крестьян в конце XIX в. и около 3/4 – накануне революции 1917 г. (в Томской губернии). Наибольшая в Сибири конца XIX в. доля умеющих и читать, и писать среди мужчин в группе «грамотных» была зафиксирована в 1897 г. в Забайкальской области – 81 из каждых 100¹. Имелись многочисленные местности с очень высокой долей «полуграмотных», т. е. умевших лишь читать. Исследователь А. В. Адрианов приводит данные по Минусинскому уезду Енисейской губернии за 1891 г.: из каждых 100 крестьян, считавшихся грамотными, 44 человека умели только читать, и то кое-как². По данным крестьянского начальника 1-го участка Барнаульского уезда Томской губернии за 1902 г., в различных селах Шадринской волости официально считалось грамотными от 5 до 13 % жителей, но фактически только в трех селениях один из 100 взрослых мог читать и понимать прочитанное. В Бийской волости 3/5 общего числа «грамотных» не умели писать³.

Приведенные в таблицах 1.1–1.3 показатели несколько завышают реальную грамотность крестьянства за счет включения в число «грамотных» учащихся. Дело в том, что не все учащиеся, даже окончившие начальные училища, а тем более выбывшие из них до окончания курса обучения, успешно овладевали навыками чтения и письма. Источники показывают, что число неграмотных или малограмотных учащихся было значительным. Например, по свидетельству современника, к 1904 г. за 12 лет своего существования школа в с. Распутине Яндинской волости Балаганского уезда Иркутской губернии не дала ни одного грамотного, умеющего написать свою фамилию⁴.

Не научившиеся толком письму или даже чтению в школе составляли лишь один из источников образования категорий «полуграмотных» и «малограмотных» в среде «грамотного» крестьянства. Кроме того, эта категория населения постоянно пополнялась за счет крестьян, учившихся «самоуком», а также бывших грамотных, утративших со временем свое умение писать или читать.

¹ Комиссия для исследования... Забайкальской обл. – Вып. 6. – С. 79–80.

² Адрианов А. В. Очерки Минусинского края. – Томск, 1904. – С. 38.

³ Труды МКНСП. – Т. 56: Томская губ. – С. 214–215, 235.

⁴ Вост. обозрение. – 1904. – 17 янв.

Рецидив неграмотности – явление, довольно широко распространенное среди крестьянства Сибири. К сожалению, к сибирской деревне конца XIX – начала XX в. неприменима методика определения рецидива неграмотности, разработанная Б. Н. Мироновым применительно к населению Европейской России¹. Она предполагает наличие относительно стабильного населения, а для Сибири изучаемого периода характерны значительные размеры внешних и внутренних миграций. По отдельным местностям нашего края имеются лишь отрывочные сведения о масштабах рецидивов неграмотности.

Известный меценат и просветитель П. И. Макушин, проведя в 1899 г. совместно со смотрителем училищ Томской губернии П. А. Буткеевым обследование населения Томского уезда, пришел к выводу, что 85 % здешних мужчин, окончивших начальную школу, к 25–30 годам забывают грамоту, сохраняя лишь умение подписываться². Зажиточный крестьянин с. Шушенского А. В. Орочко считал это явление характерным для большинства и своих земляков. На заседании Комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности Минусинского уезда Енисейской губернии в 1902 г. он утверждал: «Обыкновенно молодой человек скоро забывает и то малое, что узнал в школе. На вопрос, грамотен ли, он отвечает утвердительно, но вся его грамотность сводится к умению подписать фамилию»³. О значительных масштабах забывания грамоты свидетельствуют также отчеты чиновников, публикации в периодике, этнографические описания, данные анкетирования учителей и иные источники, причем в большей степени они относятся к началу изучаемого периода⁴.

Выше мы показали, что по ряду причин имеющаяся статистика несколько завышает реальный уровень грамотности крестьянства. Однако нужно иметь в виду, что это завышение уравнивается случавшимися во время переписей и обследований фактами сокрытия сельчанами своей грамотности. Поэтому статистические данные об

¹ См.: *Миронов Б. Н.* Грамотность в России 1797–1917 гг. // *История СССР.* – 1985. – № 4. – С. 143–147.

² РГИА. – Ф. 733. – Оп. 183. – Д. 337. – Л. 5.

³ Труды МКНСП. – Т. 54. – С. 266.

⁴ См.: ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 1–2, 14–16; Д. 19. – Л. 4; *Сибирь.* – 1885. – 3 нояб.; *Материалы для изучения... Западной Сибири.* – Вып. 1. – С. 322–323; и др.

уровне и характере грамотности, приведенные в таблицах 1.1–1.3, можно признать в целом достаточно достоверными.

Многочисленные источники показывают, что для Сибири была характерна большая неравномерность распределения грамотных жителей по отдельным районам и населенным пунктам. Так, в начале 90-х гг. XIX в. количество грамотных и учащихся в сельском населении различных округов Иркутской губернии колебалось от 5,8 до 8,4 %, Енисейской губернии – от 4,8 до 7,8 %¹. В Минусинском округе Енисейской губернии местами доля грамотных и учащихся в совокупности достигала 12,9 % населения (Бейская волость) и даже 20,3 % (Ермаковская волость). В то же время даже гораздо позже, в 1905 г., в с. Жербатском Минусинского уезда на 104 двора приходилось лишь 6 человек грамотных². В Шадринской волости Барнаульского уезда Томской губернии в начале XX в. грамотность колебалась в отдельных селениях от 5 до 13 %³.

В Сибири было множество местностей и селений с очень низкими показателями грамотности населения. Так, по сведениям Общества любителей исследования Алтая, во Владимирской волости Бийского округа в 1892 г. грамотным было лишь 1,5 % населения. В с. Ярковском Карасукской волости Барнаульского округа из 1324 жителей грамотными были лишь около 20⁴. К 1902 г. во многих деревнях число грамотных было столь незначительным, что его можно не принимать в расчет. Так, в Барнаульском уезде в д. Гоноховой НижнеКулундинской волости из 607 жителей лишь 2 могло читать и понимать прочитанное; в с. Молоковском Юдихинской волости из 1320 человек – 4; в д. Киприной из 1399 душ – 3; в Омутинском селении из 1008 жителей – 2, и т. д. А во многих селениях не было ни одного человека, способного читать или писать⁵. В то же время, как было показано выше, имелись и населенные пункты с относительно большим количеством грамотных лиц. В Иркутской губернии начала XX в., скажем, к таковым относились села Куйтун, Уковское и Бирюса Нижнеудинского уезда; Зиминское и Евсеевское Балаганского уезда;

¹ Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – 1892. – Т. 2, вып. 6. – С. 31–32; Т. 4, вып. 2. – С. 34–36, 53–54.

² ГАКК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 27.

³ Труды МКНСП. – Т. 56. – С. 214–215, 235.

⁴ ГААК. – Ф. 81. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 4–15, 27–30.

⁵ Труды МКНСП. – Т. 56. – С. 215.

Усть-Илимское и Знаменское Верхотенского уезда; Хомутовское и Буретское Иркутского уезда¹.

Такое неравномерное по территории распределение грамотных было связано, с одной стороны, со степенью сформированности у крестьян потребности в образовании, а с другой – с наличием объективных возможностей для удовлетворения этой потребности. Обе эти группы факторов относительно благоприятно проявлялись в местностях, близких к городам и важным путям сообщения – железной дороге, трактам, рекам с судоходным сообщением. Исследователи крестьянских хозяйств Иркутской губернии в начале 90-х гг. XIX в. отмечали, что по мере приближения к городу Иркутску уровень грамотности среди крестьян-старожилов в селениях правильно повышался². Было отмечено также, что в притрактных волостях и селах грамотность населения была выше, чем у «забочного» (удаленного от трактов по месту жительства) населения. Например, в притрактных волостях Иркутской губернии в конце XIX в. грамотность составляла 7,9 %, в то время как в «забочных» – лишь 5,7 %. В селениях, лежавших на Московском тракте, насчитывалось 30,2 % хозяйств с грамотными и учащимися в Иркутской губернии и 23,1 % – в Енисейской. Во внутратных деревнях – соответственно лишь 18 и 20,1 %³. Селения Сибири, в которых отмечался наиболее высокий процент грамотных, были, как правило, крупными по размерам, являлись зачастую торгово-ремесленными или административными центрами и имели собственные школы.

На уровень грамотности населения конкретной местности влиял также состав жителей: соотношение переселенцев и старожилов, степень концентрации старообрядцев и членов религиозных сект, наличие казаков и представителей других, более привилегированных в отношении доступа к просвещению, сословий. В целом существование значительного неравенства в образовательном уровне сельского населения, относящегося к различным сословным категориям, следует считать одним из показателей господства устаревших традиционных порядков в сибирской деревне дооктябрьского периода. Можно объяснить этот феномен также и с позиций формационного подхода.

¹ ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 2–5, 11–17; Д. 3. – Л. 1–70; Д. 19. – Л. 1–7.

² Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – Т. 2, вып. 2. – С. 237.

³ Там же. – С. 244; Т. 2, вып. 6. – С. 31–32; Т. 4, вып. 2. – С. 34–36.

Вследствие незавершенности процесса перехода от первой стадии развития капитализма в российской деревне ко второй (от «зачаточного», незрелого капитализма к «новейшему», развитому)¹ имелись существенные различия в соотношении элементарно грамотного и совсем неграмотного населения в различных социальных слоях и группах крестьянства.

Выше говорилось о различиях в образовательном уровне между отдельными территориальными, сословными, религиозными, этническими группами сельского населения. Однако в процессе модернизации социальной структуры все более важными становились различия между формирующимися классами сельского пролетариата и сельской буржуазии. Для анализа уровня грамотности представителей различных социальных слоев в сибирской деревне воспользуемся теми статистическими источниками, которые уже применялись исследователями (Л. М. Горюшкиным, Е. И. Соловьёвой и др.) для характеристики процесса социального разложения крестьянства, и той методикой выделения социальных слоев, которые при этом применялись². Вследствие крайней скудости данных о бюджетах крестьянских дворов и семей, используем имеющиеся в источниках группировки домохозяйств по площади посева и количеству рабочих лошадей – это важнейшие для земледельческих районов показатели экономической состоятельности. Группировка по числу рабочих лошадей, использованная нами для Верхоленского округа Иркутской губернии, применялась В. И. Лениным по отношению к другому региону Восточной Сибири – Енисейской губернии. Здесь к нижнему слою отнесены дворы безлошадные и с 1–2 рабочими лошадьми, к верхнему – с 5 и более лошадьми. Характер крестьянских хозяйств в земледельческих местностях Енисейской и Иркутской губерний был сходным. Для остальных регионов нами используется группировка дворов по посеву. При этом в Барнаульской волости одноименного уезда Томской губернии к бедняцким хозяйствам отнесены беспосевные и с посевом до 4 десятин, к зажиточным – с посевом свыше 10 десятин. В Ялуторовском округе Тобольской губернии и Томской губер-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М., 1967. – Т. 1. – С. 333–335, 393, 395, 505–511, 517–518, 521–522.

² См.: Горюшкин Л. М. Указ. соч. – С. 157–158; Соловьёва Е. И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. – Новосибирск, 1981. – С. 101–104.

нии 1911–1913 гг. источники позволили выделить три социальных слоя в крестьянском населении лишь приблизительно. К низшему слою отнесены дворы без посева и с посевом до 3 десятин, к высшему в первом случае – с посевом свыше 12, во втором – свыше 9 десятин. Различные по характеру группировки для разных местностей в данном случае вполне применимы, поскольку мы будем производить не анализ региональной специфики, а сравнение показателей внутри населения той или иной территории. Сами эти территории были достаточно обширными и густонаселенными, положение здесь можно считать типичным для Сибири в целом.

Таблица 1.4

**Грамотность населения в различных социальных слоях
сибирского крестьянства, %***

Регион или местность	Годы	Беднота			Средняки			Зажиточные		
		му жчи ны	жен щи ны	все- го	му жчи ны	жен щи ны	все- го	му жчи ны	жен щи ны	все- го
Верхотенский окр. Иркутской губ.	1889	10,4	0,8	5,8	15,5	1,0	8,3	17,7	2,4	13,2
Ялуторовский окр. Тобольской губ.	1894	9,4	1,2	5,1	15,1	1,9	8,3	25,9	5,5	15,6
Барнаульская вол. одноименного уез- да Томской губ.	1897	13,8	1,4	7,7	12,2	0,5	6,3	14,7	1,1	7,9
	1905	15,2	1,7	8,2	16,1	1,6	8,8	19,0	2,5	10,7
Томская губ.	1911– 1913	25,0	8,2	17,5	27,1	6,7	17,3	36,3	14,3	25,9

* Подсчитано по: Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – Т. 2, вып. 6. – С. 84–85, 92–93, 433; Материалы по исследованию... Ялуторовского окр. Тобольской губ. – Прил. 1–2; *Трегубов Н. М.* Указ. соч. – С. 70–71, 78–79; Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири. – Томск, 1927. – С. 193–194; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ. – Томск, 1913. – Вып. 2. – С. 173–174.

Как показывают данные таблицы 1.4, наивысший уровень грамотности как мужского, так и женского населения почти повсеместно наблюдался в верхнем социальном слое, в среде формирующейся

сельской буржуазии. В конечном счете это объясняется экономическими потребностями крупного товарного хозяйства, в которое трансформировались дворы зажиточных крестьян, и большей их материальной обеспеченностью, облегчавшей приобщение к достижениям культуры. В то же время выясняется, что связь между уровнем материальной обеспеченности и состоянием грамотности населения не являлась жесткой, она опосредовалась и в некоторой степени снималась действием иных факторов.

Это явствует, в частности, из анализа данных по Барнаульской волости одноименного уезда Томской губернии за 1897 г. и по обследованным местностям Томской губернии за 1911–1913 гг. Здесь беднота по уровню грамотности превосходила средний слой, а женская грамотность у бедняков Барнаульской волости была даже выше, чем у зажиточных, гораздо более обеспеченных в материальном отношении. В данном случае можно говорить о наметившемся формировании двух пиков грамотности – не только в верхнем, но и в нижнем социальном слоях крестьянства.

Многие представители сельской бедноты стремились приобрести и сохранить грамотность даже вопреки крайне неблагоприятным условиям своего существования. На это указывает и сравнение динамики хозяйственной состоятельности и уровня грамотности при переходе от низшего социального слоя к верхнему. Нами проведено такое сравнение по Ялуторовскому округу Тобольской губернии за 1894 г. Оказывается, средняя обеспеченность посевными площадями у зажиточного двора превышала таковую в хозяйстве бедняка в 23 раза, среднее количество рабочих лошадей было больше в 16 раз, усовершенствованных земледельческих орудий – в 58 раз. В то же время число грамотных в среднем зажиточном дворе превышало количество грамотных в бедняцком домохозяйстве лишь в 7 раз, несмотря на самую большую людность семьи именно в верхнем социальном слое¹.

Данные массового обследования крестьянских хозяйств Томской губернии 1911–1913 гг. позволяют исследовать вопрос о различиях в уровне грамотности в нижнем социальном слое между сельскими пролетариями и мелкими крестьянами (табл. 1.5).

¹ Подсчитано по: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Ялуторовского окр. Тобольской губ. – М., 1897. – Т. 1. – Прил. 1–2.

**Грамотность различных категорий крестьянства
Томской губ. (1911–1913 гг.)***

Категория хозяйств	Группа хозяйств по посеву, дес.	Доля грамотных и учащихся в населении, %			На 100 хозяйств приходится грамотных и учащихся			На 100 грамотных мужчин грамотных женщин
		мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего	
Старожилы	0	22,6	11,8	17,5	36	17	53	47
	до 1	17,4	8,3	12,9	36	16	52	46
	1–3	16,5	4,5	10,5	37	10	47	27
	3–9	19,4	4,4	11,8	53	12	65	23
	свыше 9	25,9	4,8	15,4	98	18	116	18
Переселенцы, приписанные к селениям старожилов	0	21,7	3,3	12,9	49	7	56	14
	до 1	27,1	9,7	18,6	61	21	82	35
	1–3	22,7	3,0	13,1	57	7	64	12
	3–9	27,8	4,6	16,5	88	14	102	16
	свыше 9	33,1	5,9	20,2	148	24	172	16
Переселенцы, приписанные на переселенческих участках	0	33,5	12,7	23,5	86	30	116	35
	до 1	30,5	6,0	17,3	59	14	73	23
	1–3	24,1	6,6	15,6	63	16	79	26
	3–9	28,0	7,3	18,1	94	22	116	24
	свыше 9	39,6	18,6	29,7	169	70	239	42
Неприписные переселенцы в селениях старожилов	–	26,3	6,3	16,5	76	17	93	23
Неприписные переселенцы на переселенческих участках	–	32,3	14,9	24,1	98	40	138	41
<i>Итого у старожилов</i>	–	<i>21,8</i>	<i>4,9</i>	<i>13,3</i>	<i>64</i>	<i>14</i>	<i>78</i>	<i>22</i>
<i>Итого у переселенцев</i>	–	<i>30,1</i>	<i>9,3</i>	<i>20,1</i>	<i>97</i>	<i>28</i>	<i>125</i>	<i>29</i>

* Подсчитано по: Переселенцы, приселившиеся к старожилам... – С. 193–194; Сборник статистических сведений... Томской губ. – Вып. 2. – С. 173–174.

Данные таблицы 1.5 показывают, что отмеченный в таблице 1.4 пик грамотности не только в высшем, но и в нижнем социальном слоях крестьянства Томской губернии начала XX в. был налицо в двух наиболее многочисленных категориях населения – у старожилов и переселенцев, приписанных на переселенческих участках. Во всех категориях без исключения наименее грамотной была посевная группа с посевом от 1 до 3 десятин на домохозяйство, которая по своим социально-экономическим характеристикам в значительной степени соответствовала социальной группе мелкого крестьянства и полупролетариата внутри нижнего социального слоя. Наивысшая же грамотность в нижнем слое обнаруживается у крестьян беспосевных и с посевом до 1 десятины, которые в основной своей массе составляют социальную группу сельского пролетариата. Правда, некоторую часть беспосевных могли составлять и представители деревенской торгово-промышленной буржуазии (около 10 %¹), имевшие относительно высокий уровень грамотности. Это обязывает считать наши выводы относительно наличия пика грамотности в среде сельского пролетариата весьма осторожными и нуждающимися в дальнейшей проверке.

Несомненно, однако, что сельские пролетарии занимали более активную позицию по отношению к приобретению образования, чем мелкие крестьяне. Вследствие максимально «товарного, денежного характера хозяйства» сельского пролетария², а также в связи с большей подвижностью, более широким кругом общения (отход в города, на прииски, участие в аграрных миграциях) у них было больше возможностей приобщиться к грамоте.

Имея это в виду, можно объяснить странный, на первый взгляд, факт исчезновения к 1905 г. пика грамотности в нижнем социальном слое крестьянства Барнаульской волости одноименного уезда Томской губернии (см. табл. 1.4). В этой местности за период с 1897 по 1905 г. количество домохозяйств бедноты выросло с 1571 до 2834, их доля в общем числе дворов увеличилась с 39,3 до 47 %. В то же время доля в населении середняцких и зажиточных хозяйств понизилась³. Очевидно, процесс социального разложения крестьянства приводил в данном районе к вытеснению из среднего и частично верхнего слоя в нижний той части крестьян, которая не выдерживала конкуренции в

¹ Горюшкин Л. М. Указ. соч. – С. 192.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М., 1971. – Т. 3. – С. 168.

³ Горюшкин Л. М. Указ. соч. – С. 161.

условиях развития частного хозяйства при товарно-денежных отношениях. При прочих равных условиях скорее разорялись неграмотные крестьяне, не имевшие возможности применить достижения научно-технического прогресса к развитию своего хозяйства. Переход части неграмотного крестьянства из верхних слоев в нижний, вероятно, и приводил в течение определенного времени к падению грамотности в среде бедноты. Но по мере углубления процесса «раскрестьянивания», созревания признаков сельского пролетариата (один из них – относительно высокая грамотность) должна была выйти на первый план другая тенденция – повышение уровня грамотности сельской бедноты.

Другими словами (если использовать понятия формационного подхода), развитие капитализма вширь связано, очевидно, с абсолютным и относительным повышением грамотности в верхних социальных слоях крестьянства и временным относительным понижением ее в нижнем. Развитие же капитализма вглубь обуславливает формирование двух пиков грамотности в деревне – в среде не только формирующейся сельской буржуазии, но и формирующегося сельского пролетариата. В конечном итоге наличие или отсутствие пика грамотности в нижнем социальном слое зависит от соотношения процессов развития капитализма вглубь и вширь в конкретном районе в тот или иной период.

В связи с рассмотрением вопроса о влиянии развития капитализма вширь как господствующей тенденции его развития в Сибири на состояние грамотности крестьянства интересно сопоставить грамотность здешних старожилов и переселенцев.

Материалы по Ялуторовскому округу Тобольской губернии показывают, что в начале изучаемого периода в этом районе казенного землевладения старожиловы были грамотнее переселенцев. В 1894 г. у крестьян-старожилов доля грамотных в населении составляла 7,7 %, в своем составе содержали грамотных и учащихся 27,5 % всех дворов, на 100 наличных домохозяйств приходилось 38 грамотных и учащихся. У переселенцев же соответствующие показатели выглядели так: 6,8; 25,6; 37¹. Одновременно в тех районах государственного землевладения, где в силу различных причин грамотность старожилов была низкой, имела место более высокая грамотность пересе-

¹ Подсчитано по: Материалы по исследованию... Ялуторовского окр. Тобольской губ. – С. 801–803.

ленцев. Например, в северо-западной части Барабинской низменности (Каинский округ Томской губернии), районе относительно отдаленном и экономически слабо развитом, грамотные в старожильческом населении составляли лишь 4,5 %, поэтому у здешних переселенцев этот показатель, будучи абсолютно небольшим, был в то же время выше на 2,4 %¹.

На кабинетских землях Алтая уже в 90-х гг. XIX в. повсеместно наблюдалось доминирование переселенцев по уровню грамотности над старожилками. В той части Томского округа, которая входила в состав Алтайского горного округа, хозяйства с грамотными членами (умеющими читать и писать, только читать и учащимися) составляли 13,8 % общего числа дворов у старожилов и 24,3 % – у крестьян-новоселов. Доля грамотных в населении тоже была различной – 4,4 % у старожилов и 6,7 % у переселенцев². В обследованных волостях Бийского уезда процент старожильческих дворов с грамотными колебался от 18,3 до 22,3, а среди переселенческих хозяйств он был выше 30. Количество мужчин, умеющих читать и писать, составило в мужском старожильческом населении около 5–6 %, тогда как в переселенческом – 8–10 %³. Очевидно, на старожилках Алтая сказывалась обремененная наибольшим в Сибири грузом пережитков прошлого политика Кабинета, тормозившего дело народного образования сильнее, чем казенное ведомство.

Что касается Восточной Сибири, то переселявшиеся сюда в пореформенный период крестьяне были грамотнее не только местных старожилов, но и переселенцев, оседавших в Западной Сибири. В начале 90-х гг. XIX в. грамотность крестьян-старожилов Иркутской губернии равнялась 7,6 %, у переселенцев же она доходила до 9,9 %⁴. В Забайкальской области в 1897 г. соответствующие показатели равнялись 9,4 и 11,1 %⁵. Связано это с тем, что решались на переселение в

¹ Материалы для изучения... Западной Сибири. – 1892. – Вып. 17. – С. 81.

² Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском окр. – Барнаул, 1898. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 90.

³ Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде (окр.). – Барнаул, 1898–1901. – Вып. 1 – С. 20; Вып. 2. – С. 11; Вып. 3. – С. 12.

⁴ Подсчитано по: Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – 1889. – Т. 1. – С. 162, 170, 226, 275; Т. 2, вып. 6. – С. 26.

⁵ Комиссия для исследования... Забайкальской обл. – Вып. 6. – С. 77.

столь отдаленные районы чаще семьи крестьян более развитых, содержащие в своем составе относительно много мужчин, грамотных людей.

В начале XX в. уже повсеместно в Сибири крестьяне-переселенцы оказывались грамотнее старожилов. Земства Европейской России в предшествующий период сумели внести оживление и подъем в дело организации народного образования, на Сибирь же земская реформа не распространялась, а здешняя администрация не могла добиться таких же успехов. Данные таблицы 1.5 показывают, что в 1911–1913 гг. переселенцы всех категорий в Томской губернии (главном районе крестьянской иммиграции в Сибири) были заметно грамотнее старожилов: в полтора, а среди женского населения – почти в два раза.

О том, что в начале XX столетия в Сибирь шли более грамотные переселенцы, чем в пореформенный период, свидетельствует сравнение грамотности групп переселенцев в зависимости от давности их проживания в Сибири. Данные по Томской губернии за 1911–1912 гг. показывают, что грамотность новоселов, осевших в переселенческих поселках, последовательно понижалась по мере увеличения срока проживания в Сибири. Если в составе семей, переселившихся более 18 лет назад, доля грамотных лиц составляла 11,1 %, то в прибывших за последние три года – уже 24,4 %¹.

Выше мы указали на одну из причин более высокой грамотности переселенцев. Образовательный уровень крестьян Европейской России в изучаемый период был несколько выше, чем у сибирских крестьян. А ведь именно из Европейской России шел в Сибирь основной поток переселенцев. Следует учесть также, что в семьях новоселов было относительно и абсолютно больше мужчин, чем в старожильческих дворах, а среди мужского населения грамотность была выше, чем в женской среде. Наконец, если в первые пореформенные десятилетия в Сибирь переселялись, главным образом, середняки, то в конце XIX – начале XX в. основной контингент переселенцев стала составлять беднота, в том числе сельские пролетарии. Они имели опыт отходничества, работы по найму на фабриках, что, несомненно, расширяло их кругозор, способствовало приобретению значительной их частью азов грамотности².

¹ Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ. – Томск, 1913. – Вып. 1. – С. 77.

² *Анфимов А. М.* Крестьянское хозяйство в Европейской России (1881–1904 гг.). – М., 1980. – С. 27–30.

Еще одним фактором, обеспечившим большую грамотность переселенцев по сравнению со старожилами, была более высокая доля расходов на образование в бюджетах переселенцев. Анализируя бюджет новоселов Сибири за 1903–1904 гг., исследователи выяснили, что расходы на образование составляли в среднем 0,16 % расходной части бюджета¹. У крестьян-старожилов Томской губернии в 1912–1913 гг. расход на книги и газеты составлял 3 р. 95 к. в год на одно хозяйство, что равнялось 0,016 % годовых расходов. Все же расходы на образование и удовлетворение «культурных потребностей» в совокупности составили 0,023 %². Следует констатировать, что общие размеры указанных расходов, как и их доля в бюджете всех категорий крестьян, были крайне малы.

Рассмотрим важнейший для исторического исследования вопрос о динамике образовательного уровня крестьянства Сибири. Источники показывают: оставаясь низкой на протяжении всего изучаемого периода, грамотность деревенского населения в регионе постепенно все же развивалась и в начале XX в., безусловно, выросла по сравнению с пореформенным периодом. Это ясно видно, например, из сравнения грамотности крестьянства Енисейской губернии в начале 90-х гг. XIX в. и 1897 г. (см. табл. 1.1, 1.3), Томской губернии за 1897, 1911–1913 и 1917 гг. (см. табл. 1.1, 1.3, 1.5), Барнаульской волости одноименного уезда Томской губернии за 1897 и 1905 г. (см. табл. 1.4). Показательны в этом отношении также результаты наших расчетов, произведенных на основе материалов губернских присутствий по призыву новобранцев, о повышении доли грамотных среди лиц, призывавшихся в вооруженные силы из сибирских губерний и областей в конце XIX – начале XX в. Приведем данные по двум губерниям за несколько лет, в процентах³:

¹ Грекулов Е. Ф. Расходы, связанные с религией, в бюджете крестьян царской России // Вопросы истории религии и атеизма. – М., 1964. – Т. 12. – С. 137–139.

² Подсчитано по: Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири: материалы статистико-экономического исследования. – Томск, 1927. – С. 489.

³ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 4873. – Л. 392; РГВИА. – Ф. 1468. – Оп. 11. – Д. 195. – Л. 147–149; Ф. 2000. – Оп. 3. – Д. 8. – Л. 434–436; Д. 10. – Л. 236–238; Д. 3803. – Л. 430–433; Д. 3812. – Л. 339–357; Д. 3748. – Л. 380–381; Д. 3749. – Л. 412–413; Д. 3803. – Л. 430–433; Д. 3812. – Л. 339–357.

<i>Год</i>	<i>Томская губ.</i>	<i>Енисейская губ.</i>
1890	...	16,4
1895	20,0	24,1
1909	42,7	44,5
1910	45,5	47,6
1911	47,3	48,4

Однако темпы роста общеобразовательного уровня сельского населения Сибири были в целом невысокими. Судить о них можно, например, сравнивая грамотность крестьянства Иркутской губернии за 1889 и 1897 г. За семь лет доля грамотных увеличилась на 3,1 %, при этом среднегодовой прирост составлял всего 0,4 %¹. Среднегодовое увеличение доли грамотных в сельском населении Томской губернии между 1897 и 1917 г. равнялось 0,5 %².

Многочисленные нарративные источники также отражают и рост грамотности в отдельных местностях, селениях Сибири конца XIX – начала XX в., и медленные темпы этого процесса. Демократически настроенный исследователь Н. М. Трегубов, окарикатуривая ситуацию, с иронией писал, что «при такой быстроте распространения просвещения можно надеяться, что всё взрослое мужское население [Барнаульской волости одноименного уезда Томской губернии] станет грамотным только через 150 лет, а всё взрослое женское население будет уметь читать только через 600 лет»³. Однако нужно сказать, что после обозначения правительством в 1907–1908 гг. курса на введение в России всеобщего начального образования темпы роста грамотности населения стали повсеместно нарастать.

Объясняя причины повышения уровня грамотности крестьянства Сибири, следует учитывать влияние переселений. Усиленная миграция конца XIX – начала XX в. улучшала показатели грамотности в нашем крае за счет увеличения доли в населении более грамотных, чем сибирские крестьяне-старожилы, выходцев из Европейской Рос-

¹ Подсчитано по: Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – Т. 1. – С. 162, 170, 226, 275; Т. 2, вып. 6. – С. 26; Первая Всеобщая перепись... – Т. 75. – С. 8–9.

² Подсчитано по: Первая Всеобщая перепись... – Т. 79. – С. 12–13; Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губ. за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 гг. – Томск, 1928. – С. 182–183, 185.

³ Трегубов Н. М. Указ. соч. – С. 20.

сии. К 1914 г. переселенцы последних лет уже составляли 48,9 % сельских жителей Сибири, против 27,4 % в 1897 г.¹

Другой причиной улучшения ситуации с грамотность в селениях Сибири было развитие здесь сети начальных школ, улучшение возможностей для получения начального образования. Если в 1856 г., по официальным данным, к востоку от Урала насчитывалось только 312 начальных школ различного типа, то в 1894 г. – уже 2363, а в 1911 г. – 7166 (здесь не учтены, разумеется, «домашние» сельские школы). Число учащихся в официально зарегистрированных школах увеличилось в период 1894–1911 гг. от 76 650 до 345 839 человек, т. е. в 4,5 раза².

Безусловно, повышение грамотности во всех социальных слоях и группах крестьянства, особенно среди формирующихся групп сельской буржуазии и сельского пролетариата, являлось результатом возрастающей потребности крестьянства в просвещении. С другой стороны, рост доли грамотных в сельском населении усиливал процесс формирования потребности в образовании даже у наиболее отсталых в культурном отношении слоев и групп. Имело место и опосредованное, и непосредственное влияние уже приобщившихся к грамоте людей на своих «домашних» и односельчан.

¹ Горюшкин Л. М. Указ. соч. – С. 144.

² Подсчитано по: Азиатская Россия. – СПб., 1914. – Т. 1. – С. 145–246.

Глава 2

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА – ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА

2.1. Состояние деревенских училищ в Сибири

Уровень и качество грамотности крестьянства, способы приобщения его к различным источникам просвещения – книгам, газетам и прочим – во многом зависели от существовавших в изучаемый период возможностей получения образования. Сибирские крестьяне могли приобщаться к грамоте в различные периоды своей жизни, используя несколько способов.

Была в деревне категория крестьян, овладевшая азами общеобразовательной подготовки уже в зрелом возрасте. Наличие в селах таких «грамотеев», не окончивших курса сельского училища и даже вовсе не учившихся в школе в детские годы, отмечалось, например, на заседаниях местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г.¹

Источники показывают, какими путями взрослые крестьяне могли приобрести грамотность. Корреспонденты Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии, авторы многих воспоминаний сообщают, что некоторые крестьяне «учились в солдатах», во время службы в армии². Известный писатель и исследователь Алтая А. Е. Новосёлов констатировал в начале XX в.: «Сотни людей, возвращаясь со службы, несут домой новые понятия, новые привычки»³. Просветительное воздействие службы в армии было шире простого приобщения к грамоте.

¹ См., например: Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (далее – Труды МКНСИ). – СПб., 1904. – Т. 56: Томская губ. – С. 172.

² ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 2–5, 14; и др.

³ Новосёлов А. Е. Умирающая старина // Зап. / Рус. Геогр. о-во, Зап.-Сиб. отд., Семипалат. подотд. – Семипалатинск, 1915. – Вып. 10. – С. 7–8.

Некоторые крестьяне учились самостоятельно («самоуком»), иногда пользуясь при этом помощью грамотных родных и знакомых. Именно так овладел азами грамоты уже упоминавшийся нами Т. С. Мальцев. О достаточно широком распространении этого способа получения грамотности в Сибири свидетельствует устойчивое выражение «самоуком дошел» (т. е. сам выучился), зафиксированное исследователями-фольклористами в Восточной Сибири¹.

Известны факты, когда овладевать грамотой взрослым крестьянам помогали школьные учителя. Так, учительница Раусовской школы Кузнецкого уезда Томской губернии обучала двух взрослых, причем один из них был 78-летний старик². В начале 90-х гг. XIX в. обучением взрослых крестьян занимался видный впоследствии общественный деятель, председатель Барнаульского общества попечения о начальном образовании В. К. Штильке, создав воскресную школу в с. Власиха Шадринской волости³.

Вообще же воскресные школы в сельской местности Сибири были явлением довольно редким. Согласно законополагающим документам, после 1861 г. воскресные школы были приравнены по программам обучения к приходским училищам. Они могли быть созданы как при начальных училищах светских ведомств, так и при школах Ведомства православного исповедания. По данным переписи 1894 г., занятия со взрослыми в селениях Тобольской губернии велись в пяти воскресных школах, в селах Томской губернии – в двух, в сельской местности Восточной Сибири – в трех⁴. В 1903 г. в пределах Западной Сибири насчитывалось до десятка училищ, при которых имелись воскресные школы или вечерние классы для взрослых⁵. В 1905 г. зафиксировано появление таких форм обучения в четырех селениях

¹ *Виноградов Г. С., Черных П. Я.* Русские говоры центральной части Тулунского уезда. – Иркутск, 1924. – С. 22.

² ГАТО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 20.

³ [Рылова Е. П.] Начальная школа в Алтайском окр. в 1894 г. // Алтайский сборник. – Барнаул, 1898. – Т. 3. – С. 65.

⁴ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 91. – Оп. 3. – Д. 390. – Л. 17; Д. 391. – Л. 37–526; Д. 392. – Л. 27–92; Д. 936. – Л. 122–203; Д. 937. – Л. 171–233; Д. 939. – Л. 53–425; Д. 941. – Л. 36–263; Д. 944. – Л. 13–329; Д. 945. – Л. 1–375; Д. 397. – Л. 10–187; Д. 403. – Л. 1–60; Д. 943. – Л. 1–381.

⁵ ГАТО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 4а. – Л. 6–7; Д. 6. – Л. 25, 248; Д. 22. – Л. 13–16; *Вольфсон Д.* Сибирские воскресные школы. – Томск, 1903. – С. 219–225.

Акмолинской и Семипалатинской областей¹, а в 1915 г. первые воскресные школы появились в Ялutorовском и Тюкалинском уездах Тобольской губернии, где они ранее отсутствовали².

Число воскресных школ и классов для вечерних занятий росло в сибирской деревне медленно. Так, в Енисейской губернии за 21 год, с 1894 по 1915, появилась лишь одна новая воскресная школа³. Число обучаемых в воскресных школах губернии колебалось в указанный период от 10 до 50 человек. В 1915 г. при Балахтинском училище Ачинского уезда училось, правда, уже 95 человек. Среднее число учащихся на одну воскресную школу Енисейской губернии в этот период – 48 душ, 83 % из них – женщины⁴.

Насколько продуктивной была просветительная деятельность воскресных школ и вечерних классов, судить трудно, поскольку документация, отражающая их работу, специально не велась. Но со стороны самих крестьян вечерние школы получали одобрение. Так, житель волостного села Шушенское Минусинского уезда Енисейской губернии А. В. Орочко в докладе на заседании уездного Комитета о нуждах сельскохозяйственной промышленности отстаивал необходимость создания широкой сети таких школ и курсов⁵.

Количество сельских жителей, получивших азы грамоты в зрелые годы, – во время военной службы, в воскресных школах, вечерних классах, «самоуком» – было в целом относительно небольшим. Основная масса грамотных крестьян Сибири приобретала «образование» в начальных сельских школах в детском и подростковом возрасте. Существовавшие в сельской местности Сибири в конце XIX – начале XX в. официальные школы для детей по ведомственной принадлежности можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляли школы ведомства Министерства народного просвещения (МНП) – волостные, или приходские училища, созданные по Уставу 1828 г. (наиболее отсталый тип школ), и

¹ Шамахов Ф. Ф. Народное образование в Западной Сибири в конце XIX – первые годы XX в. // Учен. зап. / Томск. пед. ин-т. – Томск, 1956. – Т. 15. – С. 51.

² ГА в Тобольске. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 94. – Л. 79.

³ ГАКК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 296. – Л. 23–24; Д. 300. – Л. 1–3; Березовский Н. П. О состоянии начального образования в Енисейской губ. за 1915 г. – Красноярск, 1916. – С. 31.

⁴ Подсчитано по: Березовский Н. П. Указ. соч. – С. 31.

⁵ Труды МКНСП. – 1903. – Т. 54: Енисейская губ. – С. 269.

сельские училища, возникшие согласно инструкции 1875 г. Последние по замыслу МНП должны были давать образование в более полном и законченном виде, чем приходские училища. И те, и другие могли быть как одноклассными, так и двухклассными, с продолжительностью обучения соответственно три-четыре или пять лет. Третьей разновидностью школ этой группы были начальные училища (в том числе и «высшие», т. е. дававшие наиболее качественное образование), учреждаемые согласно Положению о начальных народных училищах 1874 г. После распространения этого положения на Сибирь в 1904 г. существовавшие приходские училища подлежали преобразованию в начальные. Но процесс такого преобразования в Сибири затянулся на долгие годы и не был завершён вплоть до Октябрьской революции. Что касается высших начальных училищ, то они стали появляться в сельской местности Сибири только с 1911 г. К 1915 г. в Западной Сибири было лишь шесть таких училищ (пять – в Акмолинской области, одно – в Тобольской губернии) с относительно небольшим суммарным числом учащихся – 664¹. Ещё два высших начальных училища существовало к 1915 г. в Енисейской губернии².

В Западной Сибири значительная часть приходских училищ, работавших по Уставу 1828 г., и сельских, действовавших по инструкции 1875 г., находились в ведении Министерства внутренних дел и Министерства земледелия и государственных имуществ. Хотя в середине 90-х гг. XIX в. в педагогическом отношении они были переданы МНП, хозяйственной частью вплоть до 1917 г. заведовали «старые хозяева».

Одноклассные училища трех названных выше ведомств – Министерства народного просвещения, Министерства земледелия и государственных имуществ и Министерства путей сообщения – в Западной Сибири существовали иногда в форме «передвижных». Как правило, «передвижная» школа была рассчитана на три-четыре селения. Учитель, организовав учебный процесс в одном населённом пункте, давал ученикам самостоятельную работу, а сам переезжал в другое селение. Один-два раза в неделю он воз-

¹ Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири. – Новониколаевск, 1923. – Вып. 1. – С. 117, 124–125.

² ГАКК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 187. – Л. 38; Березовский Н. П. Указ. соч. – С. 8.

вращался на прежнее место, чтобы проверить работы учеников и дать им новое задание.

Такие школы были в 2,5 раза дешевле стационарных, поэтому крестьянские общества глухих и малых деревень, не имевшие возможности собрать средства на постройку постоянной школы, охотно прибегали к передвижной форме обучения. Однако «передвижные» школы имели серьезные недостатки даже в сравнении с далекими от совершенства стационарными школами того времени: очень короткий срок обучения детей (до двух лет), отсутствие приспособленных помещений и библиотечек с учебной литературой, слабый контроль учителя за познавательной деятельностью учащихся. Несмотря на это, такие школы, за неимением лучших, играли определенную положительную роль в распространении грамотности среди крестьянства захолустных местностей. Так, по официальным данным, в 1896/97 учебном году во 2-м учебном участке Ялуторовского округа Тобольской губернии через передвижные школы получили грамоту около 650 человек¹.

Вторую группу составляли школы Военного ведомства – казачьи (станичные и поселковые). Они существовали на территории расселения Сибирского и Забайкальского казачьих войск. В 1884 г. было провозглашено их подчинение в учебном отношении МНП, однако фактически не только хозяйственные дела школ, но и вопросы, связанные с их педагогической деятельностью, часто решали казачьи войсковые управления. Это дало основание некоторым исследователям школьного дела считать такие учебные заведения подчиненными Военному ведомству и в педагогическом отношении². По программам обучения казачьи школы соответствовали одноклассным и двухклассным училищам МНП.

Третья группа официальных деревенских школ – церковноприходские школы и школы грамотности (часто их называли школами грамоты), находившиеся в ведении Святейшего Синода, или Ведомства православного исповедания. Они были распространены довольно широко на всей территории Сибири в течение всего изучаемого периода. Наиболее интенсивное их развитие имело место во

¹ ГА в Тобольске. – Ф. 417. – Оп. 1. – Д. 379. – Л. 10.

² Голубев П. А. Народное образование // Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного окр. – Томск, 1890. – С. 276.

второй половине 1880-х – 1890-е гг., после выхода в свет Правил о церковно приходских школах 1884 г. С конца 90-х гг. XIX в. и особенно в начале XX в. значение школ церковного ведомства в Сибири неуклонно падало¹.

Неудовлетворенность крестьян низкими результатами обучения в школах данного ведомства, стремление сохранить и усилить влияние на просвещение крестьянских масс заставляло духовные власти преобразовывать в массовом масштабе училища низшего типа – школы грамотности – в церковноприходские школы, где учебное дело было поставлено лучше. Например, в марте 1909 г. Томский епархиальный училищный совет принял соответствующее постановление, и к 1910 г. в Томской губернии осталось всего четыре школы грамоты². В пределах Тобольской епархии на 1915 г. имелось всего 13 школ грамотности³. Сроки обучения в одноклассных церковноприходских школах составляли два года, в двухклассных – три-четыре года. В школах грамоты дети могли учиться один-два года.

Наряду с официальными, в Сибири были широко распространены неофициальные, так называемые «домашние», или «вольные» школы. Они создавались самими крестьянами путем найма учителей – людей различного уровня образованности и социального положения. Это могли быть и ссыльные, и церковнослужители, и «захожие» отставные солдаты, и свои же, часто едва грамотные, односельчане. Занятия «домашних» школ проходили в крестьянских избах, часто по очереди в домах родителей учеников. Программа и сроки обучения были произвольными и часто зависели от пожеланий родителей. После выхода в 1891 г. Правил о школах грамоты духовное ведомство прибрало к своим рукам большинство существовавших к тому времени сельских «вольных» школ, которые преобразовывались, таким образом, в школы грамоты. Но на этом существование неофициальных школ в Сибири не прекратилось. Наоборот, с притоком все большего числа переселенцев и политических ссыльных численность «домашних» школ в Сибири в начале XX в. значительно выросла и, по некоторым приблизительным под-

¹ Шамахов Ф. Ф. Народное образование... – 1957. – Т. 16. – С. 93.

² Виноградов П. Т. Краткий очерк народного образования в Томской губ. в 1910 г. – Томск, 1912. – С. 1–2.

³ Юрцовский Н. С. Указ. соч. – С. 142.

счета, в ряде местностей превысила число официальных школ различного типа в 5–6 раз¹.

Численное соотношение различных типов школ в разные периоды и в различных местностях Сибири было неодинаковым. Но в целом, независимо от ведомственной принадлежности, вплоть до 1917 г. в Сибири сохранялось много школ низших типов, хотя доля их в общем числе сельских начальных школ со временем сокращалась.

Как и в предшествующий период, Сибирь и особенно ее сельская местность были плохо обеспечены школами. В селах и деревнях Западной Сибири в границах Тобольской и Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей в 1894 г. насчитывалось 1157, а в 1911 г. – 3906 официальных школ разного типа. В Восточной Сибири, взятой в границах Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской и Якутской областей, соответствующие показатели равнялись 851 и 1752. Количество сельских школ в Западной Сибири, таким образом, увеличилось между 1894 и 1911 гг. на 167,7 %, в Восточной – на 105,9 %. Возросло и количество учащихся в школах – с 33 036 до 140 951 человек (т. е. на 326,6 %) в Западной Сибири и с 18 184 до 69 979 (на 284,8 %) в Восточной. За этот же период рост числа городских школ составил в Западной Сибири 162,4 %, а в Восточной – 139,9 %². Значит, развитие школьной сети в селах Восточной Сибири происходило несколько медленнее, чем в городах, в Западной же Сибири, где сосредоточивалась основная масса школ, господствовала противоположная тенденция.

В целом по Сибири увеличение числа школ в сельской местности и учащихся в них происходило темпами, в три раза более быстрыми, чем в селениях Европейской России. Это объясняется, по видимому, большей отсталостью школьного дела в Сибири по сравнению с Европейской Россией в предшествующий исторический период. Даже более высокие темпы развития не смогли компенсировать эту отсталость и в период капитализма. Об этом свидетельствуют, в частности, данные о количестве жителей Сибири и Европейской России, приходящихся на одну официальную начальную школу (табл. 2.1).

¹ Там же. – С. 190–191.

² Там же. – С. 149.

**Соотношение численности населения и количества начальных школ
в некоторых регионах Российской империи***

Регион	1894 г.		1911 г.		Сокращение в 1894–1911 гг. кол-ва жите- лей, прихо- дящихся на 1 школу, %
	Кол-во школ, абс.	На 1 школу приходится жителей**	Кол-во школ, абс.	На 1 шко- лу прихо- дится жи- телей**	
Восточная Сибирь	763	2098	1643	1524	27,4
Западная Сибирь	1223	2816	3276	2246	20,2
Сибирь в целом	1986	2540	4919	2005	21,1
Европейская Россия	52 627	1951	84 685	1592	18,4

* Подсчитано по: Отчет медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1893–1895 гг. – СПб., 1898. – Ч. 1. – С. 126–277; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1911 г. – СПб., 1913. – Ч. 2. – С. 66–126; *Юрцовский Н. С.* Очерки по истории просвещения в Сибири. – Новониколаевск, 1923. – Вып. 1. – С. 145, 149.

** Рассчитано относительно количества жителей на 1 января последующего года.

Таблица 2.1 показывает некоторое отставание темпов роста числа школ и учащихся в школах Восточной Сибири по сравнению с Западной. Это явление в значительной мере можно объяснить меньшей населенностью восточных районов. Абсолютные показатели числа школ, количества обучающихся в них детей и числа жителей, приходящихся на одно учебное заведение, несмотря на известный рост, в течение всей эпохи капитализма были крайне низкими во всех регионах России, и особенно в Сибири.

При оценке степени обеспеченности населения школами следует учесть, что в период между 1894 и 1911 гг. сельское население Сибири увеличилось почти в два раза. В этом свете становится понятным, почему, несмотря на довольно быстрое увеличение общего количества школ, обеспеченность ими населения, особенно сельского, росла крайне низкими темпами. Имевшиеся школьные помещения переполнялись учащимися, и количество последних приходилось ограничивать. Если в 1894 г. на каждую из начальных сельских школ Западной Сибири приходилось 28,6 учеников, то в 1911 г. – уже 45,5. В Восточной Сибири соответствующий показатель увеличился с 21,4 до 39,9¹.

¹ Подсчитано по: *Юрцовский Н. С.* Указ. соч. – С. 149–150.

Данные по некоторым местностям позволяют особенно наглядно показать низкую обеспеченность сибирской деревни школами. В 1902–1903 гг., например, во всех селениях Барнаульского уезда Томской губернии насчитывалось всего 93 «министерские» и церковноприходские школы. Население же этого весьма обширного уезда без городов составляло свыше 570 тыс. человек¹. В Ачинском уезде Енисейской губернии в это же время на 127 249 человек населения было 59 школ, а в Минусинском уезде официальные школы действовали лишь в 66 селениях из 224². В конце XIX – начале XX в. в отдельных районах Сибири до 75 % селений были лишены своих школ³. В начале изучаемого периода имелись даже весьма обширные волости, например, Колмаковская в Тюкалинском округе Тобольской губернии, где совсем не было официальных школ⁴. Даже в 1911–1912 гг., по данным выборочного обследования, не имели школ 70,8 % переселенческих поселков Томской губернии – основного района колонизации Сибири⁵.

Как правило, начальные школы Сибири обслуживали население лишь того населенного пункта, в котором располагались, хотя в принципе были открыты для посещения детьми из других селений. По данным статс-секретаря А. Н. Куломзина, во второй половине 90-х гг. XIX в. доля учащихся из других селений в школах МНП в Енисейской губернии составляла лишь 8 %⁶. Такой же удельный вес детей из других деревень зафиксирован в 1894 г. в школах Алтайского горного округа⁷. В 1911–1912 гг. в школы соседних селений ходили дети лишь из 1/5 части переселенческих поселков Томской губернии, не имевших собственных школ⁸.

¹ Труды МКНСП. – Т. 56. – С. 214.

² Там же. – Т. 54. – С. 75, 265.

³ ГАКК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 6–13; *Анучин В. И.* Современное положение сельскохозяйственной промышленности Енисейской губ. // Сиб. наблюдатель. – 1904. – Кн. 1/2. – С. 104; Сиб. жизнь. – 1900. – 1 окт.; и др.

⁴ [*Куломзин А. Н.*] Всеподданнейший отчет по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. – СПб., 1896. – С. 124.

⁵ Подсчитано по: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ. – Томск, 1913. – Вып. 1. – С. 78.

⁶ [*Куломзин А. Н.*] Потребности начального образования в Сибири: всеподданнейший доклад по поездкам в Сибирь 1896–1897 гг. – СПб., 1898. – С. 7.

⁷ [*Рылова Е. П.*] Указ. соч. – С. 50–58.

⁸ Сборник статистических сведений... Томской губ. – Вып. 1. – С. 78.

Дело в том, что в Сибири было велико расстояние между населенными пунктами. Дети-учащиеся же, как правило, были в силах посещать школу, если она находилась не далее, чем в 2–3 верстах от родительского дома. Если же школа располагалась дальше, нужно было либо возить в нее ребенка каждый день, либо снимать ему квартиру. И то, и другое было практически невозможно для большинства крестьян, поскольку обходилось дорого. Несмотря на это, постепенно число «иноселенных» детей в школах Сибири увеличивалось благодаря росту потребности в образовании. По сведениям школьной администрации, к 1903 г. в школах Енисейской губернии, например, доля «иноселенных» учеников выросла до 10,5 %¹. В материалах обследования школ Алтайского горного округа в 1894 г. отмечено восемь случаев, когда родители возили детей в школу за 40–50 верст². Это еще раз подтверждает, что рост потребности населения в просвещении опережал развитие школьной сети.

Охват детей школой был чрезвычайно мал. Например, в середине 1890-х гг. в Забайкальской области и в 1909 г. в Бащелакской волости Бийского уезда Томской губернии с учетом детей, обучающихся на дому, из каждых 100 детей школьного возраста училось только 7 человек³. В 1911 г. из каждой сотни деревенских детей в возрасте 7–14 лет учились в начальных школах Западной Сибири 12,1, Восточной – 16,1 душ⁴.

Основную часть учащихся составляли мальчики. В школах Барнаульской волости Томской губернии в 1905 г. наблюдался перевес в пользу мальчиков в 2,1 раза⁵. По Томской губернии в целом в 1911–1913 гг. у различных категорий сельского населения разрыв между долей учащихся мальчиков и девочек колебался от 6,1 до 1,3 раза (табл. 2.2). При этом характерно, что переселенцы более охотно, чем старожилы, прибегали к обучению девочек в школе, что можно считать одним из проявлений большей степени сформированности потребности в образовании у этой категории крестьянства.

¹ Подсчитано по: ГАКК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 56. – Л. 2–39; Д. 57. – Л. 15–16.

² [Рылова Е. П.] Указ. соч. – С. 50–58.

³ Комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской обл.: материалы. – СПб., 1898. – Вып. 6. – С. 82; ГААК. – Ф. 182. – Оп. 1. – Д. 81. – Л. 4–7.

⁴ Подсчитано по: Юрцовский Н. С. Указ. соч. – С. 149–150.

⁵ Трегубов Н. М. Экономическое исследование маслоделия в Сибири. – Харьков, 1906. – С. 20.

Таблица 2.2

**Охват детей и подростков из различных категорий крестьянских хозяйств
сетью официальных школ в Томской губ. (1911–1913 гг.)***

Категория хозяйств	Группа хоз-в по посеву, дес.	Кол-во де- тей и под- ростков в выборке, абс.	Из них обучается в офици- альных школах, %		
			маль- чиков 7–17 лет	дево- чек 7– 15 лет	всего
Старожилы	0	58	17,7	8,3	13,8
	до 1	212	16,4	11,5	14,2
	1–3	392	9,7	5,4	7,9
	3–9	1747	14,0	6,4	10,3
	свыше 9	1716	17,7	6,2	12,4
	<i>Итого:</i>	<i>4125</i>	<i>15,3</i>	<i>6,5</i>	<i>11,2</i>
Переселенцы, приписанные к селениям старожилов	0	75	6,1	0,0	2,7
	до 1	154	13,5	8,8	11,0
	1–3	495	7,9	1,8	5,6
	3–9	1892	11,6	5,8	9,0
	свыше 9	1113	16,9	7,4	12,9
	<i>Итого:</i>	<i>4162</i>	<i>12,9</i>	<i>5,9</i>	<i>9,8</i>
Переселенцы, приписанные на переселенческих участках	0	709	14,3	10,0	12,4
	до 1	1328	9,4	4,8	7,4
	1–3	5487	7,1	3,7	5,6
	3–9	14210	11,2	5,5	8,7
	свыше 9	6838	21,5	16,9	19,6
	<i>Итого:</i>	<i>28 572</i>	<i>12,9</i>	<i>7,9</i>	<i>10,7</i>
Неприписные переселенцы: в селениях старожилов на переселенческих участках	–	433	14,7	7,2	11,3
	–	411	14,7	11,1	13,1

* Подсчитано по: Переселенцы, приселившиеся к старожилам... – С. 193–194; Сборник статистических сведений... Томской губ. – Вып. 2. – С. 173–174.

Данные, обобщенные в таблице 2.2, показывают, что у переселенцев Томской губернии дети были охвачены образованием слабее, чем у сибиряков-старожилов, но это явление не было повсеместным. В начале 90-х гг. XIX в. в Иркутской губернии, в 1897 г. в Забайкальской области у переселенцев доля детей, обучавшихся в шко-

лах, была несколько выше, чем у старожилов¹. Неблагоприятная ситуация с обучением подростков у переселенцев Томской губернии в начале XX в. сформировалась вследствие того, что развитие школьной сети во вновь формирующихся поселках проходило крайне медленно, а в селениях старожилов в переполненные школы часто не принимали детей «посельги», «самоходов-лапотников».

Таблица 2.2 показывает также, что, оставаясь у всех очень низким, охват подростков школой колебался у различных по благосостоянию групп крестьянства. Наибольший охват детей школой, так же, как и общие показатели уровня грамотности населения, наблюдались в высшей и низшей посевных группах. Наименьший охват был у мало-посевных крестьян с посевом от 1 до 3 десятин на двор. Данные о доле учащихся-детей в известной мере являются показателем отношения представителей различных социальных групп крестьянства к просвещению. В этой связи интересно, что у старожилов и переселенцев, живших в их селениях, менее всего обеспеченные посевом группы бедноты в большей степени учили девочек, чем более богатые посевом группы середняков и зажиточных.

В начале изучаемого периода в сельской местности Сибири, взятой в целом, в численном отношении преобладали официальные школы духовного ведомства. Например, в Иркутской губернии насчитывалось 227 училищ, подведомственных Синоду, и лишь 71 школа ведомства МНП², в Енисейской губернии соответствующие цифры равнялись 44 и 102³. В 1900 г. в Енисейской губернии 58 % общего числа официальных сельских школ составляли церковноприходские⁴. Однако к 1911–1913 гг. соотношение школ в Сибири меняется в пользу «министерских». В это время в Иркутской губернии насчитывалось уже 204 школы Министерства народного просвещения и 193 школы Синода, в Енисейской – соответственно 224 и 212⁵.

¹ См.: Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. – М.; Иркутск, 1889. – Т. 1. – С. 170–177; 1892. – Т. 2, вып. 6. – С. 62; Комиссия для исследования... Забайкальской обл. – Вып. 6. – С. 82.

² ГАИО. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 161. – Л. 35–42; Д. 164. – Л. 53.

³ РГИА. – Ф. 1263. – Оп. 1. – Д. 4873. – Л. 351.

⁴ Березовский Н. П. Указ. соч. – С. 2.

⁵ РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 17. – Д. 193. – Л. 473; РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 3. – Д. 84. – Л. 143.

В Томской губернии за три года – с 1903 по 1905 включительно – число сельских школ духовного ведомства уменьшилось на 208¹.

Численное преобладание школ духовного ведомства на рубеже XIX–XX столетий совсем не означало, что именно они играли основную роль в просвещении сибирского крестьянства. Количество учеников в церковноприходских училищах и особенно в школах грамотности было меньшим, чем в «министерских» школах, и поэтому даже в самое лучшее для себя время школы Синода сосредоточивали в своих стенах лишь немногим больше половины сельских учащихся². Уже после 1905 г. основная масса учащихся Западной Сибири сосредоточивалась в школах МНП, а к моменту проведения школьной переписи 1911 г. в селах Сибири доля учеников в синодальных училищах упала уже до 37,2 %³. В Енисейской губернии в 1901–1902 гг. на каждого учителя «министерской» школы приходилось 55, а в училищах Синода – лишь 35 учеников⁴. В Бийском уезде Томской губернии в 1913–1914 гг. в одной школе МНП обучалось 164 ученика, а в церковноприходской – лишь 84⁵. Темпы роста числа учащихся в школах Ведомства православного исповедания в целом по Сибири в период с 1894 по 1911 г. были в 3,3 раза медленнее, чем во всей системе начальных училищ⁶.

Приведенные статистические данные свидетельствуют, в частности, о том, что обычно симпатии сибирских крестьян были на стороне «министерских» школ. О том же свидетельствуют и многие описательные источники⁷. Крестьяне предпочитали учить своих детей в училищах МНП потому, что находили в них, по словам енисейского губернатора Я. Д. Бологовского, «и более успешную постановку обучения, и лучший учительский персонал...»⁸. Те же причины вытеснения школ духовного ведомства «министерскими» училищами выде-

¹ Подсчитано по: ГАТО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. б/н; Д. 22. – Л. 75.

² Шамахов Ф. Ф. Динамика развития общеобразовательной школы Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Учен. зап. / Томск. пед. ин-т. – Томск, 1955. – Т. 13. – С. 426–429.

³ Юрцовский Н. С. Указ. соч. – С. 159–160.

⁴ Труды МКНСП. – Т. 54. – С. 75.

⁵ Подсчитано по: ГААК. – Ф. 184. – Оп. 1. – Д. 122. – Л. 4–12.

⁶ Юрцовский Н. С. Указ. соч. – С. 142.

⁷ См., например: Плотников А. Ф. Нарымский край. – СПб., 1901. – С. 229–230; Труды МКНСП. – Т. 54. – С. 115.

⁸ РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 3. – Д. 84. – Л. 123.

ляли и участники обследования сельской местности Восточной Сибири конца XIX в.¹ Хотя нами и выявлены случаи, когда крестьяне-сибиряки отдавали предпочтение синодальной школе перед «министерской»², но их следует признать не преобладающими.

В течение изучаемого периода «наполняемость» всех типов школ учениками имела в селениях Сибири устойчивую тенденцию к росту. На это указывают самые различные источники. Так, в приговорах сельских и волостных сходов в начале XX в. по вопросам открытия училищ часто отмечался усиленный «наплыв учащихся»³. Все чаще учителя и представители низшей школьной администрации обращались к властям с просьбами о назначении в школу еще одного учителя или помощника учителя, так как число учеников превысило 60, т. е. тот максимум, который, в соответствии с инструкциями МНП, мог обучать один учитель⁴. В целом по Сибири в период 1894–1911 гг. темпы увеличения числа учащихся в деревенских школах опережали развитие сети школ в Западной Сибири в 1,9, в Восточной – в 2,7 раза⁵.

Росла, хотя и медленно, доля девочек среди учеников школ. По Енисейской губернии, например, число учащихся-девочек в сельской местности за один только 1915 г. возросло на 25 %⁶, а доля их в общем числе учащихся по сравнению с 1889 г. к этому времени возросла с 31,6 до 36,5 %⁷.

Переполненность многих школ желающими учиться создавала большие трудности для организации учебного процесса. Она, безусловно, снижала качество подготовки учащихся. Могли ли результаты обучения быть высокими, если в 1915 г. в Енисейской губернии в среднем на одного учителя приходилось в различных уездах от 43 до 63 учащихся? Если учесть, что встречались и малолюдные училища с

¹ Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – 1890. – Т. 2, вып. 2. – С. 195.

² См., например: РГИА. – Ф. 834. – Оп. 4. – Д. 1175. – Л. 230–231.

³ ГАКК. – Ф. 807. – Оп. 1. – Д. 293. – Л. 18–20; ГАИО. – Ф. 32. – Оп. 4. – Д. 294. – Л. 60; Труды МКНСП. – 1903. – Т. 55: Иркутская губ. – С. 35.

⁴ ГААК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 2437. – Л. 229–230; Ф. 216. – Оп. 1. – Д. 99. – Л. 47.

⁵ Юрцовский Н. С. Указ. соч. – С. 149.

⁶ Березовский Н. П. Указ. соч. – С. 15–16.

⁷ Подсчитано по: МРКМ. – Оп. 3. – Д. 35. – Л. 4–6; Березовский Н. П. Указ. соч. – С. 15–16.

10–15 учениками, то станет ясно: во многих школах число учащихся было гораздо выше средней величины¹.

О том, что официальная школьная сеть не успевала за ростом потребности крестьянства в образовании, свидетельствует широкое распространение в сибирской деревне «домашних» школ. Они играли весьма заметную роль в просвещении крестьянства Сибири на протяжении всего изучаемого периода. Точное количество «домашних» школ и учащихся в них назвать невозможно, но имеющиеся официальные данные по некоторым местностям показывают, что и тех, и других было больше, чем в официальной сети просвещения. Например, в Каинском уезде Томской губернии в 1898 г. было 22 церковно-приходские школы, 31 школа грамоты, 28 училищ Министерства народного просвещения, но 114 «домашних» школ. При этом число учащихся в вольных школах лишь немногим уступало их количеству в школах официальных (1832 человек против 1966)². В Мариинском округе в 1895–1896 гг. было зафиксировано 38 «домашних» школ, в Барнаульском – более 316³. По официальным данным, повсеместно в «вольных» школах обучалось более трети всех учащихся⁴.

Несомненно, что официальная статистика числа «домашних» школ и количества детей в них сильно занижала показатели, так как многие такие училища вообще нигде не фиксировались. Более того, некоторые из них были тщательно скрываемы, так как учителями в них были политические ссыльные, которым запрещалось заниматься педагогической деятельностью. В тех случаях, когда исследователи фиксировали «домашнюю» школу, они, как правило, оговаривались, что берут в расчет только «более или менее постоянно действующие» школы.

Результаты обучения в неофициальных школах были весьма различными, более всего они зависели от квалификации учителя. Многочисленные источники показывают, что в конце XIX – начале XX в. по составу учителей, наличию средств обучения, его качеству и другим показателям большинство из этих школ было ниже всякой критики. Дети учились в «домашних» школах одну-две зимы «по чему по-

¹ Березовский Н. П. Указ. соч. – С. 16.

² ГАТО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 34.

³ Там же. – Д. 3. – Л. 62–77; Д. 7. – Л. 494–509.

⁴ Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – Т. 2, вып. 2. – С. 194; 1893. – Т. 4, вып. 2. – С. 31; Березовский Н. П. Указ. соч. – С. 5.

пало»¹. Курс учения состоял обычно из обучения письму, чтению и четырем арифметическим действиям.

По свидетельствам очевидцев, закончив такую школу, подростки едва разбирали печатный текст, могли «руку приложить» (расписаться в документе), «записать что-нибудь по домашности», написать двух- или трехзначное число². Тем не менее, среди крестьян и казаков было распространено мнение, что обучение в «домашней» школе более эффективно, чем в официальных. Поэтому имели место случаи, когда не только отдельные крестьяне забирали детей из официальной школы и сами нанимали учителя, но и целые сельские общества принимали решения об открытии в селении вольной школы. Обычная в таких случаях мотивировка выглядела так: «Наши дети вот уже обучаются по 3-му году [в официальной школе], но полезного ничего для их учения не предвидится...»³. О том, что крестьяне иногда предпочитали «домашнюю» школу официальной именно по причине ее большей результативности (часто мнимой), свидетельствуют многие источники⁴. Еще одна причина: возможность родителей и в целом крестьянского сообщества влиять на программу обучения в домашней школе в большей степени, чем в официальной: не все аспекты типовых программ МНП удовлетворяли деревенских жителей.

В начале XX в. по мере увеличения количества учителей из среды политических ссыльных увеличивалось число таких «домашних» школ, выпускники которых имели уровень подготовки, позволявший некоторым из них окончить впоследствии не только средние, но и высшие учебные заведения. В «вольных» школах, создаваемых в Сибири политическими ссыльными, учебный процесс обычно был организован с использованием методов, развивающих мышление учащихся. Программа обучения могла быть намного шире, чем в официальных школах. Через

¹ Астырев Н. М. На таежных прогалинах: очерки жизни населения Восточной Сибири. – М., 1891. – С. 50.

² МРКМ. – Оп. 4. – Д. 108/48. – Л. 55; ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 10; Никитенко В. Верховенский окр. в прошлом столетии // Врачебно-санитарная хроника Иркутской губ. – 1916. – № 10. – С. 27–28.

³ ГАЗК. – Ф. 138. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 41–41. См. также: Л. 37.

⁴ ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 7–10; Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 81. – Л. 51; Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и иногородцев Западной Сибири. – СПб., 1888. – Вып. 1. – С. 324; Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – Т. 2, вып. 2. – С. 233; Т. 4, вып. 2. – С. 30–31.

вольные школы проникали в крестьянскую среду знания не только общеобразовательного характера, но и политические.

Программы и насаждаемые методы обучения в официальных школах не предусматривали глубокой и всесторонней подготовки учащихся. Утвержденные в 1897 г. и действовавшие до 1917 г. «Примерные программы предметов, преподаваемых в начальных народных училищах ведомства Министерства народного просвещения» около 45 % учебного времени отводили на предметы чисто религиозного характера: на Закон Божий, церковно славянскую грамоту и церковное пение. Это было вполне в духе официальной оценки назначения «школы для народа».

В данной области не делалось больших различий между училищами светских ведомств и школами Синода. По мнению чиновников от просвещения и служителей церкви, разделяемому и представителями консервативного общественно-политического лагеря, а также умеренными либералами, основная задача школы – «дать учащимся религиозно-нравственное воспитание, развить в них любовь к Царю и России», «утверждать в народе веру и верность...», воспитывать «христианское чувство любви к Богу и ближнему, развить ... правильный взгляд на свои ... отношения к семье и Отечеству». (Здесь приведены отрывки из передовой статьи газеты «Сибирь», отчета иркутского генерал-губернатора А. Д. Горемыкина за 1893–1895 гг., циркуляра МНП от 27 июля 1912 г.)¹.

На уроках русского языка, арифметики и чистописания учащиеся должны были приобрести лишь самые элементарные навыки в области техники чтения, письма и счета. С этой целью программы, а затем и ряд циркуляров правительства требовали на уроках русского языка «обращать исключительное внимание на изучение языка, а не задаваться побочными целями, например, сообщением учащимся разнообразных сведений из окружающего мира». При изучении арифметики следовало ограничиваться только решением задач, встречающихся «в житейском обиходе»². В школах церковноприходских, согласно Правилам 1884 г., из всех учебных предметов только начальные арифметические сведения носили относительно светский характер, остальные были чисто религиозными или имели

¹ ГАКК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 183. – Л. 90–93; РГИА. – Ф. 1284. – Оп. 194. – Д. 127. – Л. 69; Сибирь. – 1886. – 6 июля.

² Труды МКНСП. – Т. 54. – С. 266.

религиозный оттенок. Поэтому общеобразовательная подготовка, которую могли получить учащиеся церковноприходских училищ, школ грамотности, а также одноклассных «министерских» школ, была относительно низкой.

Программы двухклассных училищ МНП, хотя и предусматривали изучение истории, географии и естествознания, но лишь в объеме самых элементарных сведений. Такие училища, как и все начальные деревенские школы, были тупиковыми в том смысле, что не давали возможности продолжать образование в средних учебных заведениях (гимназиях и прогимназиях) вследствие скудности предусмотренных программой знаний, умений и навыков. Лучшие выпускники двухклассных училищ могли претендовать только на поступление в начальные профессиональные училища (учительские семинарии, фельдшерско-акушерские школы и т. п.), но не следует забывать, что таких училищ было мало. К началу 1915 г. в сельской местности Западной Сибири двухклассные училища МНП составляли 6,7 % всех школ, в Восточной Сибири – 13,9 %¹.

Даже крайне узкие образовательные задачи на практике реализовывались сельскими школами Сибири далеко не всегда. В училищах разного типа вплоть до начала XX в. отсутствовали единые более или менее рационально обоснованные программы; программы 1897 г. были «примерными» и утвердились в школах не сразу. Это, безусловно, отрицательно сказывалось на результатах учебного процесса. Источники показывают, что в отдельных школах Сибири даже арифметика не включалась в число учебных предметов². Выбор предметов и объемом преподаваемых знаний определялись зачастую произвольно. Так, учитель Зырянской школы грамоты в Томской губернии М. Некрасов признавался в 1893 г., что обучение детей велось им «не специальное, а такое, лишь бы только дитя научилось читать и писать»³.

О том, что результаты обучения в сельских школах были низкими, свидетельствуют самые разнообразные источники. На заседаниях уездных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г. из уст чиновников, технических специалистов, общественных деятелей, самих крестьян ясно прозвучала мысль о том, что

¹ Подсчитано по: Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск, 1983. – С. 232.

² АГМ. – Ф. 30. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 11–18, 21–26; Труды МКНСП. – Т. 54. – С. 266.

³ ГАТО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 108.

оканчивающие курс начальной школы крестьянские дети «малосведущи», что они «не в состоянии двигаться дальше самостоятельно», так как даже за три-четыре года обучения успевают овладеть только азами грамоты, и то не всегда¹. Сельская школа, по словам современников, «не приобщает своего ученика к книге», полученная там элементарная грамотность быстро утрачивается, это школа «простой механической грамотности»².

Сохранился ряд постановлений сельских сходов, в которых крестьяне отмечали плохую подготовку их детей в школе. Например, в «приговоре» Бутурского общества Оёкской волости Иркутского уезда от 18 июля 1912 г. отмечено, что с 1910 г. в селении открыто одноклассное училище, но оно функционирует неудовлетворительно, дети «совершенно не имеют никаких первоначальных познаний в грамоте...»³. На плохое качество обучения указывают и материалы осмотров училищ, производившихся гражданской и учебной администрацией. Инспектор народных училищ Иркутского, Балаганского и Верхотенского округов Иркутской губернии так оценил в начале 90-х гг. XIX в. постановку учебного дела в ряде подведомственных ему училищ: «... В Знаменском же 2-классном, Верхотенском и Качугском учебная часть поражает своей неуспешностью»⁴. В мае 1910 г. наказной атаман Сибирского казачьего войска сделал ревизию 38 станичных и поселковых школ. В 15 из них им была отмечена неудовлетворительная общеобразовательная подготовка учащихся⁵. В декабре 1910 г. 30 школ Тобольской губернии посетил старший чиновник особых поручений С. Л. Войнилович. В 13 школах он зафиксировал низкий уровень знаний и умений учащихся⁶. «О выполнении программы и помину нет», – констатировал директор Якутской прогим-

¹ Труды МКНСП. – Т. 54. – С. 125, 250, 266; Т. 55. – С. 35; Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности по Сибири, Степному и Туркестанскому краям, Кавказу и Закавказью. – СПб., 1904. – С. 111–112, 117–119, 123.

² *Анучин В. И.* Указ. соч. – С. 104; *Обручев В. А.* В старой Сибири: сборник статей, воспоминаний и писем (1888–1955 гг.). – Иркутск, 1958. – С. 194–196; *Латкин Н. В.* Красноярский окр. Енисейской губ. – СПб., 1890. – С. 33; и др.

³ ГАИО. – Ф. 379. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 17–18. См. также: Ф. 194. – Оп. 1. – Д. 74. – Л. 19; и др.

⁴ Там же. – Ф. 194. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 27.

⁵ ГААК. – Ф. 216. – Оп. 1. – Д. 99. – Л. 34–41.

⁶ ГА в Тобольске. – Ф. 458. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 5–7.

назии, осмотрев четыре сельских училища Иркутской губернии¹. «Ученики отвечали плохо ... умножение и деление чисел не знают. Письменных работ много, но, очевидно, они даются для того, чтобы занять время учеников», – читаем в отчете инспектора 4-го района Тюменского и Туринского уездов Тобольской губернии о ревизии Устиновского двухклассного училища в 1909–1910 гг.²

Особенно отрицательно характеризовалась постановка и результаты учебного дела в училищах духовного ведомства. В церковноприходских школах и школах грамоты часто наблюдалось «механическое усвоение преподаваемого и ограниченность приобретаемых сведений»³. В отчетах о ревизиях училищ много указаний даже на плохое знание учениками Закона Божьего, что ревизоры чаще всего объясняли «пренебрежением большинства священников своими обязанностями по преподаванию в школах»⁴. Во время поездки архиепископа Томского и Барнаульского Макария (Невского) по епархии в 1905 г. выяснилось, что многие ученики школ грамоты и церковноприходских перезабыли даже все молитвы⁵.

Основные причины слабой подготовки учащихся и низкого качества грамотности выходящих из школ подростков заключались в недостатках функционирования самой школьной системы. Была слаба материальная база школ: они были плохо обеспечены помещениями, оснащены учебными пособиями; при школах часто отсутствовали библиотеки и читальни. Все это серьезно затрудняло процесс обучения.

Большая часть школьных зданий, как собственных, так и наемных, согласно данным медицинских и санитарных обследований, не отвечала элементарным требованиям гигиены. Из года в год в отчетах Медицинского департамента, а затем Главного управления врачебного инспектора Министерства внутренних дел сибирские сельские школы признаются самыми неблагополучными в империи в санитарно-гигиеническом отношении. Постоянно фигурируют одни и те же

¹ ГАИО. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 80. – Л. 26–39.

² ГА в Тобольске. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 37. – Л. 6–7. См. также: Ф. 458. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 5–6.

³ ГАТО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 2113. См. также: Л. 2015; Д. 1. – Л. 5–12, 108, 1098; Д. 7. – Л. 536–537, 540, 579.

⁴ РГВИА. – Ф. 330. – Оп. 47. – Д. 740. – Л. 1–4; ГАКК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 167. – Л. 82; ГАИО. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 2–30; Д. 81. – Л. 47.

⁵ РГИА. – Ф. 796. – Оп. 442. – Д. 2121. – Л. 45.

серьезные замечания, относящиеся к осмотренным врачами школам всех сибирских губерний и областей: теснота, отсутствие вентиляции, плохое отопление, слабое и неправильно устроенное освещение, ветхость помещений, непригодность мебели, отсутствие туалетов и т. д. Отмечалось, что самое плохое положение с материальной базой было у школ духовного ведомства, которые часто помещались в церковных сторожках¹.

Приведем для примера результаты обследования школ Алтайского горного округа в 1894 г. Здесь 48,8 % церковноприходских школ и школ грамотности размещались в совершенно непригодных для этого церковных сторожках. В 13 из 28 волостных училищ стены промерзали или были покрыты плесенью, то же самое наблюдалось в 7 из 30 церковноприходских школ и в 5 из 13 школ грамоты. Из-за холода дети занимались в шубах в 13 из 33 волостных школ, в 19 из 36 церковноприходских, в 10 из 13 школ грамоты².

Со временем это положение менялось мало. Хотя новые школьные здания строились обычно по специально разработанным проектам, отступления от норм при строительстве были явлением обычным. Связаны они были, как правило, с небрежностью подрядчиков или с нехваткой денежных средств у заказчиков³. В 1915 г. заведующий переселением и землеустройством в Енисейской губернии констатировал, что «почти все здания, построенные Переселенческим управлением [для аграрных мигрантов «столыпинской» волны], недостаточно приспособлены для занятий»⁴.

Обеспеченность училищ, особенно духовного ведомства, учебными пособиями была крайне недостаточной. Это многократно констатировали и сами учителя, и представители администрации. Недоста-

¹ Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1893–1895 гг. – СПб., 1898. – Ч. 1; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... [1896/1901–1914 гг.]. – СПб.; Пг., 1905–1916.

² [Рылова Е. П.] Указ. соч. – С. 9–10. См. также: ГАКК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 2–3; Д. 37. – Л. 7; Ф. 807. – Оп. 1. – Д. 200. – Л. 2–3; ГААК. – Ф. 184. – Оп. 1. – Д. 122. – Л. 21; ГАИО. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 23–24; Д. 30. – Л. 12; ГАТО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 2128; и др.

³ ГААК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 2528. – Л. 669–670; Ф. 127. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 26, 168; ГАИО. – Ф. 194. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 54.

⁴ ГАИО. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 17–18.

вало не только книг для чтения, но и учебников, прописей, грифелей, счетов, глобусов, настенных карт, эталонов веса и т. д.¹

Такая картина материальной оснащённости учебного процесса проистекала из общей системы финансирования сельских училищ. Основу содержания всех светских сельских школ Сибири составляли земские сборы (сначала частные, потом общие) и мирские повинности. Вплоть до начала XX в. казна почти не принимала участия в содержании сельских начальных училищ. Участниками обследований крестьянских хозяйств на государственных землях Западной и Восточной Сибири в конце XIX в. указывалось, что более двух третей всех школьных расходов ложится на сельские общества, оставшаяся треть – на земские сборы, собираемые тоже с крестьян². Примерно такая же картина наблюдалась в Алтайском горном округе в 1894 г.³ При этом жалованье учителю и законоучителю, денежные суммы на учебные пособия и библиотеку выдавались из земских сборов, в Западной Сибири это суммарно составляло 310–360 р. на училище⁴. Остальные расходы должны были обеспечивать непосредственно сельские общества натурой или деньгами (содержание помещения для школы и квартиры учителя, ремонт и отопление, наем обслуживающего персонала и т. п.). Эти расходы обходились некоторым обществам в суммы от 10 до 40 р. ежегодно⁵.

В начале 90-х гг. XIX в. расходы на содержание школ составляли более 5 % всех мирских сборов, ложившихся на крестьян Алчедатской и Дмитриевской волостей Томской губернии⁶. В различных округах Енисейской губернии эти суммы составляли от 2,6 до 4,0 % мирских сборов⁷. При этом далеко не все сельские общества, участ-

¹ ГААК. – Ф. 216. – Оп. 1. – Д. 99. – Л. 34–41; Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – Т. 2, вып. 2. – С. 204; Т. 4, вып. 2. – С. 9–10, 20; и др.

² Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – Т. 2, вып. 2. – С. 197; ГАКК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 12–13.

³ [Рылова Е. П.] Указ. соч. – С. 73–74.

⁴ ГАТО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. б/н.; Материалы для изучения... Западной Сибири. – 1889. – Вып. 2. – С. 113.

⁵ Материалы для изучения... Западной Сибири. – Вып. 1. – С. 300.

⁶ Подсчитано по: Материалы для изучения... Западной Сибири. – 1893. – Вып. 19. – С. 114–119, 122–125.

⁷ Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – Т. 4, вып. 2. – С. 6.

вовавшие в финансировании школы, имели возможность учить в ней своих детей, так как часто училище располагалось в волостном селе или другом селении, на весьма отдаленном расстоянии от других деревень, жители которых тоже несли мирские повинности. Так, Карапчанское приходское училище Киренского уезда Иркутской губернии в 1900–1901 гг. посещало 25 учеников, и все они были из с. Воробьевского, в котором находилось училище. Участвовали же в содержании этого училища жители 19 окрестных населенных пунктов. Макаровское училище этого же уезда содержалось на средства 40 селений, среди учащихся же были дети лишь из 8 населенных пунктов¹.

По данным статс-секретаря А. Н. Куломзина, на все свои школы в Сибири МНП отпускало в начале 90-х гг. XIX в. ежегодно всего 550 р., из них 350 р. шло в Енисейскую губернию². К началу XX в. ассигнования на нужды народного образования в Сибири несколько увеличились, но доля этих средств в деле финансирования сельских школ остается мизерной – в Енисейской губернии, например, 4 %³. Образование в 1909 г. школьного строительного фонда привело к более заметному росту этой доли, но и тогда в общей сумме расходов на сельские училища земские и мирские сборы составляли около 40 %⁴. И это не удивительно, если учесть, что общая доля расходов на начальные школы в бюджете Российской империи составляла в 1912 г., например, лишь 2,4 %⁵.

Ведомство православного исповедания, точно так же, как и светские власти, возложило основные расходы по образованию на плечи самих крестьян. Содержание училищ Синода почти исключительно осуществлялось за счет повинностей сельских обществ. При этом выделяемые суммы в абсолютном выражении были невелики, ибо в содержании этих училищ, как правило, участвовали жители лишь тех селений, в которых располагалось учебное заведение. Пособие епархиального училищного совета в размере 60 р. предоставлялось лишь немногим школам, и некоторые из них существовали лишь за счет этого небольшого пособия⁶.

¹ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 6. – Д. 22. – Л. 6–11.

² [Куломзин А. Н.] Потребности начального образования... – С. 31.

³ Труды МКНСП. – Т. 54. – С. 266–267.

⁴ ГАКК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 187. – Л. 16.

⁵ Виноградов П. Т. Краткий очерк... – С. 19.

⁶ ГАКК. – Ф. 807. – Оп. 1. – Д. 254. – Л. 8–16; ГАТО. – Ф. 145. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 18–19.

В среднем средства, которыми располагали учебные заведения духовного ведомства, уступали также небогатым средств «министерских» школ. В Енисейской губернии в начале 90-х гг. XIX в. на одно училище МНП приходилось 558 р., а на церковноприходскую школу – 91 р.¹ В 1909 г. соответствующие показатели равнялись 892 и 284 р.² В Иркутской губернии в конце XIX в. расход на содержание «министерской» школы составлял в среднем 791 р., а церковноприходской – 354³. В Томской губернии в 1908 г. в среднем расходовалось 1060 р. одним училищем МНП, 380 р. – церковноприходской школой и 155 р. – школой грамотности⁴.

Свыше 70 % названных выше сумм затрачивалось на выплату жалования учителю и законоучителю, на содержание же и ремонт помещений, на приобретение книг и учебных пособий оставалась весьма незначительная сумма. Обычно она составляла 25–50 р., но некоторые приходские училища (например, Витимское и Зиминское Иркутской губернии) вынуждены были довольствоваться гораздо меньшими средствами⁵. «Такая статья расхода, как покупка учебных пособий и пополнение библиотек, имеет место в редких случаях и в незначительных размерах», – вынуждены были констатировать наблюдатели в конце XIX в.⁶ По данным школьной переписи 1911 г., доля расходов на учебные пособия во всех начальных училищах, включая и городские, составляла лишь 9,7 % в Западной Сибири и 8,7 % – в Восточной⁷.

К числу других причин невысокого уровня образования, получаемого в сельских школах Сибири, относится низкий образовательный и профессиональный уровень большинства учителей, особенно в школах грамотности и церковноприходских. Хотя на протяжении изучаемого периода прослеживается тенденция к его рос-

¹ Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – Т. 4, вып. 2. – С. 6.

² РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 3. – Д. 84. – Л. 123.

³ Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – Т. 2, вып. 2. – С. 198.

⁴ *Виноградов П. Т.* Очерк положения начального образования в Томской губ. в 1908 г. // Памятная книжка Томской губ. на 1910 г. – Томск, 1910. – С. 134.

⁵ ГАИО. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 2; Ф. 194. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 6.

⁶ Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – Т. 4, вып. 2. – С. 7.

⁷ *Юрцовский Н. С.* Указ. соч. – С. 173.

ту, даже в 1911 г. сельские учителя с педагогическим образованием составляли в Западной Сибири лишь 21,7 %, а в Восточной – 45,6 %¹. Здесь учтены, разумеется, только учителя официальных школ, в «домашних» же школах учили почти исключительно люди, не имевшие специального образования, а зачастую и вообще полуграмотные. Это было важнейшей причиной господства рутинной, а то и прямо антипедагогической методики преподавания и воспитания в школьных стенах. Во многих училищах наблюдалось засилье зубрежки, грубое обращение учителей с детьми, применение физических наказаний².

Для сибирской деревни изучаемого периода характерны весьма ограниченные возможности для повышения квалификации учителей. Скромные размеры содержания или даже полное отсутствие его во многих школах духовного ведомства не позволяли сельскому учителю заводить и пополнять свою библиотечку, выписывая или покупая педагогическую литературу. Создание районных учительских библиотек мало что изменило в этом отношении при большом удалении многих сибирских селений от культурных центров. В начале XX в. в Сибири стали созываться учительские съезды, но делалось это лишь в отдельных районах и весьма спорадически. Система в проведении таких съездов, которые могли бы в других условиях оказать научно-методическую помощь их участникам, отсутствовала. Фактически не было и методической помощи со стороны верхних эшелонов школьной администрации. Смотрители училищ и инспекторы, захваченные бюрократической рутинной, даже при сильном желании не могли посетить все школы своего участка хотя бы один раз в году³.

Не способствовала повышению эффективности народного образования и жесткая централизация управления, господство казенно-бюрократического руководства. Самое ничтожное дело, например, о разрешении училищу обучать взрослых грамоте, как это предписывали циркуляры МНП, должно было пройти по инстанциям снизу вверх с «соображениями» и «заключениями», а затем – обратно. Решения

¹ Там же. – С. 170.

² ГАИО. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 170. – Л. 36–40; Ф. 194. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 72–73, 163; Д. 74. – Л. 57; ГАТО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 22. – Л. 19–21; *Линьков А. И.* Рост учебного дела в Восточной Сибири // Сиб. архив. – 1912. – № 7. – С. 524; и др.

³ ГААК. – Ф. 81. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 14.

попечителя Западно-Сибирского учебного округа или Иркутского генерал-губернатора, который руководил учебными заведениями Восточной Сибири, зачастую расходились с циркулярами МНП и даже противоречили законам.

Особенно ярко проявлялось тормозящее влияние канцелярщины и формализма при подборе кадров для школ. Для назначения учителя требовалось получить ответ на запросы о его нравственных качествах и поведении по месту прежней работы и о политической благонадежности. Такая система приводила к тому, что двери школы были открыты в основном учителям, слепо выполнявшим программы и инструкции, не выходящим за узкие пределы дозволенного. По свидетельству современников, среди заведующих двуклассными училищами, для назначения которых «благонадежность» была особенно важна, нередко встречались такие, которые поражали «своей неразвитостью и безграмотством»¹.

И все же учителей-энтузиастов с достаточной педагогической подготовкой и педагогическими дарованиями было немало в официальных и «вольных» школах. В отчетах администрации встречаются упоминания школ с хорошими результатами обучения учащихся, умелыми и добросовестными педагогами. В записках чиновника С. Л. Войниловича называются, в частности, Верх-Суерская и Частоозерская «министерские» школы Тобольской губернии, где «учащиеся на все вопросы прекрасно отвечают. Заметно общее развитие детей»². Священник В. Марков в 1914 г. дал высокую оценку Шапшинской передвижной школе Самаровской волости Тобольской губернии: «Хорошие осмысленные ответы детей. Выразительно читают, разбивают текст на части, быстро и верно соображают при решении задач»³. Отличные успехи учащихся по всем предметам были отмечены во время поездки томского епархиального наблюдателя в Подъельничьей и Таежной церковноприходских школах⁴. В корреспонденциях на страницах печати давалась хорошая характеристика школам в с. Абатском Тобольской губернии, в д. Соколовой Бийского округа Томской губернии, в селениях Ермаковском и Курагинском

¹ Давыдов П. Народное образование в Енисейской губ. // Сиб. вопросы. – 1908. – № 2. – С. 27.

² ГА в Тобольске. – Ф. 458. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 5–7.

³ Там же. – Ф. 483. – Оп. 1. – Д. 123. – Л. 26–27.

⁴ ГАТО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 2146.

Минусинского уезда Енисейской губернии и многим другим. Крестьяне были довольны деятельностью этих училищ, неплохо обеспеченных учебными пособиями. Учителя использовали здесь передовые методы обучения, прогрессивную учебную литературу¹. Однако, как показывает анализ комплекса источников, такие положительные моменты в истории дореволюционной начальной школы были скорее исключением, чем правилом.

Очень многие ученики уходили из школ, не закончив даже их первого курса обучения, и это также было одной из причин того, что большую часть крестьян, прошедших через школу, трудно было назвать по-настоящему грамотными людьми. В начале 90-х гг. XIX столетия в «министерских» училищах Иркутской губернии с их трех- и четырехлетним сроком обучения средняя продолжительность реальной «школьной жизни» для мальчиков равнялась 1 году 10 месяцам, для девочек – 1 году 8 месяцам. В церковноприходских школах соответствующие цифры равнялись 1 году 9 месяцам для мальчиков и 1 году 6 месяцам для девочек². В Ачинском уезде Енисейской губернии, по официальным данным за 1901/02 учебный год, в 11 школах МНП окончило полный курс только 86 человек из 613 принятых, т. е. из каждых семи учащихся закончил школу только один. В церковноприходских школах из 1500 учащихся в 42 учебных заведениях окончило курс 120, или один из каждых двенадцати³. Во всех школах были широко распространены пропуски учащимися уроков, которые вынуждались, как правило, объективными причинами: потребностями крестьянского хозяйства, отсутствием у детей необходимой одежды и обуви, дальностью школ и др.

Основная причина ухода учащихся до окончания курса из школы и пропусков ими занятий связана с невозможностью крестьянского хозяйства обойтись без труда детей и подростков. Кроме многочисленных прямых указаний в нарративных источниках, об этом свидетельствуют данные о возрасте учащихся. Основную массу учеников в сельских школах Сибири составляли дети 8–11 лет (более 70 % в те-

¹ Вост. обозрение. – 1887. – 5 сент.; 1890. – 5 янв.; 18 июня; Сиб. листок. – 1894. – 2 сент.; и др.

² Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – Т. 2, вып. 2. – С. 215–217.

³ Труды МКНСП. – Т. 54. – С. 75.

чение всего изучаемого периода)¹. Но как раз с 8 лет в семейном крестьянском дворе мальчики начинали выполнять обязанности бороноволок на пашне, девочки – нянек при маленьких братишках и сестренках, и т. п. Дети учились в школе до того момента, пока родители не отзывали их на работу.

Довольно низкое качество обучения также стимулировало отсев учащихся. Программа одноклассных училищ была построена таким образом, что на третий год обучения учащиеся не получали новых знаний, а лишь закрепляли полученные, в чем крестьяне смысла не видели.

Таким образом, начальная школа Сибири при существовавшей в изучаемую эпоху постановке учебного дела мало способствовала повышению культурного уровня крестьянства, слабо побуждала подростков повышать свое образование путем самообразования и продолжения обучения. Она в большинстве случаев не создавала той первоначальной базы, на основе которой было возможно приобретение специальных, в том числе и сельскохозяйственных знаний, и это являлось одним из факторов, тормозивших развитие производительных сил и затруднявших общественную активизацию крестьянства. Хотя под влиянием процессов модернизации наблюдалось усиление позитивных моментов в развитии системы народного образования (улучшались материальная база школ и педагогическая подготовка учителей, шире распространялись новые методы обучения, росло число учащихся, в том числе оканчивающих полный курс), это происходило медленно. Переломных результатов указанная тенденция так и не дала вплоть до 1917 г.

В ряде случаев школа могла выступать как канал политического просвещения крестьянства. В большей мере это относится к вольным школам, создаваемым политическими ссыльными. Однако и в официальных училищах некоторые политически ангажированные педагоги пытались распространять свои взгляды среди учащихся и вести пропаганду среди крестьян. Еще в 1890 г., по официальным данным, в Забайкальской области четыре учителя были уволены со службы «за распространение вредных идей среди населения»². Не-

¹ Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – Т. 2, вып. 2. – С. 213–214; Материалы для изучения... Западной Сибири. – Вып. 1. – С. 320; и др.

² *Линьков А. И.* Указ. соч. – С. 520.

мало фактов пропагандистской деятельности учителей в школах и среди населения отмечалось в период революции 1905–1907 гг. Именно в это время не принимавший, по-видимому, ранее участия в политической деятельности учитель из с. Шушенского Минусинского уезда Енисейской губернии В. П. Стародубцев начал распространять среди крестьян литературу революционного содержания¹. Преподававший в с. Козловка Зиминской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губернии Х. М. Трифонов также, по воспоминаниям одной из его учениц, «выходил из рамок ”законного”»². Младший учитель Донинского двухклассного училища Забайкальской области М. Нодельман в ноябре 1905 г. на уроке отечественной истории внушал ученикам, что царь Николай II будет свергнут с престола, если не обратит внимания на нужды народа³.

Перечень фактов такого рода можно было бы продолжить. Иных сельских учителей за такие высказывания или целенаправленную пропаганду отстраняли от работы, привлекали к суду. В одном только Минусинском уезде Енисейской губернии в 1907 г. было арестовано семь сельских учителей и среди них – упоминавшийся нами В. П. Стародубцев, знакомый В. И. Ленина по годам ссылки в с. Шушенском⁴.

В годы нового революционного подъема после 1910 г. и особенно в период общественно-политического кризиса в годы Первой мировой войны некоторые сельские педагоги, чаще всего во внеурочное время, продолжили свою общественно-просветительскую работу, принимавшую иногда форму радикально-социалистической и антиправительственной пропаганды. Однако имеющиеся в нашем распоряжении материалы не позволяют утверждать, что сельская школа как социальный институт играла сколько-нибудь существенную роль в политическом просвещении и в политической активизации сибирского крестьянства.

¹ МРКМ. – Оп. 4. – Д. 213. – Л. 13–23.

² ГАНИИО. – Ф. 300. – Оп. 1. – Д. 693. – Л. 36.

³ РГВИА. – Ф. 1482. – Оп. 1. – Д. 170. – Л. 6–7, 12.

⁴ ГАКК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 1–2. См. также: ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 1; Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 307. – Л. 28; ГА в Тобольске. – Ф. 152. – Оп. 22. – Д. 465. – Л. 1–20; и др.

2.2. Участие сельской школы в агротехническом просвещении населения

Характеризуя начальную стадию модернизации экономики Сибири на рубеже XIX–XX вв., историки отмечают ряд прогрессивных моментов в сельском хозяйстве: рост посевных площадей, среднегодового сбора хлебов, поголовья скота, довольно широкое применение улучшенных сельскохозяйственных орудий. Но все же сельское хозяйство Сибири, как и России в целом, оставалось тогда относительно отсталым, что выражалось, в частности, и в низком уровне агрономии и агротехники.

Необходимость повышения агротехнической оснащенности крестьянского хозяйства диктовалась потребностями развивающегося капитализма. Втягиваясь в конкурентную борьбу на рынке, формирующаяся сельская буржуазия испытывала необходимость в дальнейшем совершенствовании орудий труда и приемов обработки почвы. Формирующееся вследствие политики царизма относительное малоземелье крестьянства Сибири в значительной степени ограничивало применение старых орудий и способов агротехники. Рациональное ведение хозяйства в новых условиях требовало правильного удобрения земли, более совершенных севооборотов, способствующих сохранению плодородия почвы, интенсивной борьбы с сорняками и вредителями сельского хозяйства, более продуктивных пород домашнего скота и современных способов ухода за ним, распространения продуктивных технологий первичной переработки продуктов сельскохозяйственного производства на месте. Традиционные агротехнические навыки крестьянства оказывались недостаточными и нуждались в дополнении и развитии на основе научно обоснованных рекомендаций. Несомненно, что дальнейшее развитие производительных сил в сельском хозяйстве Сибири во многом зависело от распространения специальных научных знаний, т. е. от развития агротехнической помощи населению агрономического просвещения.

Передовая часть крестьянства уже не довольствовалась эмпирическим уровнем сельскохозяйственных знаний. В его среде формировалась потребность в приобщении к важнейшим достижениям в области агротехники и организации сельскохозяйственного производства. Все более широкий круг крестьян понимал, что научные знания, как общие, так и специальные, могут быть полезными в сфере их хозяйст-

венной деятельности, например, для успешного раздела общественных земель, ремонта сельскохозяйственных машин, для улучшения технологии обработки почвы, в целом для повышения благосостояния деревни. Об этом свидетельствуют, в частности, ответы крестьян на анкету Иркутского общества распространения народного образования и народных развлечений в 1900–1901 гг. Так, крестьяне Н. П. Пашенных из с. Курагино Минусинского уезда Енисейской губернии, В. Б. Москвитин из с. Бирюсинского Нижнеудинского уезда, Д. И. Сулымов из с. Залог Верхоленинского уезда Иркутской губернии, И. А. Наумов из станицы Жигаловской того же уезда и другие считали, что развитие образования взрослых должно происходить и по линии приобретения ими сельскохозяйственных знаний¹. Полезными считали многие крестьяне и ремесленные знания. По мнению уже упоминавшегося Н. П. Пашенных, ремесленные знания являются «важной потребностью сибирских сельских хозяев»².

Среди крестьян, осознававших ценность специального просвещения, выделялись наиболее образованные из числа зажиточных, которые, имея для этого материальные возможности, активно знакомились через литературу и другими путями с новыми методами обработки почвы, машинами, сельскохозяйственными культурами и внедряли их в свое хозяйство, занимались опытнической деятельностью, сотрудничали с научными учреждениями и обществами. В связи с этим исследователями назывались имена Ф. А. Гусева, Ф. И. Живоглядова, А. И. Зудрикова, Е. Ф. Лубошникова, Г. П. Мезенцева, К. М. Скоротупова и др.³

Этот список можно было бы продолжить. Известный ученый и общественный деятель Н. М. Ядринцев отмечал, что в Сибири есть немало самостоятельных, «весьма смысленных, умных и развитых» крестьян, которые делают «опыты улучшения в посевах, вычитывая надлежащие указания из книг», и называл в этой связи имя крестьянина Матвеева из Утецкой волости Ишимского округа Тобольской губернии⁴. В 1913 г. по итогам конкурса «образцовых» крестьянских

¹ Труды МКНСП. – Т. 54. – С. 250–251; ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 5–6; Д. 3. – Л. 4–11.

² Труды МКНСП. – Т. 54. – С. 250.

³ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. – С. 335–336.

⁴ Ядринцев Н. М. О способах и средствах борьбы с кобылкой в южных округах Тобольской губ. – СПб., 1893. – С. 18–19.

хозяйств, проводившегося в России в честь 300-летия Дома Романовых, были награждены сибиряки, активно занимавшиеся опытнической деятельностью и модернизацией своего двора: П. Н. Мартьянов (с. Тюменцево Мариинского уезда Томской губернии), С. С. Малков (д. Береговая Туринского уезда Тобольской губернии), И. И. Лыткин (с. Шерагульское Нижнеудинского уезда Иркутской губернии) и др.¹ Участники экономического обследования крестьянских хозяйств встретили в д. Филатовой Тобольской губернии крестьянина А. Д. Никитина, который вел систематически из года в год хозяйственные записи о времени посевной кампании и уборки, о количестве посева и урожая и т. п. Он же собирал и коллекции по минералогии и геологии. Аналогичные записи вел крестьянин с. Бутаково Верхотурского уезда Иркутской губернии И. Ф. Черепанов².

В Сибири появились крестьяне, которые в своей хозяйственной деятельности часто руководствовались указаниями и советами, почерпнутыми из печатных изданий. Один из них – крестьянин д. Кашевской Омутинской волости Ялуторовского уезда Тобольской губернии Тихон Непомнящих. Окончив одноклассную местную школу, он «заинтересовался сельскохозяйственной литературой и усиленно почерпал из нее знания», регулярно выписывал несколько журналов, имел небольшую библиотечку (около 50 книг) и ставил разного рода опыты, выделяясь среди односельчан «приложением к земледельческому труду научного мышления»³. Знаменитый впоследствии агроном, почетный академик ВАСХНИЛ Т. С. Мальцев, еще будучи подростком, с 1905 г. регулярно покупал «Всеобщий, или Русский календарь», газету «Сельский вестник»⁴. «По книжке» приобретали специальные знания и некоторые крестьяне, занимающиеся ремеслом⁵.

Таким образом, отдельные крестьяне-сибиряки смогли подняться на довольно высокую ступень в понимании смысла просвещения. Для них специальные и общие знания уже были неотделимы друг от дру-

¹ Халютин П. В. Крестьянское хозяйство в России: извлечение из описаний хозяйств, удостоенных премией в память 300-летия царствования Дома Романовых. – Пг., 1915. – Т. 3. – С. 3–4, 40–43 и др.

² Азадовский М. К. Из деятельности крестьян-собираателей // Сиб. архив. – 1916. – Вып. 3/4. – С. 216.

³ Халютин П. В. Указ. соч. – С. 3.

⁴ Иващенко А. Шадринский мыслитель // Наука и жизнь. – 1979. – № 7. – С. 51.

⁵ Серебренников И. И. Промыслы Иркутской губ. – Иркутск, 1914. – С. 8.

га, тесно переплетались и во взаимодействии друг с другом составляли тот багаж, которым сельчане пользовались, постоянно его пополняя. Отношение таких крестьян к образованию выходило за рамки и традиционного сакрального восприятия, и даже раннекапиталистического утилитарного подхода, они вплотную подошли к пониманию просвещения как одного из условий существования и развития полноценной личности.

Сельскохозяйственные и ремесленные знания могли проникать в деревню различными путями: через специальные сельскохозяйственные и ремесленные школы, выставки, опытные поля и фермы, периодическую литературу, проводимые при начальных училищах воскресные чтения и т. д. Поскольку начальная сельская школа была основным источником просвещения деревни, вполне естественно, что с ростом у крестьян потребности в специальных знаниях возможности их получения часто стали связывать именно с этой школой. Распространилось мнение, что начальные сельские училища могут стать проводниками агрономических, агротехнических и ремесленных знаний, что для этого надо включить в программу всех начальных школ, расположенных в сельской местности, преподавание этих дисциплин.

Появилось немало проектов такого рода преобразований. Крестьянин-хлебопашец из с. Жигалово Верхотенского уезда Иркутской губернии М. В. Жигалов в ответе на анкету Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии изложил свой проект преподавания в начальной школе основ агрономии. Суть его заключалась в следующем. Каждой школе отводится по 5 десятин земли, и всю работу на этой земле, кроме вспашки, выполняют ученики под руководством учителя. В определенные дни учитель собирает учеников для чтений по сельскому хозяйству, с наглядным показом на образцовом поле. От детей знание пойдет к родителям-взрослым. Преподавание сельского хозяйства в школе поднимет «уважение к труду пахаря» и заставит крестьянина «обращаться к помощи и указанию печатного слова». Любопытно сообщение Жигалова о том, что сам он «нигде не учился, даже не был в школе, а занимался чтением дома»¹.

Не случайно в изучаемый период все чаще принимались постановления сельских сходов, в которых общества ходатайствовали об

¹ ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 3, 15.

открытии в селе ремесленной школы или класса. Мотивировка таких решений показывает, что крестьяне были заинтересованы в получении не только практических навыков, но и теоретических знаний.

В «приговоре» жителей Усольского участка Тельминской волости Иркутского округа от 28 октября 1890 г. содержится просьба открыть при Усольском двухклассном приходском училище три ремесленных класса, так как крестьяне испытывают нужду «в основательном начале проведения слесарно-технических знаний ... ввиду применения земледельческих орудий...». Далее указывается, что третья часть здешних жителей занимается столярным и кожевенным промыслами, но «труд этот находится в первобытном состоянии и требует более обширных знаний»¹. Крестьяне д. Абаканско-Заводской Минусинского уезда Енисейской губернии приняли в августе 1894 г. решение об открытии у них училища МНП, а не школы грамотности, на которую уже было получено разрешение. Причина: «министерское» училище даст ученикам большее развитие, нежели школа грамоты, и «приготовит их детей для поступления в специальные технические училища» (имелись в виду Барнаульское горное и Красноярское железнодорожное училища)². Жители с. Тисуль Дмитриевской волости Мариинского округа Томской губернии в 1895 г. постановили на сходе «отпускать по 200 р. в год на преподавание в сельской школе некоторых отраслей сельского хозяйства»³.

Подобные практические действия продолжали осуществляться крестьянскими обществами и в начале XX в. В январе 1907 г. жители с. Атаманское Красноярского уезда Енисейской губернии ходатайствовали об открытии в селе вместо нерезультативной церковноприходской школы «министерской», в «программу коей включить обучение агрономии»⁴. В январе 1914 г. составили «приговоры» об открытии в их селах ремесленной и сельскохозяйственной школ крестьяне селений Быстрый Исток и Верхний Ануй Бийского уезда Томской

¹ Там же. – Ф. 194. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 110. См. также: ГААК. – Ф. 184. – Оп. 1. – Д. 122. – Л. 31–32.

² ГАКК. – Ф. 807. – Оп. 1. – Д. 293. – Л. 10–11. Окончание сельского двухклассного училища по инструкции 1875 г. давало право на поступление в низшие технические учебные заведения.

³ Ермолов А. С. Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. – СПб., 1896. – С. 33.

⁴ Сиб. жизнь. – 1907. – 12 апр.

губернии¹. В 1911 г. на свои средства обучал крестьянских детей ремеслам по металлу в своей «домашней» школе житель пос. Средняя Кия Митрофановской станицы Забайкальской области В. А. Фишер². Крестьянские общества с большой охотой соглашались на отвод земельных участков для таких школ из своих наделов.

На необходимость открытия при двухклассных училищах ремесленных отделений (слесарного, столярного, кузнечного) указывали и отдельные крестьяне в ответах на анкету Иркутского общества распространения народного образования и народных развлечений в 1900–1901 гг. Вели речь об этом и на заседаниях некоторых местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г.

Предложение о включении сельскохозяйственных и ремесленных знаний в программу сельских начальных школ выдвигали в конце XIX – начале XX в. и правительственные круги, а также представители правого крыла либеральной буржуазии и чиновничества. Уже сами сельские училища по инструкции 1875 г. задумывались как проводники и специальных знаний по садоводству, огородничеству и полеводству, ремеслу. Время от времени центральная, а также местная сибирская администрация предпринимала отдельные попытки сделать сельского учителя проводником сельскохозяйственных знаний на селе.

В феврале 1892 г. этот вопрос был рассмотрен на заседании комитета грамотности при статистическом комитете Енисейской губернии³. По мысли буржуазных деятелей, сельский учитель мог вести свое собственное или школьное хозяйство таким образом, чтобы оно стало образцовым для крестьян. С этой целью принимались решения о преподавании основ сельского хозяйства в учительских семинариях, церковно учительских и второклассных школах. Департамент земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ еще в декабре 1895 г. рекомендовал устраивать учебно-показательные участки в названных учебных заведениях с отпуском до 2 тыс. р. на каждое и наймом специального учителя⁴.

В 1903 г. созданное тобольским губернатором совещание по вопросам народного образования постановило посылать учеников Ом-

¹ ГААК. – Ф. 184. – Оп. 1. – Д. 122. – Л. 31–32.

² ГАЗК. – Ф. 184. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 15.

³ ГАКК. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 35–38.

⁴ [Куломзин А. Н.] Потребности начального образования... – С. 16.

ской учительской семинарии на курсы по сельскому хозяйству. Еще раньше, в 1901–1902 гг., несколько учителей были командированы на сельскохозяйственные курсы в Москву¹. Курсы для учителей проводились также в 1914 г. при Тобольской сельскохозяйственной школе, на них присутствовали 10 сельских учителей². С 1900 г. были введены курсы для учителей при Читинском ремесленном училище³.

Не осталось в стороне и Ведомство православного исповедания. В 1903 г. им была разослана всем губернским епархиальным училищным советам программа для организации сельскохозяйственных занятий в учительских школах⁴. Результатом этого было создание при ряде учительских школ, например, Зырянской двухклассной Тюменского уезда и Мало-Красноярской Тарского уезда Тобольской губернии, образцовых пасек⁵. При некоторых двухклассных школах возникли огороды, а при Корсинской Туринского уезда Тобольской губернии – опытное поле в 2 десятины посева трав⁶. Но успешному развитию этих «мини-хозяйств» везде мешало отсутствие материальных средств.

Делались попытки создать подобного рода хозяйства и непосредственно при начальных училищах, но дальше заведения кое-где небольших пасек или огородов дело не пошло. Масштабы такого явления оставались небольшими. Исследователь П. Т. Виноградов называет лишь семь учителей, которые в 1908 г. занимались пчеловодством или огородничеством во всей Томской губернии⁷. Это и неудивительно. Большинство сельских педагогов не имели для углубленных занятий сельским хозяйством ни средств, ни знаний и практических умений, ни времени. Единичные попытки учителей-энтузиастов, хотя и имели положительное влияние на крестьян, вносили в целом незначительный вклад в сельскохозяйственное и техническое просвещение крестьянства.

В некоторых начальных училищах по инициативе местной администрации было введено преподавание основ агрономии и ремесел. Еще в

¹ РГИА. – Ф. 1152. – Оп. 13. – Д. 246. – Л. 2–3.

² ГА в Тобольске. – Ф. 185. – Оп. 1. – Д. 349. – Л. 199–201.

³ РГВИА. – Ф. 330. – Оп. 61. – Д. 267. – Л. 18.

⁴ ГАТО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 10.

⁵ РГИА. – Ф. 1152. – Оп. 13. – Д. 246. – Л. 3; Труды МКНСП. – 1903. – Т. 53: Тобольская губ. – С. 156.

⁶ РГИА. – Ф. 1152. – Оп. 13. – Д. 246. – Л. 3.

⁷ Виноградов П. Т. Очерк положения начального образования... – С. 147–148.

конце 1880-х гг. XIX в. в Идринском училище Енисейской губернии, например, «ученики под руководством учителя занимались культурой разных выписных семян – хлебных, древесных...»¹. В 1901–1902 гг. в двух школах Бийского уезда Томской губернии велись занятия по пчеловодству². С 1914 г. преподавалось сельское хозяйство на четырех (из пяти) отделениях Тыретского двухклассного училища Иркутской губернии³.

Обучение ремеслам производилось в несколько большем числе училищ: в 1894 г., например, при шести училищах Алтайского горного округа⁴. К началу 1910 г. в сельской местности Сибири существовало 16 профессиональных классов и ремесленных отделений при начальных школах с общим числом учащихся в 416 человек⁵. Понятно, что это была капля в море. Среди преподаваемых ремесел фигурировали столярное, переплетное, плетение корзин, сапожное, картонажное, кузнечно-слесарное.

Отдельные попытки преподавания в начальных школах сельского хозяйства и ремесел должного эффекта не имели. Инспектор народных училищ 3-го района Енисейской губернии так оценил результаты совмещения общего образования со специальным: «... При малом времени, плохой обстановке и проч. ... [такое соединение] не дает учащимся возможности усвоить преподанное прочно, основательно, и приобрести на всю жизнь разные навыки и умения»⁶.

Таким образом, идея соединения преподавания общеобразовательных и специальных предметов исходила из различных источников: со стороны самого крестьянства и со стороны правительства, со стороны либеральной буржуазии и чиновничества. Но отождествлять позиции различных общественных сил по данному вопросу нельзя. Объективное содержание их было различным. Покажем это на примере одного из эпизодов борьбы вокруг проблем реорганизации школьной системы, развернувшейся в 1902 г. в Комитетах о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

¹ Материалы по исследованию... Иркутской и Енисейской губерний. – Т. 4, вып. 2. – С. 8.

² ГАТО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 2093; Д. 6. – Л. 666–668.

³ ГАИО. – Ф. 63. – Оп. 1. – Д. 115. – Л. 35–36, 234.

⁴ [Рылова Е. П.] Указ. соч. – С. 64.

⁵ Подсчитано по: Бочанова Г. А. Вопросы трудового воспитания в начальных школах Сибири конца XIX – начала XX в. // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. – Новосибирск, 1987. – С. 172–177.

⁶ ГАКК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 45.

Состав сибирских комитетов и некоторые направления их деятельности (в основном – решение земельного вопроса) освещались в исторической науке XX в. Был сделан, в частности, вывод о том, что состав комитетов был «главным образом чиновничье-бюрократическим и буржуазно-либеральным со слабо проявившимися мелкобуржуазными элементами. Основные общественно-политические направления в комитетах не всегда четко отмежевывались друг от друга...»¹. Как мы покажем ниже, это проявилось и при обсуждении интересующего нас вопроса.

Хотя в программе работы комитетов не было специального пункта о народном образовании, эта проблема заняла заметное место в их деятельности при определении путей организации «народного кредита», создания земств, вплоть до борьбы с конокрадством и пожарами. Тем более не в силах были обойти эту проблему члены комитетов при обсуждении путей и средств распространения в народе сельскохозяйственных знаний и умений.

Представители различных политических направлений – от официального, чиновничье-бюрократического до демократического – были единодушны в том, что образованность деревни, ее культурный уровень – одно из первых и главных условий развития крестьянского хозяйства. Прежде, чем проводить какие-либо мероприятия по улучшению последнего, они находили нужным убедить крестьянство в их полезности, «а это возможно лишь при условии широкого распространения грамотности»². При этом принималось к сведению, что попытки агрономических улучшений в Сибири «предпринимаются преимущественно крестьянами грамотными»³.

Ставя одинаковые, на первый взгляд, цели подъема культурного уровня деревни и вооружения крестьянства сельскохозяйственными знаниями, члены комитетов по-разному представляли пути достижения этих целей. Можно констатировать наличие следующих точек зрения.

¹ Корнеева Г. А. Земельный вопрос в сибирских Комитетах о нуждах сельскохозяйственной промышленности 1902 г. // Крестьянство Сибири периода разложения феодализма и развития капитализма. – Новосибирск, 1980. – С. 97.

² Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности по Сибири, Степному и Туркестанскому краям, Кавказу и Закавказью. – С. 103, 111.

³ Шольн Е. Г. Нужды сельскохозяйственной промышленности в Енисейской губ. – Красноярск, 1903. – С. 4–5.

Епархиальный наблюдатель церковноприходских школ Тобольской губернии Г. Я. Маляревский, управляющий Томской казенной палатой И. Н. Хроновский и некоторые другие крупные чиновники считали необходимым ввести в программу сельских начальных школ, наряду с общеобразовательными предметами, сельскохозяйственные знания. По их мнению, такая мера позволила бы с наименьшими материальными затратами повысить агрономическую подготовку крестьянства. Крестьянские дети, окончив курс обучения, не будут отрываться от своего хозяйства¹. Ряд уездных комитетов, в составе которых преобладали чиновничье-бюрократические элементы (Балаганский, Иркутский и Верхотурский Иркутской губернии, Каинский и Змеиногорский – Томской губернии, Канский и Енисейский – Енисейской губернии) выразили ту же точку зрения в своих итоговых рекомендациях. Они считали необходимым с целью практического обучения детей создать при школах учебно-практические хозяйства: папки, огороды и т. п. Для этого предполагалось ввести преподавание сельского хозяйства в учебных заведениях, готовящих учителей.

Такая позиция чиновников и общественных деятелей не отражала объективные потребности крестьянства в просвещении. Дело в том, что указанные комитеты не ставили вопроса об увеличении сроков обучения, сохранении или расширении программ общеобразовательных предметов, о перестройке методов обучения, как это практиковалось в передовых школах. Поэтому предполагаемое ими введение в содержание начального образования специальных знаний по сельскому хозяйству неизбежно привело бы к сокращению общеобразовательной подготовки учащихся за счет утилитарных знаний, к понижению и без того невысокого уровня общей грамотности и образованности выпускников сельских школ. Тем самым сельская школа окончательно была бы превращена в тупиковую ветвь системы народного образования, не связанную с другими – средними и высшими – звеньями. Крестьянство обрекалось бы на культурное рабство, а задачи начальной школы сводились бы, говоря словами В. И. Ленина, к «натаскиванию» для буржуазии «покорных и расторопных слуг, исполнителей воли и рабов капитала...»². Окончив такую школу, крестьянские дети лишались бы всякой возможности продолжить свое образование путем дальнейшего обучения.

¹ Труды МКНСП. – Т. 53. – С. 167; Т. 56. – С. 16–17, 20.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М., 1981. – Т. 37. – С. 431.

Планируемая мера вряд ли привела бы к существенным положительным сдвигам и в деле повышения агротехнического уровня крестьянства. Не обладая общеобразовательной подготовкой, подростки не могли бы достаточно осознанно и глубоко усваивать программу специальных предметов. Кроме того, дети, учившиеся в начальных школах в возрасте 8–11 лет, были слишком малы, чтобы глубоко овладевать предлагаемыми им специальными знаниями, тем более, что по-настоящему закрепить их на практике они далеко не всегда смогли бы.

Таким образом, названные выше чиновники и общественные деятели в ряде комитетов Сибири смыкались в своих предложениях с правительственными кругами в центре, которые позднее, в период Столыпинской аграрной реформы вынашивали законопроект об обязательном преподавании во всех типах сельских начальных школ основ сельскохозяйственных знаний¹. Такое решение вопроса не могло удовлетворить ни само крестьянство, ни демократическую общественность.

В отличие от названных, большинство комитетов заняло в дискуссии о введении сельскохозяйственных знаний в программу начальной школы более прогрессивную позицию, либеральную в своей основе. Мариинский уездный комитет Томской губернии и Тобольский губернский комитет, в составе которых были сильны позиции представителей буржуазно-либерального и мелкобуржуазного направлений, выдвинули предложения, частично связанные с изменением методики обучения. Они считали, что приобретение самых общих сельскохозяйственных знаний в какой-то мере возможно путем подбора соответствующих текстов и их разбора на уроках чтения и русского языка². Осуществление данного предложения, конечно, не разрешило бы проблемы, но углубляло бы общее образование и помогало бы установлению связи начальной школы с потребностями деревенской жизни. Но в условиях официального гонения на передовые методы обучения это предложение не имело широких возможностей для осуществления.

Влияние демократического крыла либеральной буржуазии наиболее ярко появилось в Томском, Иркутском и Енисейском гу-

¹ *Ососков А. В.* Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917 гг.). – М., 1982. – С. 121–122.

² Труды МКНСП. – Т. 53. – С. 20; Т. 56. – С. 263.

бернских комитетах, Красноярском уездном комитете Енисейской губернии. Эти комитеты выступили против преподавания в сельских начальных школах сельскохозяйственных знаний, так как считали, что специальное образование с начальным общим несовместимо; первое возможно только на основе второго. Созданием таких наполовину специальных школ «сельское население заранее обрекается на получение самых ничтожных знаний»¹. Альтернативой введения сельскохозяйственных знаний в программу сельских начальных школ они считали охват общеобразовательным обучением более широкого круга крестьянских детей и расширение содержания образования путем введения таких предметов, как география, естествознание, история с одновременным увеличением сроков обучения до 4–6 лет².

По мнению авторов этих предложений, расширение общего образования поможет решить и проблему агротехнической подготовки крестьянства. Для грамотного, основательно изучившего в начальной школе основы наук сельского жителя достаточно будет и таких источников повышения агротехнического уровня, как специальные сельскохозяйственные школы, фермы и опытные поля, выставки, научно-популярные книги, периодические издания, воскресные чтения и т. п. Выпускник такой школы не лишался возможности продолжить свое образование путем дальнейшего обучения.

Демократическое направление наиболее последовательно проявилось в работе двух уездных комитетов – Барнаульского Томской губернии и Балаганского Иркутской губернии. Эти комитеты рекомендовали ввести всеобщее обязательное обучение, справедливо полагая, что данная мера может существенным образом изменить культурный облик деревни и создать основу для распространения сельскохозяйственных знаний. Однако соответствующие губернские комитеты (подобно многим другим в России) отклонили это предложение и высказались лишь за желательность всеобщего (доступного всем желающим) обучения³. При этом они ссылались на невозможность в ближайшем будущем расширить сеть школ настолько, чтобы все дети

¹ Там же. – Т. 54. – С. 268; Т. 55. – С. 2; Т. 56. – С. 19.

² Там же. – Т. 54. – С. 38, 268; Т. 56. – С. 16–17.

³ Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности по Сибири, Степному и Туркестанскому краям, Кавказу и Закавказью. – С. 12, 122; Труды МКНСП. – Т. 55. – С. 36; Т. 56. – С. 170.

школьного возраста могли получить образование, так как нужных средств не хватало.

Крестьянство Сибири не могло выразить в Комитетах о нуждах сельскохозяйственной промышленности сколько-нибудь последовательно свои позиции, в том числе и по вопросу общего и специального образования. Доклады и записки весьма немногих приглашенных для участия в работе комитетов крестьян выражали в основном интересы зажиточного слоя деревни. Представители этого слоя были, разумеется, заинтересованы в приобщении своих детей к специальным агротехническим знаниям, но не видели реальных путей решения данной проблемы. Поскольку такие источники приобретения специальных знаний, как сельскохозяйственные и ремесленные школы, соответствующая литература, сельскохозяйственные выставки и прочее были для массы крестьян малодоступны, некоторые из них склонны были считать, что надо использовать в этих целях общеобразовательную школу. А тот факт, что реально существующие начальные школы приносили мало пользы в подъеме общего культурного уровня деревни, укреплял уверенность в том, что следует перестроить их программу.

Такая позиция крестьянства в местных комитетах в определенной степени была выражением господствующего в их среде утилитарного подхода к школе и образованию вообще. Однако, в отличие от чиновников, крестьяне были не склонны связывать введение в программу начальной школы сельскохозяйственных знаний с вытеснением общеобразовательной подготовки. В своих выступлениях крестьяне Г. П. Байкалов, А. В. Орочко и другие предлагали, напротив, расширить программу общего образования, приблизив школу к жизни и усилив развивающее начало в обучении¹. В своем докладе крестьянин с. Шушенского А. В. Орочко говорил: «Самое меньшее, что школа должна дать – это полную грамотность, полный курс арифметики, понятие об алгебре и геометрии, курс физической географии, элементарные сведения из физики и естествознания, хотя бы в размере городских училищ. Курс для этого должен быть продолжен до 6 лет»².

О том, что передовой части крестьянства было присуще стремление к расширению общеобразовательной подготовки и получению

¹ Труды МКНСП. – Т. 54. – С. 269, 290.

² Там же. – С. 268.

лишь на этой основе профессиональных навыков, свидетельствуют и требования введения всеобщего обязательного образования для всех граждан России, выдвинутые рядом сельских и волостных обществ в период революции 1905–1907 гг. (речь об этом шла в главе I). Представители крестьян в Мариинском уездном комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности уже в 1902 г. обосновывали необходимость обязательного обучения всех детей в возрасте от 8 до 12 лет¹. Кроме того, часть крестьянства ощущала необходимость получения их детьми образования выше начального для перемены ими сферы деятельности.

Все это показывает, что позиция крестьянства Сибири учитывала поиски рациональных путей соединения общего и специального образования, осуществлявшиеся демократическими слоями общественности России. Анализируя наказаы, которые давались делегатам, направлявшимся на съезды Западно-Сибирского совета крестьянских депутатов, и иные источники 1917 г., историк Г. А. Ноздрин установил, что в период между Февральской и Октябрьской революциями крестьяне-сибиряки отстаивали широкую программу демократической реорганизации школы в стране. Главной составной частью этой программы являлось требование всеобщего, обязательного, бесплатного, единого для всех граждан образования. А наряду с этим предлагалось обратить самое серьезное внимание на развитие профессионального сельскохозяйственного образования – главным образом через систему сельскохозяйственных школ, ремесленных училищ с 5–6-летним сроком обучения, учебных мастерских, профессиональных училищ для раненых солдат. Профессиональные учебные заведения предполагалось открывать в волостных центрах или в густонаселенных частях каждого уезда. При этом не отрицалась идея связи начальной и средней школы с жизнью: в общеобразовательных училищах дети могли бы получать элементарные знания по сельскому хозяйству и технике².

Наиболее радикальным способом решения проблемы специальной, в том числе агротехнической, подготовки сельских жителей было бы осуществление большевистской программы в области народно-

¹ Там же. – Т. 56. – С. 274.

² *Ноздрин Г. А.* Представления крестьян Сибири в начале XX в. о реорганизации образования в стране // Культурный, образовательный и духовный потенциал Сибири (середина XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 1997. – С. 83–84.

го образования, предусматривавшей, в частности, всеобщее бесплатное и обязательное обучение всех детей, продолжающееся до 16-летнего возраста и дающее самое широкое, всестороннее развитие личности – как условие последующей профессиональной специализации¹. Как нам представляется, эта программа выработывалась с учетом чаяний трудового крестьянства, что явилось одной из причин той поддержки, которую оно оказало в конце 1917 – начале 1918 г. установлению советской власти, в том числе в Сибири.

¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М., 1969. – Т. 32. – С. 147, 153, 157; Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – 9-е изд., доп. и испр. – М., 1983. – Т. 1. – С. 59–65.

Глава 3 КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ

3.1. Распространенность печатных изданий в селениях и круг чтения крестьянства

Одна из важных проблем отечественной истории второй половины XIX –начала XX в. – конкретно-историческая характеристика процесса перехода от традиционного к современному, рациональному типу менталитета, культуры и образа жизни людей. Частным проявлением этого процесса является распространение среди населения грамотности, печатных изданий и массового чтения.

Интерес к теме «Народ – читатель на начальном этапе модернизации общества в России» существует и в отечественной, и в зарубежной историографии. Так, американский исследователь Дж. Брукс подверг анализу развитие массового сознания крестьянства и городских низов России сквозь призму народной лубочной литературы 1861–1917 гг.¹ Автор обоснованно, на наш взгляд, считает, что коммерческие печатные издания, имевшие массовый тираж, помогали утверждению в широких слоях населения буржуазных жизненных принципов, меняли отношение к таким ключевым проблемам народного сознания и поведения, как порядок и свобода, наука и суеверие, русская национальная идентичность, жизненный успех, социальная мобильность и т. д. Справедлив и тезис о наличии обратной связи: изменение ментальности людей отражалось в том круге литературы, которому они отдавали предпочтение, при условии хотя бы относительной свободы его выбора. Однако требуется ответить на вопрос о том, существовала ли такая свобода в социально-исторической обстановке конкретного региона, социальной группы, хронологического периода.

¹ *Brooks J. When Russia learned to read: literacy and popular literature, 1861–1917. – Princeton, 1985.*

Очевидна актуальность изучения проблемы, в частности, на материале крупного и своеобразного региона Сибири и столь многочисленной группы населения, каковой являлось здесь русское крестьянство. Еще в литературе конца XIX – начала XX в. высказывались различные мнения о распространенности и роли книги, чтения в меняющемся под воздействием модернизации быту сибиряков. Любопытно, что разные авторы делали иногда взаимоисключающие выводы, опираясь на одни и те же источники. Вот яркий пример. Н. М. Астырев и Л. С. Личков были в 1887–1892 гг. руководителями и активными участниками массового обследования крестьянских хозяйств и деревенского быта Восточной Сибири, осуществляли обработку полученных сведений. На основе собранных материалов и собственных наблюдений этого периода Н. М. Астырев сделал такое однозначное и безапелляционное заявление: «... Вообще можно сказать, что иркутская деревня не читает вовсе, отчасти не находя вкуса к чтению, отчасти не имея возможности добыть материал для чтения»¹. В то же время Л. С. Личков не только обнаружил наличие в среде сибиряков «потребности (даваемой книгою) в духовной пище», но и счел возможным поставить и рассмотреть в связи с этим ряд вопросов конкретно-исследовательского плана².

К тому моменту, когда авторы данной монографии начали работу над избранной темой (середина 1980-х гг.), в советской историографии не было по ней специальных исследований применительно к Сибири эпохи капитализма. Работы же по смежной тематике и хронологии давали основания для полярных выводов. По данным Н. А. Миненко, уже в XVIII – первой половине XIX в. в относительно грамотных сибирских селениях жители имели «достаточно широкий» круг чтения, активно занимались созданием библиотек и перепиской книг, сами сочиняли «произведения как религиозного, так и светского содержания: краеведческие, публицистические, “лечебники” и пр.», а коллективные читки «стали в Сибири своеобразной деревенской тра-

¹ *Астырев Н. М.* На таежных прогалинах: очерки жизни населения Восточной Сибири. – М., 1891. – С. 53.

² *Личков Л. С.*: 1) Что читает народ в Иркутском и Балаганском округах // Изв. / Рус. Геогр. о-во, Вост.-Сиб. отд. – Иркутск, 1889. – Т. 20, № 2. – С. 43–53; 2) Как и что читает народ в Восточной Сибири // Рус. мысль. – 1896. – № 1. – С. 33–46; № 2. – С. 28–42.

дицией»¹. Однако историк А. Л. Посадсков, изучая издание и распространение книг в Сибири кануна Октябрьской революции 1917 г., пришел к выводу о том, что даже к этому времени в подавляющем большинстве случаев читательские потребности малых городов и деревень не были сформированы: «Отсутствие спроса на произведения печати – следствие массовой неграмотности – значительно сужало книжный рынок...»². У современной исследовательницы Ю. В. Тимофеевой существование глубоких традиций обращения к книге у сельских жителей Западной Сибири не вызывает сомнений. Опираясь на такое представление, она ведет речь уже о модификации круга чтения селян в конце XIX – начале XX в.³

К настоящему времени существенные различия в подходах и представлениях специалистов по вопросам масштабов и роли грамотности, чтения, рукописных и печатных изданий в культуре и быту населения Сибири (как, впрочем, и всей Российской империи) рубежа XIX – начала XX в. продолжают сохраняться, несмотря на появление обобщающей работы по истории книжной культуры в Азиатской России⁴. С одной стороны, ряд авторов (из среды историко-этнографов) считает, что в рамках всей страны успехи народного образования были очевидны уже во второй половине XIX столетия, а то и раньше, когда «умение читать и писать постепенно становилось насущной потребностью» и в городе, и в деревне⁵. С другой стороны, специалисты по истории культуры советского периода «рождение массового чита-

¹ Миненко Н. А. Живая старина: будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск, 1989. – С. 100–107.

² Посадсков А. Л. Книга в Сибири накануне Великой Октябрьской социалистической революции (1914 – октябрь 1917 г.) // Вопросы библиотечного дела, библиографии и истории книги в Сибири и на Дальнем Востоке. – Новосибирск, 1975. – С. 201.

³ Тимофеева Ю. В. Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 2012. – С. 128.

⁴ Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 2000. – Т. 1. – С. 135–170, 211–247; 2001. – Т. 2. – С. 69–117, 151–191, 230–288.

⁵ Буганов А. В. Духовная книжность и письменность русских крестьян XIX в. // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: итоги этнографических исследований. – М., 2001. – С. 331. См. также: Громыко М. М. Мир русской деревни. – М., 1991. – С. 294–311; и др.

теля», «пробуждение у крестьян интереса к книге» на востоке России склонны относить только к 1920-м гг.¹

Очевидно, что необходимость преодоления столь глубоких разногласий предполагает конкретное изучение многих малоисследованных аспектов избранной нами темы. В данном параграфе монографии мы ставим следующие задачи: 1) определить масштабы распространения печатных изданий в сельской русской крестьянской среде Сибири на рубеже XIX–XX столетий; 2) выяснить количественное соотношение изданий различного типа (книг, журналов и газет, печатных картин) и характера (религиозных и светских); 3) охарактеризовать связь распространенности изданий со степенью социально-экономического и культурного развития отдельных местностей, а также со структурой их населения; 4) оценить возможность свободного выбора крестьянами круга чтения в зависимости от распространенности литературы.

В качестве конкретно-исторических источников для исследования нами использованы, прежде всего, данные массового обследования крестьянских хозяйств и сельского быта в Западной и Восточной Сибири второй половины 80-х – середины 90-х гг. XIX в., проведенного сотрудниками Министерства земледелия и государственных имуществ; материалы полевых и анкетных обследований сети народного просвещения и распространенности печатных изданий в обширных местностях – Алтайском горном округе (1894 г.), Киренском округе Иркутской губернии (1894–1895 гг.), четырех остальных округах той же губернии (1900–1902 гг.). Востребованы также документы ряда административных учреждений и общественных организаций, занимавшихся просветительной деятельностью в сибирской деревне. Кроме массовых источников, допускающих математико-статистическую обработку, привлекались воспоминания сельчан, опубликованные в прессе очерки и корреспонденции наблюдателей.

С самого начала подчеркнем, что название книги Дж. Брукса «Когда Россия училась читать» мы можем принять лишь как условное. Период после 1861 г. вовсе не был временем, когда «с нуля» начиналось приобщение русского «простонародья» к грамотности и чтению. Начальный период модернизации деревни точнее было бы считать

¹ Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. – 2002. – Т. 3. – С. 334–337.

временем расширения распространенности печатных изданий, изменения их круга, постепенного повышения значимости чтения в жизни крестьянства. Во второй половине XIX столетия в результате целенаправленных обследований впервые появились статистические данные, позволяющие определить количественные параметры изучаемого явления в ряде местностей Сибири и экстраполировать их (с необходимыми оговорками) на весь регион.

Прежде всего выясняется, что масштабы распространения печатной продукции в сибирской деревне были в изучаемое время невелики в абсолютном и относительном выражении, но они все же не дают оснований для категорического вывода о «полном отсутствии» материала для чтения. Можно определить соотношение основных видов печатных изданий, имевших хождение в селениях Сибири.

Наименее распространенными в крестьянской среде были периодические издания – газеты и журналы. Так, в 1893 г. в сельской местности Киренского округа подписчики получали всего 142 экземпляра периодики около 40 наименований (без учета изданий официальных и специально предназначенных для школьных библиотек). При этом собственно крестьяне выписывали только 22 экземпляра, или 15,5 %, а остальное приходилось на духовенство – 39, чиновников и служащих волостных правлений – 34, шло купцам и мещанам – 44, ссыльным – 3 экземпляра¹. Даже к началу XX в. далеко не во всех селениях и очень немногие крестьяне выписывали газеты и журналы. Вот некоторые ответы за 1900–1902 гг. на анкету Общества содействия распространению народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии из Верхленского уезда, освещающие положение в относительно «грамотных» селах: «Чтением газет занимается в свободное время человек десять» (с. Жигалово Тутурской волости, где было около 60 крестьянских домохозяйств); «Получаемые в сельском управлении “Иркутские губернские ведомости”, “Сельский вестник” читают не более 4 человек, прилагаемые при “Сельском вестнике” книжки “Бог помочь” раздаются грамотным, но, видимо, никем не читаются, ибо разговоров о прочитанном не слышно» (с. Залог, 125 домохозяйств); «Выписывается 4 экземпляра “Восточного обозрения”, 1 – “Иркутских губернских ведомостей”, 3 – “Нивы”, 1 – “Родины”, 1 – “Родной

¹ *Кокоулин К. К.* Школы и грамотность в Киренском окр. Иркутской губ.: памятная книжка. – Иркутск, 1895. – С. 65–66. Процент подсчитан нами.

речи”, 1 – “Вокруг света”, 1 – “Нового мира”, 1 – “Русского богатства”. Кроме выписывающих, редко кто пользуется этими журналами» (торговое село Тутурское, 350 дворов)¹.

Материалы по другим местностям Сибири имеют сходное содержание. Некоторые из них фиксируют всплеск спроса на газеты, увеличение их выписки в 1900 г., когда призванные из сибирских селений солдаты участвовали в подавлении восстания ихэтуаней в Китае: «Китайские осложнения вызвали на это время потребность в чтении – несколько лиц пользовались газетами, но остановка военных действий повлекла и остановку чтения» (с. Шилкинское Иркутского уезда); «Потребность в газетах ощущалась только во время мобилизации» (Удинское сельское общество Балаганского уезда Иркутской губернии) и т. п.² По сведениям почтово-телеграфных управлений, 1900 г., а затем особенно 1904–1905 и 1914–1917 гг. были временем ранее невиданного роста количества выписываемых сибиряками газет, что объясняется насущным интересом к военным и революционным событиям.

Более обширные, чем периодика, масштабы распространения имела (по крайней мере, в пореформенный период) в сибирской деревне книжная продукция. На рубеже 1880–1890-х гг. в северо-западной части Барабинской низменности на Спасском участке Каинского округа Томской губернии в обследованных 3546 крестьянских дворах оказалось 954 грамотных жителя, которые имели 1765 собственных книг, что составляло 50 экземпляров на 100 домохозяйств, 10 книг на 100 человек населения, 185 – на 100 грамотных лиц³. Следует оговориться, что данный подсчет не учитывает еще книги из богатой по деревенским меркам библиотеки торгующего крестьянина Михаила Шипицына – жителя с. Спасского (ныне – районный центр Венгерово в Новосибирской области). В 1894–1895 гг. в Киренском округе Иркутской губернии в 25 обследованных селениях располагалось 1262 домохозяйства, из них книги имелись в 378, или в 30 %, в количестве 1441 экземпляра. Таким образом, на каждый населенный пункт приходилось здесь в среднем 58 книг,

¹ ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 17–26; Д. 3. – Л. 1–10.

² Там же. – Д. 2. – Л. 11–17; Д. 19. – Л. 1–7.

³ Подсчитано по: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. – СПб., 1892. – Вып. 17. – С. 82–83.

на 100 дворов вообще – 114, на 100 домохозяйств, располагавших книгами – 381 экземпляр¹.

Ситуация с кругом чтения, согласно приведенным данным, в Киренском округе выглядит лучше, чем в Каинском, но следует учесть, что обследовавший северо-восток Иркутской губернии К. К. Кокоулин, проверив «все наличное книжное богатство» в 80 селениях, избрал затем для статистического анализа только те из них, которые располагались «в разных пунктах (в различных природных и социально-исторических зонах округа. – К. 3., В. 3.) и в сравнительно лучших условиях»². То есть его выборка селений для обследования заведомо несколько приукрашивает действительное положение дел в целом по округу. С другой стороны, и на западе, и на востоке Сибири приведенные цифры характеризуют только книги и «толстые» журналы, находившиеся в собственности жителей. Не затрагиваются фонды школьных и общественных библиотек, а к ним крестьяне тоже имели доступ. В личных и религиозно-общинных библиотечках старообрядцев наверняка не были учтены старопечатные и рукописные богослужебные, вероучительные и полемические книги, составлявшие в общественном мнении «староверов» огромную ценность и обычно скрываемые от посторонних людей.

Комплекс источников показывает, что по крайней мере до середины 1890-х гг. наиболее распространенным видом печатной продукции, имевшей хождение в сельской местности Сибири, были настенные лубочные картины. Вот как описывается интерьер типичной крестьянской горницы в материалах обследования Тюменского округа Тобольской губернии: «Обстановка даже в домах среднего достатка весьма приличная. По стенам стоят стулья и лавки, шкафы и прочая мебель, которая содержится в большой чистоте; на стенах развешены разные лубочные картины и портреты высочайших особ императорского дома»³.

Описания аналогичного характера, иногда более подробные, сохранились по множеству других местностей⁴, так что зафиксирован-

¹ Подсчитано по: *Кокоулин К. К.* Указ. соч. – С. 64–65.

² Там же. – С. 64.

³ *Материалы для изучения... Западной Сибири.* – 1889. – Вып. 4. – С. 159.

⁴ Там же. – 1888. – Вып. 1. – С. 53–54; 1889. – Вып. 2. – С. 19; *Обручев В. А.* В старой Сибири: сборник статей, воспоминаний и писем, 1888–1955. – Иркутск,

ная здесь картина может считаться характерной для старожильского населения всей Сибири. По мере заселения ее окраин на стенах домов новоселов, как выходцев из Европейской России, так и сибирских уроженцев, тоже появлялись своеобразные «картинные галереи». Еще в 1861 г. известный писатель и этнограф С. В. Максимов отметил этот процесс, например, в бассейне р. Амур. Заселявшие левобережье Амура забайкальские казаки, переселенные сюда с рек Аргунь и Шилка, строя в новых станицах теплые дома, охотно покупали у проезжих купцов «картинные украшения московского дела»¹. Лубочные картины, как правило, украшали и стены общественных зданий – волостных и сельских правлений, земских («съезжих») квартир для проезжающих чиновников.

Со временем наиболее грубые по качеству литографии, раскрашенные вручную, уступали место хромолитографиям и цветным типографским оттискам, в том числе извлеченным из иллюстрированных журналов. Всё чаще попадались картины с довольно высоким качеством изображения, текста и печати. Статистик Е. С. Филимонов утверждал в конце XIX в., что в выборе лубочных картин «у сибиряка развито гораздо больше вкуса и понимания, чем у крестьянина Европейской России»². Возможно, здесь сказывалась тенденция к идеализации быта сибиряков, проявлявшаяся у некоторых наблюдателей и в том, что они писали о наличии множества картин буквально в каждой избе. Наиболее внимательные же очевидцы настаивали на том, что только в достаточно зажиточных крестьянских домах «встречаются и литографии, и серебряные ложечки, и стенные часы, и прочие земные блага, от которых приходят в умиление господа проезжающие»³. На стенах же небогатых домов чаще были «наклеены бумажные обложки с кирпичного чая», в подражание богатым⁴.

1958. – С. 198; *Семёнов-Тян-Шанский В. П.* Несентиментальное путешествие // *Вокруг света*. – 1990. – № 10. – С. 40; и др.

¹ *Максимов С. В.* На Востоке: поездка на Амур (в 1860–1861 гг.): дорожные заметки и воспоминания. – СПб., 1864. – С. 152.

² *Материалы для изучения... Западной Сибири*. – Вып. 17. – С. 85.

³ *Турбин С. И.* Страна изгнания // *Турбин С. И.* Страна изгнания; *Старожил* [Знаменский Н. С.] *Исчезнувшие люди: сибирские очерки*. – СПб., 1872. – С. 33.

⁴ *Попов Т.* Слобода Такмыцкая // *Тобольские губернские ведомости*. – 1866. – 26 февр.

Подробнее всего характеризовал распространённость настенных картин, их сюжеты, качество изображения и текстов, место издания, соотношение между собой по всем этим признакам в селениях Иркутской губернии на рубеже 80–90-х гг. XIX в. Н. М. Астырев. «Мне пришлось побывать в нескольких десятках изб в разных концах описываемого района; в редкой избе я не находил ни одной картины, в большинстве же изб их оказывалось от двух до пяти штук, а в иных я насчитывал по десяти-двадцати и более листов...», – писал он¹. Однако учтем всё же, что автор занимал чиновничий пост заведующего губернским статистическим бюро, и наверняка во время разъездов по деревням его селили в основном в жилищах зажиточных крестьян и на земских квартирах.

В изучаемый нами период, благодаря опережающим темпам издания и распродажи книжной и газетной продукции, росту спроса на нее, она во многих местностях Сибири стала успешно конкурировать с печатными картинами. Вот данные контент-анализа, которому мы подвергли анкеты Общества содействия распространению народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии за 1900–1902 гг. Из 101 населенного пункта с преимущественно русским населением из Балаганского, Верхоленского, Иркутского и Нижнеудинского уездов были получены ответы о наличии у жителей тех или иных печатных изданий. Корреспонденты из числа местных обывателей зафиксировали газеты и журналы в 56 селениях, картины – в 62, а книги – в 79 селах и деревнях². Эти показатели, как и данные К. К. Кокоулина, Л. С. Личкова, характеризуют положение в отнюдь не самых отсталых населенных пунктах, поскольку в них нашлись грамотные лица, давшие иногда весьма обстоятельные письменные ответы на анкету, состоявшую из 19 вопросов.

Перейдем к анализу основных факторов, определявших распространённость печатных изданий в сельской местности Сибири. Для этого снова воспользуемся материалами по северо-западной Барабе (Спасский участок Каинского округа Томской губернии) рубежа 1880–1890-х гг., которые дифференцируют массив обследованных крестьянских домохозяйств по различным природным и одновременно, как мы покажем в дальнейшем изложении, социокультурным зонам (табл. 3.1).

¹ Астырев Н. М. Указ. соч. – С. 54.

² Подсчитано по: ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 2–26; Д. 3. – Л. 1–15; Д. 19. – Л. 1–7.

Таблица 3.1

Грамотность и обеспеченность книгами населения разных природных зон на Спасском участке Каинского окр. Томской губ. (рубеж 1880–1890-х гг.)*

Природная зона	Доля грамотных в населении, %	Кол-во книг в собственности у населения					
		Религиозных		Светских		Всего	
		абс.	%	абс.	%	абс.	на 100 грамотных лиц
Степная	5,3	902	60,1	600	39,9	1502	204
В т. ч.:							
южная	4,5	264	52,9	235	47,1	499	260
средняя	6,2	392	60,2	259	39,8	651	210
северная	5,2	246	69,9	106	30,1	352	151
Лесная	5,2	197	74,9	66	25,1	263	120
<i>Итого:</i>	<i>5,3</i>	<i>1099</i>	<i>62,3</i>	<i>666</i>	<i>37,7</i>	<i>1765</i>	<i>185</i>

* Подсчитано по: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. – СПб., 1892. – Вып. 17. – С. 81–83.

Прежде всего, обращают на себя внимание невысокие абсолютные и относительные показатели обеспеченности населения книгами во всех выделенных в источнике местностях Каинского округа. Примечательно в то же время, что количество циркулировавших здесь книг увеличивалось с севера на юг, и этот факт требует своего объяснения. Наибольшее число печатных изданий, приходящееся на 100 грамотных лиц, было зафиксировано в южной части степной зоны, т. е. в тех районах Барабинской низменности, которые ближе остальных прилегали к Омску – крупнейшему административному, торгово-промышленному и культурному центру этой местности, и по которым вскоре должна была пройти железная дорога. На втором месте по распространенности книг стояла средняя полоса степного пространства. Она лежала по обе стороны Московско-Сибирского тракта, связывавшего на данном этапе города Омск и Тару с Томском. По линии тракта располагалось несколько крупных торговых сел – Вознесенское, Камышево, Спасское и др. Городские лавочки, базары и ярмарки трактовых селений, развитая здесь развозная торговля были поставщиками печатной продукции местному населению. Напротив, слабая распространенность книг в северной области степной полосы и особенно в полесье (урмане) обуславливалась главным образом удаленностью этих двух районов от городов и трактов.

Обследования других местностей Сибири также показали сильную зависимость распространенности печатных изданий (не только книг) от положения местности относительно крупных поселенческих центров и транспортных магистралей – речных путей, экономических и почтовых трактов, железной дороги. Так, Н. М. Астырев отмечал в конце 1980-х гг.: «Мода украшать стены изб картинами привилась уже издавна, особенно в торговых селах, лежащих близ трактов; разносчики товаров имеют при себе всегда богатый выбор картин на всякие вкусы и цены, от 3 коп. до 12–15 коп. за экземпляр»¹. К. К. Кокоулин констатировал, что наибольшее количество книг, особенно вероучительных и богослужебных, духовно-нравственного содержания, учебных, а также «толстых» журналов и литературно-художественных приложений к периодическим изданиям в Киренском округе приходится на пригородные села, затем – на селения по р. Лене (она являлась в здешних местах главной транспортной артерией). Меньше всего книг обнаружилось в удаленных («забошных») деревнях в бассейнах рек Ангара и Илим. Малой доступностью печатных изданий автор объяснил тот факт, что «сбережение книг присуще более отдаленным и глухим деревням, чем бойким и пригородным»².

В остальных округах Иркутской губернии по материалам 36 трактовых и 25 «забошных» селений Л. С. Личков выявил следующую статистическую зависимость. Среди притрактовых было наименьшее число населенных пунктов, в которых взрослые обыватели не брали книги в школьных библиотеках (27 %), где была «совсем не развита охота к чтению» (16 %), но в то же время насчитывалось наибольшее количество селений, жители которых покупали книги – 73 %. В удаленных от трактов деревнях было гораздо менее благоприятное положение, и соответствующие показатели равнялись 80; 31 и 25 %³.

Указанная зависимость сохранялась до конца изучаемого периода и нашла яркое отражение в анкетных материалах 1900–1902 гг. Например, сельский писарь В. В. Серебров писал о Мятлевском и Карымском сельских обществах Коноваловской волости Балаганского уезда: «Во всех пяти селениях нет лиц, имеющих запасы книг и газет, ибо селения бедные и лежат в стороне от тракта. Чтением газет и книг жители не занимаются – нет материала для чтения и нет привычки»⁴.

¹ Астырев Н. М. Указ. соч. – С. 54.

² Кокоулин К. К. Указ. соч. – С. 65.

³ Личков Л. С. Как и что читает народ... – № 2. – С. 33.

⁴ ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 11–17.

Привлеченные нами источники показывают, что сильной была зависимость распространенности печатных изданий и от состава населения конкретной местности. Разумеется, книги, журналы и газеты в относительно большем количестве и интенсивнее всего циркулировали в среде сельской интеллигенции – учителей, священников, врачей и фельдшеров, агрономов и ветеринаров, сельских и волостных писарей. Один из жителей Верхоленского округа, вообще невысоко оценивавший читательские потребности своих земляков, иронически писал в 1888 г. в газету «Восточное обозрение»: «”Пиджаковый мир” читает также очень мало, но у него имеется особая гордость показать себя “ученым” перед могущим случиться начальством, поэтому здесь и выписывается, кроме местной газеты [”Иркутские губернские ведомости“], стоящей на первом месте, “Луч”, “Неделя”, “Будильник” и “Шут”, а из журналов – “Новь”, “Нива”, выписываемые более ради премии, и “Русская мысль”»¹. Если принять во внимание лишь собственно крестьянское население, то наибольшее распространение печатные издания, особенно газеты, получили в его верхнем социальном слое, преимущественно в «торговом классе», как вследствие его зажиточности (легче было выделить средства на культурные нужды), так и благодаря относительно высокому образовательному уровню.

Обобщая имевшиеся в его распоряжении материалы о газетах 60–80-х гг. XIX в., Л. С. Личков утверждал: «Нечего и говорить, что простой серый мужик газеты не выписывает; она выписывается крестьянами более зажиточными, преимущественно “торгующими”, выписывается богатыми инородцами, посторонними деревне людьми, проживающими в ней ради торговли, ради службы на винокуренных и железоделательных заводах ... сельскими и волостными правлениями и некоторыми должностными лицами сих последних»². В середине 1890-х гг. о том же писал К. К. Кокоулин: «В редких случаях, больше как комфорт выдающихся из обыкновенного уровня богатых крестьян, выписываются периодические издания»³.

К началу XX в. положение изменилось к лучшему, но ненадолго. В анкетах 1900–1902 гг. находим такие сведения по Верхоленскому уезду: «Выписывают газеты и журналы лишь лица торгового класса

¹ *Р-ва*. Что читает верхоленский крестьянин, как относится к литературе, его песни и пр. // Сиб. сборник. – Иркутск, 1888. – Вып. 3. – С. 39–40.

² *Личков Л. С.* Как и что читает народ... – № 1. – С. 44–45.

³ *Кокоулин К. К.* Указ. соч. – С. 64.

для себя; желающих читать много, но не имеют возможности приобрести книги» (с. Знаменское Илгинской волости, 209 дворов); «Очень немногие читают книги, берут их из школьной библиотеки. Газеты выписывать не считается полезным, преимущественно по недостатку средств» (с. Тимошино с прилегающими к нему деревнями, 197 домохозяйств, 8 % грамотных в населении)¹.

Сословное, конфессиональное положение, хозяйственные занятия, особенности жизненного опыта домохозяев и их «домашних» тоже сказывались на составе печатных изданий, распространенных в той или иной местности. В литературе отмечалось, что участие крестьян в неземледельческих промыслах, особенно в ямщине и извозе, способствовало развитию грамотности и чтения; торгующие люди имели свои читательские предпочтения, земледельцы – несколько иные, и т. д.² Специфическим бывал подбор и печатных картин. Так, в домах отставных солдат на почетном месте чаще обычного можно было увидеть изображения российского императора и членов царствующей фамилии, правителей других стран, батальные сцены. Схожие сюжеты доминировали также в убранстве «съезжих» квартир, содержавшихся зачастую сельскими старостами или писарями³. В некоторых местах было отмечено бытование в среде крестьян-сибиряков религиозных картин с римско-католической спецификой, напечатанных в издательствах Царства Польского. По нашему мнению, это явилось следствием не только «большого изящества рисунка и лучшего их исполнения, по сравнению с русскими рисунками лубочного рынка»⁴, но и наличия в Сибири после 1864 г. большого количества польских ссыльных, их культурных контактов со старожилами.

Вообще, религиозные убеждения оказывали большое влияние на распространенность печатных изданий. Скажем, наиболее ортодоксальные старообрядцы не признавали гражданской грамоты, большинства новопечатных книг, вовсе не выписывали и не читали периодики. Примечателен следующий факт. Когда в 1885 г. С. Л. Чудновский, собирая статистико-экономические сведения о жителях Алтая, объезжал селения старообрядцев и единоверцев, он обескураженно констатировал: «Книг

¹ ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 11–26; Д. 3. – Л. 8–10.

² Личков Л. С. Как и что читает народ... – № 1. – С. 37; № 2. – С. 39.

³ Астырев Н. М. Указ. соч. – С. 57–58; Семёнов-Тян-Шанский В. П. Указ. соч. – С. 40; и др.

⁴ Материалы для изучения... Западной Сибири. – Вып. 17. – С. 84–85.

или рукописей здесь никаких не нашел...»; «Никаких книг или рукописей, кроме Псалтыри, у них (местных староверов-беспоповцев. – К. 3., В. 3.) нет». Наконец, в беседах с «умственными людьми» из среды начетчиков и уставщиков автор уяснил, что здешние жители не признают книг, опубликованных «после пяти патриархов», т. е. после церковной реформы второй половины XVII в.¹ В то же время среди явных и тайных старообрядцев обращалось большое количество апокрифической, житейной, полемической, вероучительной и прочей литературы, в том числе и оригинальной, созданной в крестьянской среде Урало-Сибирского региона². Эту литературу укрывали от посторонних, особенно чиновников, как из религиозных соображений, так и во избежание изъятия ее полицейскими властями.

Сословные и субсословные различия внутри сельского населения также сказывались на распространенности печатной продукции. Можно показать это на примере населения Каинского округа (табл. 3.2).

Таблица 3.2

Грамотность и обеспеченность книгами разных сословных групп населения Спасского участка Каинского окр. Томской губ. (рубеж 1880–1890-х гг.)*

Сословная или субсословная группа	Доля грамотных в группе, %	Кол-во книг в собственности у населения					
		Религиозных		Светских		Всего	
		абс.	%	абс.	%	абс.	на 100 грамотных лиц
Старожилы	4,5	747	60,1	495	39,9	1242	205
Переселенцы-староселы	5,9	62	65,2	33	34,8	95	120
Переселенцы-новоселы	6,9	47	69,1	21	30,9	68	76
Польские ссыльные	17,1	193	66,7	96	33,3	289	286
Остальные ссыльные	5,6	12	92,3	1	7,7	13	32
Дети ссыльных	5,8	38	65,5	20	34,5	58	45
<i>Итого:</i>	<i>5,3</i>	<i>1099</i>	<i>62,3</i>	<i>666</i>	<i>37,7</i>	<i>1765</i>	<i>185</i>

* Подсчитано по: Материалы для изучения... Западной Сибири. – Вып. 17. – С. 81–83.

¹ Чудновский С. Л. Раскольники на Алтае: (выдержки из дневника) // Сев. вестник. – 1890. – № 9. – С. 41–44, 60–61.

² См. подробнее: Беликов Д. Н. Старообрядческий раскол в Томской губ. (по судебным данным) // Изв. / Томск. ун-т. – Томск, 1895. – Кн. 7. – С. 1–39; Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. – 2-е изд., доп. – М., 1988; и др.

На рубеже 80–90-х гг. XIX в. самое большое количество книг в пересчете на 100 грамотных было распространено здесь среди ссыльных поляков – наиболее грамотной и сравнительно интеллигентной части жителей, составляющей 3,3 %. Крестьяне-старожилы являлись самой многочисленной и зажиточной категорией сельского населения, и абсолютное большинство книг циркулировало в их среде. Они стояли на втором месте, после польских ссыльных, по количеству книг на 100 грамотных лиц. У недавних переселенцев, несмотря на их более высокую грамотность по сравнению со старожилами, количество книг в собственности было небольшим. «Очевидно, переселенцы-новоселы, оставляя место своего прежнего жительства, не берут с собою книг и только потом, прибыв на новое место, постепенно обзаводятся последними. Так как книги для них менее нужны, чем хозяйственные предметы первой необходимости, то они медленно, не спеша, обзаводятся ими», – анализировал ситуацию руководивший обследованием статистик Е. С. Филимонов¹. В результате приобретения печатных изданий в течение долгого времени переселенцы-староселы (они прожили в Сибири более 15–20 лет) были обеспечены книгами значительно лучше, чем новоселы, хотя и гораздо хуже, чем сибиряки-старожилы. Основная масса ссыльных (кроме поляков) имела меньше всего книг – вследствие крайней бедности и хозяйственной неустроенности. Однако, укоренившись в Сибири, второе поколение ссыльных обладало уже лучшими возможностями для того, чтобы «завести книжку».

Следующим фактором, серьезно сказывавшемся на распространении печатных изданий, было наличие школ различного типа в том или ином селении, а также в ближайших к нему населенных пунктах. Влияние просветительных учреждений осуществлялось по двум каналам. Во-первых, за счет повышения уровня грамотности населения в том селе, где имелась школа, следствием чего было увеличение спроса на печатную продукцию. Во-вторых, в результате активного участия училищ, библиотек при них в приобщении детей к чтению и в последующем удовлетворении некоторой части читательских потребностей.

Многочисленные источники фиксируют благоприятное влияние официальных школ на грамотность, читательские интересы и некоторые важные стороны образа жизни населения. Показательны в этой

¹ Материалы для изучения... Западной Сибири. – Вып. 17. – С. 83.

связи сведения, полученные на рубеже 1880–1890-х гг. из с. Курагинского Минусинского округа Енисейской губернии, где успешно работало созданное при активном участии крестьян училище Министерства народного просвещения. Местный корреспондент рассказывал: «Наше село не так сильно суевериями и предрассудками – окончившие курс в школе совсем оставляют суеверия и путем бесед и книг стараются даже указать родителям на их невежество и доказать им нелепость суеверий. Грамотного крестьянина, окончившего курс в школе, можно чуть ни с первого взгляда отличить от неграмотного: во-первых, по частому посещению церкви и, во-вторых, по обращению с людьми...»¹.

Данные таблиц 3.1 и 3.2, помещенных выше, показывают, что общая распространенность книг, а также доля среди них светских изданий в целом были пропорциональны уровню грамотности жителей различных природных зон и разных сословных категорий населения Барабинской низменности. Материалы по Иркутской губернии рубежа 1880–1890-х гг., охватывающие несколько десятков населенных пунктов, позволяют дифференцировать последние по уровню грамотности взрослых жителей. Из тех 45 селений, где грамотных взрослых было сравнительно мало (до 30 %), 23 % приходилось на такие, где «совершенно не развита» была «охота к чтению», лишь 38 % – на те, где она была «заметно развита». Взрослые брали книги для чтения в школах в 56 % таких пунктов. Число грамотных взрослых превышало 30 % в 25 селениях, из них в 15 % потребность в чтении была «совершенно не развита», в 60 % – «заметно развита», в 75 % взрослые пользовались литературой из школьных библиотек².

Разумеется, уровни грамотности и интереса к чтению сильно зависели от длительности существования и успешности функционирования сельских школ. При обследовании в 1887–1892 гг. сельского быта Восточной Сибири выяснилось, что в 78 % тех населенных пунктов, в которых официальные училища были основаны до 1870 г., крестьяне покупали книги. Там же, где школы были основаны позже, соответствующий показатель равнялся 64 %. Лучше всего было поставлено учебное дело в училищах Министерства народного просвещения, поэтому из 41 обследованного пункта, где имелись такие училища, в 49 % взрослые жители брали книги из школы, и лишь в 16 % не имели

¹ Личков Л. С. Как и что читает народ... – № 1. – С. 41.

² Там же. – С. 35; № 2. – С. 33.

«охоты к чтению», в 27 % потребность в чтении заметно не увеличивалась со временем. Менее благоприятным выглядело положение в селениях с церковноприходскими школами. Взрослые брали литературу из школьных библиотек в 40 % таких селений, не имели «охоты к чтению» в 29 %, потребность в чтении не развивалась в 43 %¹.

Следует признать, что открытие даже примитивных «домашних» школ и школ грамоты сопровождалось появлением в деревне хотя бы немногих учебных книг или заменяющих их печатных и рукописных текстов. Чаще всего это были азбуки (буквари), Часословы (Часовники), Псалтыри, Евангелия². В старообрядческих домашних школах обучение проводилось нередко по старопечатным книгам, творениям церковных писателей, трудным для восприятия детей³. В иных же случаях «хожалые» учителя приносили с собой в селение и использовали в учебных целях разрозненные номера журналов, иллюстрации и приложения к ним, а родители покупали «золотые азбуки», самоучители и просто случайные книжки, служившие ученикам «хрестоматиями» и пособиями для внеклассного чтения.

В начале изучаемой эпохи минимальным был набор книг и в официальных училищах. «В иной школе все дети учились читать по одной, каким-нибудь случаем попавшей в поселок книге, например, по обрывку романа, а писать учились на песке», – отмечал статистик Сибирского казачьего войска Ф. Н. Усов относительно станичных и поселковых казачьих школ 60–70-х гг. XIX в.⁴ Б. И. Сциборский, по поручению МНП обследовавший сельские (приходские) училища Западной Сибири в начале 1890-х гг., отметил «не всегда исправное в достаточном количестве снабжение их учебниками и учебными пособиями». При этом обязанность обеспечивать школы учебными пособиями лежала на волостных правлениях – из средств, отпускаемых казенными палатами (из земских сборов) на содержание сельских училищ в целом. Учебники и книги же для школьных библиотек должны были приобретать окружные исправники. Сциборский с гру-

¹ Там же.

² Материалы для изучения... Западной Сибири. – Вып. 1. – С. 322–324; *Чукмалдин Н. М.* Записки о моей жизни. – М., 1902. – С. 8–14; и др.

³ Вопросы народного образования среди старообрядцев. – М., 1909. – С. 67–68; Церковные школы и раскольники // Вост. обозрение. – 1899. – 14 янв.; и др.

⁴ *Усов Ф. Н.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. – СПб., 1879. – С. 144.

стью констатирует, что «волостные правления нередко находили во все неуместным тратить деньги на учебные пособия и, не обращая никакого внимания на настоятельные просьбы учащихся ... копили деньги из года в год». В результате часто складывалась такая ситуация, когда «в училищах не было даже бумаги», как, например, в Логиновской волости Тарского уезда Тобольской губернии в 1886 г.¹ Многие училища иногда по несколько лет не получали книг и учебных пособий «вследствие растрат денег волостными писарями», – такая ситуация отмечена в большей части из 18 осмотренных училищ Томского округа, например в Проскоковском сельском училище в 1891 г., во всех девяти училищах Почитанской волости Мариинского округа Томской губернии. Не лучшим образом обстояло дело и с обеспечением сельских школ книгами: «Школы оставались без книг и учебных пособий иногда в течение целого учебного года или вынуждены были довольствоваться немногими, пришедшими в совершенную негодность»².

Библиотеки имелись далеко не при каждом училище, их книжные фонды были скудными.

Покажем это на примере одного из субрегионов Сибири по материалам анкеты Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. В 1894 г. в Алтайском горном округе из 114 начальных сельских училищ всех типов, о которых были получены сведения, 88, или 77,2 %, имели при себе библиотеку, доступную для окрестного населения. В этих библиотечках содержалось в общей сложности 15 028 экземпляров книг (без учета учебников), что составляло в среднем 132 экземпляра на одну школу³. Обобщавшая информацию корреспондентов Е. П. Рылова констатировала: «Вообще все библиотеки очень бедны ... если принять во внимание, что при учении необходимо пополнять знания чтением книг, а также давать книги окончившим и всем грамотным крестьянам, отношение которых к чтению в большинстве случаев очень благоприятное...»⁴.

Лучшее, по сравнению с другими типами начальных училищ, положение было отмечено в сельско-волостных школах: 97,4 % из них имели библиотеку, в среднем на нее приходилось 262 книги. В не-

¹ ГАТО. – Ф. 126. – Оп. 1. – Д. 672. – Л. 82–83.

² Там же. – Л. 82–83, 93–94.

³ [Рылова Е. П.] Начальная школа в Алтайском окр. в 1894 г. // Алтайский сборник. – Барнаул, 1898. – Т. 3. – С. 66. Процент подсчитан нами.

⁴ Там же. – С. 67.

скольких училищах запасы книг насчитывали даже свыше 500 экземпляров. На юге Томского округа это были Гутовская (Кайлинской волости) и Кривошековская школы; в Барнаульском округе – Анисимовская (Барнаульской волости), Тулинская (Бердской волости), Ленинская; в Кузнецком округе – Сары-Чумышская школа Уксунайской волости. Библиотеки функционировали во всех горнозаводских и казачьих училищах, но содержали они в первом случае в среднем по 144 книги, а во втором – лишь 40. Наихудшее положение обнаружилось в училищах Ведомства православного исповедания. Только в 65,8 % церковноприходских училищ и в 5 % школ грамоты имелись библиотечки, причем в первом случае на одно «книгохранилище» приходилась в среднем 71 книга, во втором – 30. Почти вся литература была здесь религиозной. Кроме ученических и народных библиотек, некоторые начальные сельские училища располагали небольшим запасом книг для учителей¹.

С течением времени запасы печатных изданий в школах пополнялись учебными пособиями, методической литературой для учителей, книгами для внеклассного чтения учащихся и для «народного» чтения. Постепенно в большинстве местностей Сибири крестьяне привыкли удовлетворять свои немудреные читательские потребности в основном в школьных библиотеках.

Следует подчеркнуть, что выделенные выше факторы распространности печатных изданий (уровень урбанизации, степень развития транспортной, торговой, школьной сети, социальная и образовательная структура населения) действовали не изолированно, а в комплексе друг с другом и рядом других факторов, будучи показателями развития капитализма вглубь и вширь или, в свете другой методологии, – свидетельствами модернизационных изменений в обществе и культуре. Взаимосвязь этих факторов видели уже некоторые исследователи конца XIX столетия. Например, Л. С. Личков отмечал в 1888 г.: «Училища устраиваются обычно в наиболее населенных деревенских центрах, весьма часто и наиболее промышленных и торговых, и стоящих не в стороне и глуши, а по большей части на почтовых или имеющих торгово-промышленное значение трактах, по которым происходит более или менее сильное движение населения. Такого рода селения справедливо считаются наиболее цивилизованными. Больше

¹ Там же. – С. 45–48, 66–67.

умственное развитие в них не только оттого, что проживают здесь постоянно пришлые люди, торговцы, ремесленники и т. д., но и в силу самого наличия школ, которые ... служат увеличению числа грамотных в селении»¹. В процессе утверждения новых отношений между людьми изменялись их индивидуальное, групповое, общественное сознание, культура и образ жизни. Инновации проявлялись, в частности, в распространении печатных изданий, развитии чтения, и в то же время сами изменения дополнительно стимулировались распространением чтения, усвоением новой информации.

В значительной степени под давлением крестьянства и при заинтересованном участии многих его представителей в пореформенный период и особенно в начале XX в. постепенно улучшались возможности приобщения сельского населения к печатному слову и изображению. Вот лишь один конкретный пример. Когда известный писатель и общественный деятель М. В. Загоскин перебрался в 1879 г. на постоянное жительство в с. Грановское (Грановщину) Уриковской волости (в 25 верстах от г. Иркутска), он застал здесь в 126 домохозяйствах лишь 15 мало-мальски грамотных жителей, способных прочитать книгу, подписаться под общественным «приговором» и написать цифры. «Из книг, впрочем, нечитаемых, я нашел одну книгу Пролога, несколько святцев и разных старых календарей», – рассказывал писатель позже в своих мемуарах². Через 20 с лишним лет, в 1902 г., отвечая на вопросы Общества содействия распространению народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии, тот же автор так описывает изменения, происшедшие в Грановщине за это время. Грамотных в селе насчитывалось уже около 40 человек, что стало результатом деятельности «вольных» учителей из ссыльных, частной школы, открытой самим Загоскиным в 1881 г., и учрежденного в 1900 г. церковноприходского училища. Для местных крестьян был открыт доступ к печатным изданиям обширной личной библиотеки Загоскина. «Книгами [крестьяне-грановцы] пользуются только тогда, когда учатся. Из окончивших учение только человек 5–6 продолжают брать книги на дом. Охотнее читают маленькие, до 12 лет – сказки; старшие читают Пушкина, Кольцова, Короленко и частью Толстого. Читают и пишут письма солдатам, братьям и знакомым.

¹ Личков Л. С. Что читает народ в Иркутском и Балаганском округах. – С. 49.

² Загоскин М. В. Десять лет в сибирской деревне // Сиб. сборник. – СПб., 1890. – Вып. 1. – С. 19–20.

Являлись у некоторых попытки писать стихи (подражание Кольцову). Есть один из взрослых – корреспондент “Восточного обозрения”», – сдержанно констатировал М. В. Загоскин¹.

Одно из важнейших направлений пореформенной эволюции структуры печатных изданий, циркулировавших в сельской местности Сибири, фиксируют данные таблиц 3.1 и 3.2. Речь идет об ускоренном распространении светской (гражданской) литературы по сравнению с религиозной, которое приводило к изменению соотношения двух этих крупнейших категорий печатных изданий.

На Спасском участке Каинского округа Томской губернии по мере продвижения с севера на юг, т. е. приближения к важным транспортным артериям, крупному городскому центру, доля религиозных книг, имевшихся в собственности у населения, последовательно сокращалась, а удельный вес гражданской литературы увеличивался. Характерно, что рост доли светских книг сопровождался увеличением общего количества изданий. Участники массового обследования так объяснили этот факт: «Очевидно, что первым долгом грамотей приобретает религиозную книжку (молитвенник, Евангелие и т. п.) как предмет первой необходимости при удовлетворении своих духовных потребностей. Только тогда, когда куплена религиозная книжка, считается позволительным приобретать, притом спустя некоторое время, книжку “светскую”, “гражданскую”, которая представляется в этом отношении как роскошь, как “баловство”»².

Сходные причины приводили к сокращению доли религиозных книг у крестьян по мере увеличения длительности их проживания в Сибири и роста благосостояния. У переселенцев-староселов удельный вес духовных изданий был меньше, чем у новоселов, а у крестьян-старожилов он был минимальным. Купив одно-два важнейших религиозных издания, сельчане затем приобретали в основном светскую литературу. Следует еще, правда, иметь в виду отмечавшийся многими наблюдателями факт большей набожности переселенцев из Европейской России по сравнению с сибирскими старожилами³.

¹ ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 1–7.

² Материалы для изучения... Западной Сибири. – Вып. 17. – С. 83.

³ См., например: Семёнов-Тян-Шанский В. П. Указ. соч. – С. 41–42. Этот факт признавали и сами старожилы-«чалдоны». См., например: [Савельев А. А.] Фольклор Приангарья начала XX в. // Живая старина: журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. – 2000. – № 2. – С. 45–46.

Впечатляющее преобладание религиозных изданий в среде ссыльных являлось результатом крайне незначительного общего количества печатных изданий у этой категории населения. Что касается довольно большого числа религиозной литературы у польских ссыльных, то это объясняется необходимостью для каждого католика иметь при себе богослужебную книгу на родном языке во время латинской мессы. В целом же преобладание книг духовного содержания в сибирской деревне, особенно в начале изучаемого периода, «становится вполне понятным, если принять во внимание, что грамотность в Сибири распространялась поначалу [с религиозными целями] или лицами духовного звания, или же начетчиками-крестьянами, которые дело обучения вели по Псалтыри, святцам и иным церковным книгам»¹.

Несмотря на некоторые количественные и качественные позитивные сдвиги, в целом положение с распространенностью печатных изданий в деревне Сибири второй половины XIX – начала XX в. следует признать неудовлетворительным. Большинство грамотных крестьян испытывало потребность в чтении, но неблагоприятные социально-экономические, политико-правовые и социокультурные условия жизни приводили к тому, что люди были «должны просвещаться украдкою», по выражению корреспондента газеты «Сибирь»². Чаще всего они не имели возможности вполне сознательно формировать круг своего чтения. Выдающийся ученый, публицист и общественный деятель Н. М. Ядринцев с горечью писал о времени до начала 1880-х гг.: «На всем протяжении Сибири ... вплоть до Иркутска всего два книжных магазина или специальных продаж учебных пособий; книги в Сибирь завозятся случайно и продаются вместе с сапогами и дегтем; нечего и говорить о выборе книг»³.

В последующее время источники свидетельствуют: «Большая часть училищ постоянно нуждается в книгах, учебных пособиях и письменных принадлежностях» (участники обследования сельского быта Тюменского округа Тобольской губернии, рубеж 1880–1890-х гг.)⁴; казакам «недостает полезных книг для чтения, приходится довольство-

¹ Материалы для изучения... Западной Сибири. – Вып. 17. – С. 83.

² Причины сибирского застоя: (письмо о Минусинском окр.) // Сибирь. – 1886. – 16 февр.

³ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия. – СПб., 1882. – С. 394.

⁴ Материалы для изучения... Западной Сибири. – Вып. 4. – С. 142.

ваться лубочными изданиями» (наказной атаман Сибирского казачьего войска, 1893 г.)¹; «Чтением занимаются немногие, как ввиду отсутствия навыка и потребности, так и за неимением под рукой доступных пониманию, а иногда и каких бы то ни было, книг. [...] Покупаются книги совершенно случайно, какие попадутся, на базарах, в местных лавках, у ссыльных» (член Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии по материалам анкетирования населения в 1900–1902 гг.)²; «... Книг достать населению неоткуда, даже хотя бы купить на собственные средства, так как ни в уезде, ни в городе нет книжного склада или хотя бы порядочного частного книжного магазина» (податной инспектор Ачинского уезда Енисейской губернии Л. Г. Высоцкий, 1902 г.)³; «Нет [в нашем селе] ни книг, ни газет. Книжки крайне бедной училищной б[иблиоте]ки все перечитаны и потрепаны до того, что некоторые нельзя выдавать ученикам... Ученикам, по выходе из школы, приводится отвыкать от книг, потому что достать книгу негде» (сельский учитель из Томской губернии, 1910–1912 гг.)⁴; и т. д.

В начале XX столетия читательские потребности большинства грамотных сибирских сельчан находились в стадии становления, а для некоторых групп населения – в самом начале модернизационной трансформации. Слабое развитие книготорговли и библиотечной сети, недостаток денежных средств у крестьянства, недостатки просветительской политики светских и церковных властей приводили к тому, что наиболее грамотные и развитые крестьяне-сибиряки испытывали большие неудобства от слабой распространенности печатных изданий. Распространенность книг и периодики в сибирской деревне явно отставала даже от тогдашнего сравнительно невысокого уровня социокультурного развития городов на восточной окраине России.

Тенденцию нарастания интереса к чтению книг и периодических изданий среди грамотной части сибирского крестьянства на протяжении всей изучаемой эпохи отмечают все привлеченные нами источники.

¹ РГВИА. – Ф. 330. – Оп. 42. – Д. 1260. – Л. 150–151.

² Отчет о деятельности Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губ. за 1902–1903 гг. – Иркутск, 1904. – С. 63.

³ Труды местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. – СПб., 1903. – Т. 54: Енисейская губ. – С. 76.

⁴ Отчет совета Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губ. за годы 1910–1912. – Томск, [1913]. – С. 11.

Уже в 80-е гг. XIX в. «совершенная неразвитость» охоты к чтению была отмечена лишь в 14 из 70 обследованных селений Иркутской губернии¹. В 1894 г. в Томской губернии, судя по ответам на анкету Комитета грамотности Вольного Экономического общества, грамотные жители более чем в половине селений (в 53 %) проявляли «постоянный интерес» к чтению². Из Алтайского горного округа сообщали, что в 58 из 89 селений, имевших начальное училище любого типа, наблюдалось «охотное чтение населения»³.

Учителя, работавшие в с. Шемонаевском Бийского округа, отмечали при этом, что «с каждым годом количество читающих всё возрастает и возрастает. Масса просит книг». В с. Афонинском Бачатской волости Кузнецкого округа констатировали: «Читают с любовью и охотой как старожилы, так и переселенцы»⁴. При анкетировании жителей Иркутской губернии в 1900–1902 гг. были получены прямые указания на то, что в 85 селениях из 104 обследованных распространен такой способ применения грамотности, как чтение. «Регулярное» же чтение фиксировалось в 50 селах и деревнях⁵. После введения в России в начале Первой мировой войны «сухого закона» (ограничения на производство и продажу крепких спиртных напитков) в августе-сентябре 1916 г. Енисейское акцизное управление провело анкетный опрос населения о действенности этого закона и желательных иных мерах по улучшению деревенского быта. Пришло более 1300 ответов от общественных организаций, сельских старост, учителей, священников. По мнению большинства респондентов, «большую пользу в упорядочении крестьянской жизни и отвлечении от безобразий» призваны были сыграть меры, тесно связанные с распространением книги и чтения как средств проведения досуга – учреждение общественных библиотек (553 предложения), постройка народных домов, открытие новых школ и ремесленных училищ для расширения грамотности населения и т. д.⁶

¹ Подсчитано по: *Личков Л. С.* Как и что читает народ... – № 1. – С. 35.

² Подсчитано по: РГИА. – Ф. 91. – Оп. 3. – Д. 941–945.

³ [*Рылова Е. П.*] Указ. соч. – С. 68.

⁴ Там же. – С. 69.

⁵ *Зверева К. Е.* Роль просвещения в жизни сибирского крестьянства конца XIX – начала XX в. // Развитие культуры сибирской деревни в XVII – начале XX в. – Новосибирск, 1986. – С. 109.

⁶ [*Юрьев А. Я.*] Как отразилось запрещение продажи крепких напитков на жизни населения Енисейской губ. – Красноярск, 1916. – С. 40–45.

Многочисленные данные говорят о том, что среди грамотной части сельских жителей уже к концу XIX в. выделилась группа наиболее образованных крестьян, для которых чтение становилось одним из важных занятий, наряду с основной, хозяйственной деятельностью. Они, по словам известного ученого, публициста и общественного деятеля Н. М. Ядринцева, «усваивали ... грамотность, развивали себя и приобретали начитанность»¹. К таким крестьянам можно отнести, например, жителя волостного села Курагино Минусинского округа (уезда) Енисейской губернии Федора Федоровича Девятова. Выучившись грамоте самостоятельно, он, по словам современника, «просветил себя разносторонним чтением» и, оставаясь «по душе, по жизни и работе крестьянином», считал необходимым для себя внедрять в хозяйство достижения научного опыта, помогать ученым в исследовании крестьянского быта, оказывать содействие Минусинскому музею, иным просветительным и научным учреждениям в их работе².

Постоянное обращение части крестьянства к печатным изданиям способствовало прогрессу экономики нашего края, накладывало свой отпечаток на народную культуру. Так, известный фольклорист и этнограф М. К. Азадовский отмечал большую роль книги в жизни народной сказки на востоке России. Доля грамотных людей среди здешних сказочников была, по его наблюдениям, довольно высокой. И у грамотных, и у неграмотных сказочников наблюдалось сильное «влечение к книге», причем книжное влияние проявлялось как в репертуаре, так и в сюжетах, а также языке сказок³. Об этом же свидетельствуют материалы этнографа и фольклориста М. В. Красножёновой о сказочниках Приенисейского края⁴. Н. М. Ядринцев свидетельствовал, что сибиряки во второй половине XIX в. часто пели романсы, позаимствованные из печатных песенников, а речь самых грамотных была «с большой примесью слов книжного языка»⁵.

¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – 2-е изд. – СПб., 1892. – С. 111.

² Подробнее см.: Зверев В. А. Взаимовлияние хозяйственной жизни крестьян и городской культуры Сибири в пореформенный период // Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи. – Новосибирск, 1988. – С. 76–88.

³ РГБ. – Ф. 542.1.20. – Л. 2–84.

⁴ Там же. – Ф. 542.78.6. – Л. 3.

⁵ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – С. 103.

В источниках содержатся сведения о значительном количестве читателей-крестьян во многих сельских библиотеках. По данным статсекретаря Российской империи А. Н. Куломзина, за 13 месяцев существования (с ноября 1895 по январь 1897 г.) сельской общественной библиотеки в станице Кударинской Селенгинского округа Забайкальской области было выдано для чтения 1973 книги¹. В обзоре деятельности библиотеки-читальни в с. Балахта Ачинского уезда Енисейской губернии заведующий этой библиотекой учитель Н. Г. Тарасов привел интересные статистические данные, пересчет которых позволяет сделать следующие утверждения. В период 1902–1909 гг. указанная библиотека работала в среднем 134 дня в году. Каждый раз ее посещало для просмотра и чтения книг до 20 жителей с. Балахтинского и еще примерно тридцати окрестных сел и деревень. За год таких посещений в библиотеке набиралось 2556. Количество активных читателей, которые брали книги на дом, составляло в среднем 366 человек в год, они получали всего 4200 книг, т. е. на каждого приходилось по 11 экземпляров в год. Среди активных читателей 76 % являлись лицами мужского пола и 24 % – женщинами. К крестьянскому сословию относилось 84 % получателей книг, остальные числились разночинцами. По возрастным группам читатели распределялись следующим образом: до 50 % – дети и подростки в возрасте от 7 до 15 лет; 33 % – молодежь 15–30 лет; 14 % – зрелые люди от 30 до 50 лет; только 3 % – пожилые люди и старики старше 50 лет². Вряд ли названные библиотеки были самыми типичными для своего времени и региона, но заслуживает внимания сам факт их существования и культурного влияния в первую очередь на детскую и юношескую среду. По данным на 1911 г., в самой населенной в Сибири Томской губернии 218 сельских библиотек насчитывали свыше 35 тыс. читателей, большинство из них здесь также составляли дети и молодежь, лишь 35 % приходилось на взрослых крестьян³.

Современники отмечали неуклонный рост потребности крестьянства в чтении. Так, «большой спрос из сел и деревень Сибири на хорошие

¹ [Куломзин А. Н.] Потребности начального образования в Сибири: всеподданнейший доклад по поездкам в Сибирь 1896–1897 гг. – СПб., 1898. – С. 64.

² Подсчитано по: Тарасов Н. Г. Краткий обзор деятельности бесплатной народной библиотеки-читальни в с. Балахтинском Ачинского уезда Енисейской губ. за 1899–1909 гг. – Красноярск, 1911.

³ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 183. – Д. 337. – Л. 8.

книги для чтения» констатировал в 1890-х гг. Санкт-Петербургский комитет грамотности, планируя по этой причине создание особой сибирской подкомиссии¹. Иркутское общество распространения народного образования и народных развлечений в 1901–1902 гг. получало большое количество писем от учителей с просьбой оказать помощь в приобретении библиотечек для удовлетворения растущей потребности учащихся и взрослых крестьян в чтении². «Потребность в книге стала уже не случайным явлением, а необходимой и настоятельной надобностью», «с каждым днем растет спрос на книгу», – отмечали авторы писем (в том числе и сами крестьяне) в совет Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии в 1912–1913 гг.³

К началу XX в. книга стала на сибирском рынке довольно выгодным товаром. Учащались прошения от лиц различной сословной принадлежности, в том числе из среды крестьян, на разрешение торговли книгами как в городах, так и в сельской местности. Только в июне 1913 г. разрешения на торговлю «разными книгами, дозволенными цензурою», были выданы в пределах Тобольской губернии крестьянину с. Емуртлинского Ялуторовского уезда Я. Рякишеву, крестьянам Ф. Новгородцеву (на торговлю в с. Юдино Ишимского уезда) и П. Кирилову (по всем городам и селениям губернии)⁴. Лица, занимавшиеся или предполагавшие заняться торговлей книгами на селе, единодушно констатировали повышение спроса на этот товар, надеялись с его помощью поправить свои пошатнувшиеся дела⁵.

Таким образом, исторические источники и литература показывают, что развитие потребности крестьянства Сибири в чтении происходило в условиях начальной фазы модернизации традиционного общества под влиянием целого ряда факторов как объективного, так и субъективного характера. Среди них важную роль играли прогрессивные процессы социально-экономического развития. Об этом ярко свидетельствуют факты более высокой грамотности, широкой распространенности регулярного чтения, уверенно растущего спроса на

¹ Там же. – Ф. 91. – Оп. 3. – Д. 122. – Л. 118–119.

² ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 121; Д. 12. – Л. 6, 13–14, 17, 37–38 и др.

³ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 183. – Д. 337. – Л. 13–14.

⁴ ГА в Тобольске. – Ф. 152. – Оп. 27. – Д. 158. – Л. 5–6; Д. 159. – Л. 2; Д. 180. – Л. 2.

⁵ Там же. – Ф. 147. – Оп. 1. – Д. 54. – Л. 10–11; Ф. 152. – Оп. 23. – Д. 220. – Л. 155; ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 4988. – Л. 1, 10.

литературу в тех районах Сибири и тех группах крестьянства, которые сильнее всего были затронуты развитием капитализма вглубь и вширь – ростом товарно-денежного обращения, социальным разложением крестьянства, массовым переселенческим движением, распространением улучшенных орудий труда, передовой агротехники и т. д. Важную роль играли также события и процессы политического и культурного характера: войны и революционные катаклизмы, просветительная деятельность школы, других государственных и общественных организаций, отдельных энтузиастов, агитация и пропаганда революционеров и т. д. Усиливаясь на протяжении всего изучаемого нами периода, интерес к печатному слову в русской деревне Сибири достиг наивысшего развития в 1914–1917 гг. – в годы Первой мировой войны и революционных потрясений в России.

3.2. Школьные библиотеки в сибирской деревне

Неоценимый вклад в формирование книжной культуры и просвещение сибирской деревни конца XIX – начала XX в. внесли сельские, в том числе школьные, библиотеки, являющиеся объектом рассмотрения в данном разделе монографии. Не претендуя на полноту раскрытия заявленной здесь темы, авторы стремились выяснить место училищных библиотек в формировавшейся сельской библиотечной сети Сибири; определить состояние книжных фондов школьных библиотек; охарактеризовать интенсивность пользования их фондами со стороны различных возрастных категорий русского крестьянства в период середины 1880-х гг. XIX в. – февраля 1917 г.

Функционировавшие в этот период в сельской местности Сибири библиотеки по их принадлежности тем или иным учреждениям, организациям и лицам можно разделить на несколько групп. Первую группу составляют личные (частные) книжные собрания и библиотеки. Владельцами их в большинстве случаев были сравнительно немногочисленные «лица интеллигентных профессий» – учителя, врачи и фельдшеры, священники, мелкие чиновники, писари и др. Сюда же следует отнести библиотеки политических ссыльных.

Собственные библиотечки имели и некоторые из грамотных сибирских крестьян. Так, в начале изучаемого периода, на рубеже 1880–1890-х гг., в волостном селе Спасском Каинского округа Томской гу-

бернии имел библиотеку «богатую и прекраснейшую», по словам очевидца – руководителя местного статистико-экономического обследования С. Е. Филимонова – торгующий крестьянин Михаил Шипицын¹. К 1913 г. крестьянин д. Кашевской Омутинской волости Ялutorовского уезда Тобольской губернии Тихон Непомнящих имел библиотеку из полусотни книг и постоянно пополнял ее, выписывал несколько журналов². Судя по полевым материалам известного фольклориста М. К. Азадовского, относящимся к 1925 г., в сложившейся еще в досоветский период домашней библиотечке крестьянина-сказителя Егора Ивановича Сороковикова (д. Ближний Хобок Тункинской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губернии) имелись книги по луговодству и пчеловодству, домашний лечебник, подшивки приложений к журналам «Север» и «Родина». Сороковиков, в детстве стремившийся учиться, но не получивший школьного образования, тем не менее, читал К. Фламариона и В. С. Соловьёва, ему были известны имена А. С. Пушкина и П. П. Ершова³. Перечень фактов такого рода можно продолжить, но следует всё же отметить, что личные библиотеки не были массовым явлением в деревенской, а тем более – в крестьянской среде.

Более важное значение имели в сельской местности Сибири общественные библиотеки, которые можно подразделить на следующие основные группы: 1) библиотеки, открытые в селениях различными общественными организациями (обществами содействия развитию народного образования, научными, в том числе сельскохозяйственными, обществами, обществами трезвости и др.), кооперативами и кредитными товариществами; 2) библиотеки, учрежденные органами крестьянского самоуправления при волостных и сельских правлениях; 3) библиотеки при сельских церквях, принадлежавшие Ведомству православного исповедания, аналогами которых в данной классификации выступают библиотечные собрания старообрядческих общин. Книжные фонды и собрания периодики в библиотеках всех перечисленных типов были в той или иной мере доступными для пользования разным категориям сельского населения. Однако наибольшую роль в деле

¹ Материалы для изучения... – Вып. 17. – С. 80.

² Халютин П. В. Крестьянское хозяйство в России: извлечение из описаний хозяйств, удостоенных премий в память 300-летия царствования Дома Романовых. – Пг., 1915. – Т. 3. – С. 3.

³ РГБ. – Ф. 542.38.8. – Л. 55–56.

просвещения крестьянства Сибири играли библиотеки, существовавшие при деревенских начальных училищах. Они составляли четвертую, наиболее многочисленную группу общественных библиотек.

Общее число библиотек, функционировавших при школах, во много раз превышало количество сельских библиотек всех других типов, доступных крестьянам. Приведем в качестве доказательства этого утверждения данные по некоторым местностям за различные годы.

В ответах на соответствующий вопрос анкеты, пришедших в 1901–1902 гг. из 93 населенных пунктов в Общество распространения народного образования и народных развлечений Иркутской губернии, отмечено наличие библиотек в 27 селениях, в том числе в 20 – при школах¹. В отчете Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии имеются следующие данные: общество за время с 1902 по 1912 г. помогло открыть 278 библиотек, 204 из них работали при начальных училищах (еще 34 – при уездных попечительствах о народной трезвости, 10 – при волостных правлениях, 9 – при кредитных товариществах, 1 – при сельскохозяйственном обществе, 20 библиотек принадлежало частным лицам)². Исследователи П. К. Казаринов и З. Н. Матвеев приводили такие сведения о библиотеках по Западной Сибири: в 1914 г. 223 из 250 сельских библиотек в Томской губернии, 139 из 172 – в Тобольской были библиотеками школьными³. Общие количественные показатели развития библиотечной сети здесь занижены, но соотношение числа школьных и всех остальных библиотек авторы уловили верно.

Рассматривая это соотношение, следует оговориться, что подразделение библиотек на различные типы, произведенное выше, является в значительной степени делом условным. Известно, например, что многие волостные и сельские библиотеки, читальни общественных организаций, кооперативов и прочие вынужденно создавались и работали при деревенских школах. В большинстве случаев это обуславливалось наличием именно в школе подходящего помещения и относительно квалифицированного заведующего, ведь учитель часто был едва ли ни единственным образованным человеком на селе. В то же время многие книжные собрания и читальни создавались специально

¹ Подсчитано по: ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 2–3, 19.

² РГИА. – Ф. 733. – Оп. 183. – Д. 337. – Л. 8.

³ Казаринов П. К., Матвеев З. Н. Библиотеки // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1929. – Т. 1. – Стб. 307.

при деревенских начальных училищах различного типа теми ведомствами, которым эти училища принадлежали: Министерством народного просвещения, Ведомством православного исповедания, Министерством земледелия и государственных имуществ, Главным управлением казачьих войск и др. На практике в таких случаях фонды собственно школьных библиотек и читален, образованных при училищах различными организациями, объединялись, что дает основание в определенных случаях употреблять термины «школьная библиотека» и «библиотека при школе» как синонимы.

Рассмотрим в исторической динамике вопрос об общем количестве библиотек, функционировавших при сельских начальных училищах Сибири в конце XIX – начале XX в. В начале этого периода (1894 г.), когда в сельской местности Сибири, по официальным данным, работало всего 1908 школ¹, сеть училищных библиотек была развита крайне слабо. Особенно плохо обстояли дела в школах духовного ведомства (церковноприходских и школах грамоты) и в местностях, отдаленных от крупных экономических, административных и культурных центров. Так, в Алтайском горном округе из 57 училищ Ведомства православного исповедания, подвергшихся в 1894 г. обследованию, 22, т. е. 38,6 %, совсем не имели собственных библиотек². В 1895/96 учебном году в Змеиногорском округе Томской губернии библиотечки имелись только в двух из 23 школ православного духовного ведомства³.

Со временем положение несколько улучшалось, но ситуация, при которой далеко не во всех сельских училищах имелись свои библиотеки, сохранялась до конца изучаемого периода. Наиболее полные сведения по интересующему нас вопросу дала Всероссийская школьная перепись, охватившая в январе 1911 г. начальные училища всей страны. Ее материалы позволяют представить обеспеченность библиотеками начальных училищ в Сибири, особо выделяя сельскую местность, а также сравнить ситуацию в нашем крае с положением по стране в целом (табл. 3.3).

¹ Подсчитано по: Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 янв. 1911 г. – Пг., 1916. – Вып. 16. – С. 54–56. Источник рассматривает Сибирь в границах Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской, Семипалатинской, Забайкальской и Якутской областей.

² [Рылова Е. П.] Указ. соч. – С. 66.

³ ГАТО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 162.

Обеспеченность начальных училищ библиотечными фондами (1911 г.)*

Страна, регион	Количество училищ	Из них имели, %		
		книги для внеклассного чтения	учительскую библиотеку	народную библиотеку
<i>По региону в целом</i>				
Российская империя	100 749	71,6	73,4	13,0
В том числе:				
Западная Сибирь	3446	77,9	79,1	7,5
Восточная Сибирь	1951	83,4	84,2	2,1
Вся Сибирь	5397	79,9	80,9	5,6
<i>В сельской местности</i>				
Российская империя	89 718	59,9	73,8	14,1
В том числе:				
Западная Сибирь	3096	77,4	78,6	8,1
Восточная Сибирь	1752	83,2	85,2	2,1
Вся Сибирь	4848	79,5	80,9	5,9

* Подсчитано по: Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 янв. 1911 г. – Пг., 1916. – Вып. 16. – С. 28.

В материалах переписи 1911 г. выделяются три вида библиотек при начальных школах России. Это, во-первых, общедоступный детский фонд, в котором размещались книги для внеклассного чтения учащихся и учебная литература. Во-вторых, это «фундаментальные» учительские библиотеки, содержавшие в основном литературу, предназначенную для пополнения знаний и учебно-методической подготовки учителей. Сюда входили и районные учительские библиотеки, рассчитанные на обслуживание преподавателей из нескольких соседних школ. В-третьих, выделялись библиотеки, предназначенные не для школьной работы, а специально для пользования окрестным населением – так называемые народные библиотеки.

В сводных материалах переписи 1911 г., которыми мы воспользовались при подсчетах данных таблицы 3.3, Сибирь рассматривается в территориальных границах Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, Акмолинской, Семипалатинской, Забайкальской и Якутской областей. Анализ таблицы 3.3 показывает, что

только примерно 4/5 части из 4848 сельских начальных школ Сибири имели в 1911 г. книги для внеклассного чтения учеников, примерно столько же – учительскую библиотеку. Народную же библиотеку имели при себе лишь 288 училищ, что составляло менее 6 % их общего числа. В сельской местности Восточной Сибири (конкретнее – в деревнях Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской области) наблюдалась несколько лучшая обеспеченность школ книгами для внеклассного чтения учеников и учительскими библиотечками, чем в деревне Западной Сибири. В то же время народных библиотек при училищах на востоке Сибири было почти в четыре раза меньше относительно общего количества школ, чем на западе. Сравнение ситуации в сельской местности с обстановкой по Сибири в целом, включая города, показывает, что выявленные выше соотношения были характерны для всего региона.

При сравнении данных по Сибири и Российской империи в целом (см. табл. 3.3) выявляется интересный факт: обеспеченность школ нашего края училищными и учительскими библиотеками была несколько выше, чем в среднем по стране (это относится и к сельской местности). Учитывая, что подавляющее большинство российских школ располагалось в Европейской России, такое соотношение означает, что сибирские школы располагали книгами для внеклассного чтения и «фундаментальными» учительскими библиотеками чаще, чем училища Европейской России. Однако начальные училища Европейской России в 2,3 раза чаще, чем сибирские, имели при себе народную библиотеку, а в селениях указанный перевес составлял 2,4 раза.

Перейдем к рассмотрению книжных фондов деревенских библиотек при школах. В начале изучаемого периода они фактически только начали формироваться и бывали обычно крайне скудными. Приведем сведения по ряду округов Тобольской губернии. В 1894 г., по данным анкеты Комитета грамотности Вольного экономического общества, во всех 23 одноклассных сельских училищах Министерства земледелия и государственных имуществ в Тобольском округе (в них училось 752 ребенка) имелось лишь 11 223 экземпляра книг 3206 наименований и 4 наименования журналов. В захолустном Туринском округе в 21 училище того же типа (905 учащихся) было 3552 экземпляра книг с 50 названиями, выписывался 1 журнал. На одного ученика, таким образом, приходилось менее 4 книг! В Курганском округе библиотечки 56 училищ Министерства народного просвещения

содержали 2573 экземпляра книг для внеклассного чтения 1768 наименований¹.

Как показало специальное обследование 37 сельских училищ Алтайского горного округа, в 1894 г. лишь 11 из них имели сравнительно крупные библиотеки (от 331 до 635 экземпляров книг), в остальных же было от 25 до 100 экземпляров. Так, в библиотеке Сростинской школы Бийского округа отыскалось всего 18 книжек, «книгохранилище» Чилинской школы Уртамской волости Томского округа при осмотре оказалось вовсе пустым!² В 1903 г., согласно отчету иркутского генерал-губернатора, в среднем на каждую из 25 районных учительских библиотек Иркутской губернии (эти библиотеки обслуживали по 10–11 школ) приходилось только 43 названия книг³.

Следует отметить улучшение ситуации в начале XX в., когда фонды многих училищных библиотек значительно выросли и стали разнообразнее. Относительно обеспеченными стали сельские двухклассные начальные училища, располагавшиеся в волостных центрах. Так, по воспоминаниям Ф. Д. Останина, в Романовском двухклассном училище (Барнаульский уезд Томской губернии), куда его отправили родители после обучения в Сидоровской церковноприходской школе, ему в первый же день выдали комплект учебников по священной истории, физической географии, геометрии, естественной истории, арифметике и грамматике, т. е. практически по всем изучавшимся учебным предметам. Автора поразило обилие картин и учебных пособий по всем предметам, а уроки русского языка проходили с привлечением книг Н. В. Гоголя («Тарас Бульба»), И. С. Тургенева («Записки охотника»), Д. В. Григоровича («Антон Горемыка»), стихов А. С. Пушкина и Н. А. Некрасова⁴. Совершенно очевидно, что все эти произведения имелись в училищной библиотеке.

Материалы Всероссийской школьной переписи 1911 г. позволяют проанализировать результаты пополнения фондов школьных библиотек в конце XIX – начале XX столетия (табл. 3.4). В нашей таблице представлены средние показатели обеспеченности книгами од-

¹ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 91. – Оп. 3. – Д. 936. – Л. 122–151; Д. 940. – Л. 8.

² [Рылова Е. П.] Указ. соч. – С. 66.

³ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 204. – Д. 515. – Л. 5–6.

⁴ Зверев В. А., Зверева К. Е. Начальная школа на Алтае в начале XX в. (по воспоминаниям Ф. Д. Останина) // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – № 2. – С. 194–196.

ной школьной библиотеки в крупнейших регионах Сибири – в сравнении с данными по Российской империи в целом. Они показывают, что все три вида библиотек при училищах в сельской местности Сибири были обеспечены книгами гораздо хуже, чем городские школы. При этом Восточная Сибирь оказалась в несколько более выигрышном положении, чем Западная: все показатели здесь, кроме среднего количества книг в народных библиотеках, были выше. Ситуация с обеспеченностью школьных библиотек книгами в Сибири, в том числе в ее сельской местности, выглядела несколько лучше, чем по стране в целом.

Таблица 3.4

Обеспеченность библиотек при начальных училищах книгами (1911 г.), в среднем*

Страна, регион	В училищной библиотеке		В учительской библиотеке		В народной библиотеке	
	общее кол-во книг	цена всех книг, р.	общее кол-во книг	цена всех книг, р.	общее кол-во книг	цена всех книг, р.
<i>По региону в целом</i>						
Российская империя	210	77,2	47	41,8	405	179,6
В том числе:						
Западная Сибирь	250	86,9	54	44,0	474	202,0
Восточная Сибирь	273	101,1	67	63,3	439	304,0
Вся Сибирь	258	92,2	59	51,2	468	217,6
<i>В сельской местности</i>						
Российская империя	194	66,4	41	33,9	397	172,9
В том числе:						
Западная Сибирь	225	72,2	47	35,1	457	175,3
Восточная Сибирь	257	91,7	63	59,5	364	198,6
Вся Сибирь	237	79,4	53	44,2	444	178,6

* Подсчитано по: Однодневная перепись начальных школ... – С. 28.

Обращают на себя внимание весьма небольшие численные значения всех показателей в таблице 3.4. Едва ли 53 книги в средней учительской библиотеке обеспечивали сельскому учителю достаточно широкий профессиональный и общекультурный кругозор. Те 46 учеников, которые обучались в обычной деревенской школе Сибири (это

средний показатель, выявленный в результате школьной переписи 1911 г.)¹, могли рассчитывать лишь на 237 экземпляров книг для внеклассного чтения. Значит, на одного ученика приходилось около 5 таких книг. Четыре с половиной сотни экземпляров книг в народной библиотеке не могли удовлетворить растущие культурные потребности местного населения. Характерны малые стоимостные показатели. Небольшая в среднем цена одной книги в училищных и народных библиотеках (соответственно 33 и 40 коп.) свидетельствует, что в их фондах преобладали тонкие дешевые издания «для народа».

Комплектование библиотек при училищах производилось в строгом соответствии с официально утвержденными «разрешительными» каталогами, чтобы, во-первых, не допустить к читателю из народа литературу, «подрывающую устои», и, во-вторых, влиять на процесс социализации детей и подростков в духе, желательном светским и церковным властям. Как и начальные школы в целом, библиотечная сеть при них призвана была давать читателям элементарные знания, но на первое место в своей деятельности ставила заботу о том, чтобы школьники любили и боялись Бога, любили царя и Отечество, почитали родителей. Идеолог консервативного правительственного курса обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев в середине 1890-х гг. разработал концепцию «народной» школы, отметив, что ее главное предназначение – воспитывать учащихся, а воспитание не зависит от умственного образования. Властям полагалось содержать людей в строгом подчинении традиционному порядку общественной жизни². Поэтому основную часть книжных фондов составляли специально адаптированные «в воспитательных целях» жития святых, рассказы из Священного Писания и истории христианства, сочинения церковных иерархов, а также верноподданнические сочинения. В годы Русско-японской и Первой мировой войн библиотеки снабжались изданиями ура-патриотического толка.

Одновременно фонды многих школьных библиотек содержали и книги, полезные для становления личности молодого человека, для его умственного и эстетического развития, расширения общего кругозора деревенских жителей, в том числе хорошую художественную литературу. Например, в библиотеке приходского училища в с. Бурет станицы Верх-Острожской Иркутской губернии, вообще-то небога-

¹ Подсчитано по: *Однодневная перепись начальных школ...* – С. 22.

² *Победоносцев К. П.* Московский сборник. – М., 1896. – С. 86.

той книгами (60 экземпляров), в 1902 г. можно было найти несколько повестей и рассказов Н. В. Гоголя, отдельные произведения П. П. Ершова, И. А. Крылова, А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, правда, все в одном экземпляре¹.

Среди прочих классиков русской литературы, сочинения которых были представлены в школьных библиотеках, источники чаще всего называют В. П. Авенариуса, В. М. Гаршина, М. Горького, А. С. Грибоедова, Д. В. Григоровича, В. А. Жуковского, А. В. Кольцова, В. Г. Короленко, М. Ю. Лермонтова, Д. Н. Мамина-Сибиряка, К. М. Станюковича, А. К. Толстого, А. П. Чехова, а из зарубежных авторов – Майн Рида, Жюль Верна, Вальтера Скотта, Даниэля Дефо, Чарльза Диккенса. Значительную часть книжных фондов, предназначенных для чтения, в школьных библиотеках составляли беллетристические произведения менее крупных литераторов, иногда вовсе лишенные художественных достоинств. Кроме учебной и учебно-методической литературы, имелась также разрозненные научно-популярные издания по полеводству и огородничеству, скотоводству, пчеловодству, лесному и луговому делу, а также по истории, географии и этнографии, физике, ботанике, химии, астрономии, минералогии. В качестве примеров можно назвать замечательные книги: «Жизнь европейских народов» Е. Н. Водовозовой, «Основы химии» Д. И. Менделеева, сочинения Герберта Спенсера. Библиотеки почти всех училищ Кузнецкого округа имели в своем составе многоготовое превосходно изданное сочинение Элизе Реклю «Земля и люди», иллюстрированную «Жизнь животных» Альфреда Брема, «Калевалу», географический атлас, картины по естественной истории².

Периодических изданий для библиотек при деревенских школах выписывалось немного. Согласно сведениям Комитета грамотности Вольного экономического общества за 1894 г. по Забайкальской области, здесь из 109 училищ Министерства народного просвещения выписывали периодические издания всего 43, т. е. 39,4 %, причем в их списках фигурировало в общей сложности лишь 21 название периодики. В Тобольской губернии выписывали газеты и журналы 37,2 % сельских училищ МНП. В Енисейской губернии соответствующий показатель равнялся 82,9, в Иркутской – 54,8 %. В школах Ведомства православного исповедания положение дел было еще хуже. В Тобольской и Иркутской губерниях выписывали периодику около 20 %

¹ ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 37–38.

² ГАТО. – Ф. 126. – Оп. 1. – Д. 672. – Л. 100.

таких школ, в Енисейской губернии – 7,3 %. По данным 1894 г., всего в сельскую местность Сибири через школьные библиотеки попало около 50 наименований газет и журналов различного содержания и направления, не считая сугубо специальных изданий и листков, выпускавшихся отдельными обществами и организациями¹. Со временем этот круг постепенно расширялся, но происходило это недостаточно быстро.

Данные о размерах библиотечных фондов свидетельствуют о том, что термин «библиотека» для обозначения этих маленьких книжных собраний можно применять лишь достаточно условно. Как правило, они представляли собою несколько книжных полок в шкафу, в лучшем случае (в некоторых народных библиотеках) – два-три шкафа с книгами. Вот как описывает очевидец довольно типичную библиотеку в двухклассном церковноприходском училище волостного села Кома Минусинского уезда Енисейской губернии (описание относится к 1908–1910 гг.): «Таисия Герасимовна (учительница, заведовавшая библиотекой. – К. З., В. З.) не торопясь открыла свой шкаф и стала перебирать в нем книжки. Книжный шкаф был вроде нашего кульчекского (до поступления в Комское училище автор воспоминаний учился в приходской школе д. Кульчек Комской волости. – К. З., В. З.). Тоже двухъярусный, со стеклянными створками вверху. Только у нас шкаф был хороший, выкрашенный свежей краской, а здесь какой-то обшарпанный. Видать, он уж много лет стоит в школе и сильно облупился. И книг в нем было мало. Только две нижние полки во втором ярусе. А третья полка была почти совсем пустая. Нижняя половина шкафа была наглухо закрыта. Она была забита, как я потом узнал, учебниками»².

Одной из главных причин бедности книжных фондов или отсутствия библиотек при деревенских школах Сибири был недостаток денежных средств, отпускаемых на их нужды. Средства эти могли поступать по разным каналам: от училищной администрации, от сельских и волостных обществ из земских и мирских сборов, от целевых благотворительных пожертвований частных лиц, из бюджета той организации, которая создала библиотеку, и т. д. Но общие суммы де-

¹ Подсчитано по: РГИА. – Ф. 91. – Оп. 3. – Д. 391. – Л. 37–526; Д. 392. – Л. 27–92; Д. 397. – Л. 116–182; Д. 403. – Л. 23; Д. 937. – Л. 330; Д. 941. – Л. 36–263; Д. 942. – Л. 92–404; Д. 943. – Л. 1–381; Д. 944. – Л. 13–329; Д. 945. – Л. 160–311.

² Ростовцев И. Г. На краю света: записки очевидца. – М., 1985. – С. 207.

нежных средств были небольшими. По данным школьной переписи 1911 г., средний годовой совокупный доход на учебные пособия и книги в одном деревенском училище Западной Сибири составлял 58,6 р., в Восточной Сибири – 87,1 р. (по Российской империи в целом соответствующий показатель равнялся 56,2 р.)¹. Для сравнения напомним, что близкую сумму в 53–54 р. составлял в это время годовой расход на одну душу в бюджете среднего бедняцкого крестьянского хозяйства в Томской губернии².

Существующий порядок комплектования школьных библиотек книгами также не способствовал быстрому пополнению книжного фонда. Учителя представляли в волостное правление списки необходимых книг, которые затем передавались окружному исправнику. Последний, получив определенную сумму для приобретения книг училищам своего округа, составлял реестр и представлял его смотрителю училищ для проверки на благонадежность литературы, согласно утвержденному МНП и Синодом списку. Затем реестр возвращался исправнику³. Занятые своими непосредственными обязанностями, исправники, как правило, оставляли это дело на долгое время без исполнения и обычно выписывали книги несвоевременно из известных им книжных магазинов, поэтому какая-либо система в подборе литературы отсутствовала⁴. Иногда приобретались книги очень дорогие (до 85 р.), но мало востребованные читателями. Ревизовавший сеть сельских училищ Западной Сибири в 1893 г. Б. И. Сциборский отмечал, что почти все библиотеки в приходских училищах «составлялись более или менее случайно». Хотя некоторые училища имели относительно большую библиотеку, в ней зачастую было мало книг «полезных», многие издания «валяются в шкафах, как бесполезный хлам», а изредка встречаются даже и «недозволенные»⁵.

¹ Однодневная перепись начальных школ... – С. 29.

² Горюшкин Л. М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX). – Новосибирск, 1967. – С. 254.

³ В конце 1880-х – начале 1890-х гг. заботы о снабжении книгами библиотек сельских училищ в Томской и Тобольской губерниях были возложены на крестьянских начальников, что впрочем, по мнению Б. И. Сциборского, не привело к желаемым результатам, так как по-прежнему всё зависело от личности чиновника. В связи с этим автор предлагал передать обязанность комплектования библиотек директорам и смотрителям училищ.

⁴ ГАТО. – Ф. 126. – Оп. 1. – Д. 672. – Л. 82–83.

⁵ Там же. – Л. 101.

Особенно неудовлетворительно обстояло дело с формированием книжного фонда (даже учебной литературы) в церковноприходских школах. Одним из главных источников его пополнения являлись книжные склады при епархиальных училищных советах, находившиеся в ведении хозяйственного отделения Синода, из которых книги рассылались по училищам, но этого было недостаточно: «... Во многих школах их так мало, что затруднительно правильно вести занятия». В Ключевской школе на Алтае Б. И. Сциборский обнаружил всего пять книг на 15 учеников. Что касается наличия книг для чтения, то они, по сведениям ревизора, полностью отсутствовали почти во всех школах данного типа и в Тобольской, и в Томской епархиях¹. Согласно официальному отчету Барнаульского отделения Томского епархиального училищного совета за 1900 г., 112 школ грамоты из 192, функционировавших в уезде, библиотек не имели. Из 40 церковноприходских одноклассных училищ «сравнительно полные» библиотеки, содержавшие от 248 до 478 экземпляров книг, имели 7 школ, в 5 училищах библиотек не было совсем, в остальных количество книг было небольшим: от 60 до 200 экземпляров². По мнению самих руководителей отделения, «библиотеки для внеклассного чтения отличаются крайней скудностью»³. Это типичное для всей сельской местности Сибири положение заставляло учителей иногда ограничивать выдачу книг из библиотечного фонда взрослым крестьянам. «Взрослым [книги из школьной библиотеки] не даю, хотя многие просят... Библиотека так мала и ветха, что скоро ученикам нечего будет читать», – под этими словами учителя Маслянинской школы Барнаульского округа⁴ могли бы подписаться в 1894 г. многие сибирские учителя.

Формальное выделение училищных, учительских и народных библиотек при школах на практике в известной степени обеспечивалось специфическим подбором литературы в каждой из них. Но поскольку всё же часть библиотечных фондов составляли книги и периодика, пригодные для чтения любым грамотным человеком, среди читателей библиотек всех типов можно было видеть и подростков, и взрослых крестьян.

Самую многочисленную группу читателей составляли учащиеся школ. Как мы указывали выше, в предыдущем разделе монографии, это

¹ Там же. – Л. 121.

² Там же. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 1804.

³ Там же. – Л. 22.

⁴ [Рылова Е. П.] Указ. соч. – С. 68–69.

относится не только к школьным библиотекам, но ко всем общественным библиотекам, функционировавшим в селениях Сибири. В 1911 г., например, среди 35 620 читателей библиотек, открытых при участии Общества содействия устройству бесплатных библиотек-читален в Томской губернии, учащиеся составляли 41 %, подростки, недавно окончившие школу, – 24 %, а взрослые сельчане – всего 35 %¹.

Чтение школьников, как правило, стимулировалось, направлялось и контролировалось учителями и священниками-законоучителями. «Грамотеи»-школяры нередко читали литературу не только «про себя», но и вслух другим членам своей семьи, иногда – и собравшейся группе соседей-односельчан. Корреспондент «Восточного обозрения» из Минусинского округа Енисейской губернии в 1889 г. рассказал о том, «какую перемену в семье делает книжка, принесенная учеником [из школьной библиотеки] домой на праздник, как внимательно слушает семья, когда 8–9-летний мальчуган усядется за стол читать книжку. Правда, сначала ни читающий, ни слушающие многого не понимают, но общее удовольствие замечается с первого же раза. “Слушай-ка, мать, – говорит отец ученика, – Васютка-то как читает – так и режет”. Со временем как читающий, так и слушатели начинают понимать доступное им»². Мемуаристка Ф. С. Глухих вспоминает, что в детстве, в 1914–1915 гг., будучи школьницей в д. Лопаревой Курганского уезда Тобольской губернии, читала вечерами газеты по требованию малограмотного отца³. Подобных примеров в источниках очень много.

Имеется немало свидетельств тому, как пользовались книгами из школьных библиотек иные из детей, овладевавших грамотой «самоуком» или в «домашней» школе, не имея возможности регулярно посещать официальное училище. Окончив школу или вынужденно покинув ее до окончания курса, некоторые из молодых крестьян продолжали брать книги из школьной библиотеки, развивая чтением полученные в классе небогатые знания, умения и навыки.

Взрослые крестьяне и сельчане из некрестьянских сословий тоже имели непосредственный доступ к этим библиотекам. Принимая ре-

¹ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 183. – Д. 337. – Л. 8.

² *Сибирский крестьянин*. Грамотность и школы в Минусинском окр. // Вост. обозрение. – 1889. – 20 февр.

³ *Глухих Ф. С.* Из неведомого мира // Красен человек ученьем: материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 1995. – С. 74.

шение о выделении средств на создание и содержание деревенской библиотеки, они часто мотивировали свои действия, подобно жителям Семилуженской волости Томского уезда одноименной губернии в 1902 г.: «Устройство в нашем селении ... библиотеки полезно, а потому и желательно. Она даст возможность грамотным людям из среды нашего общества не забывать грамоты, а также приобретать полезные сведения, необходимые для просвещения и для занятий сельским хозяйством, ремеслами и промыслами. Неграмотным людям библиотека даст возможность в свободное от работы время послушать чтение хорошей книги»¹.

Как уже было отмечено, потребность взрослых крестьян Сибири в чтении («охота к чтению»), удовлетворять которую и направлять «в нужное русло» призваны были, прежде всего, народные библиотеки, имела тенденцию к росту. Источники свидетельствуют, что обращение этой категории сельского населения в библиотеки было делом нередким. Имеются сведения о значительном количестве читателей-крестьян в отдельных библиотеках. Так, в 1893/94 учебном году из училищной библиотеки с. Сергиевского Томского округа брали литературу 30 крестьян, им было выдано 130 экземпляров книг². Среди читателей Ашлыкской центрально-учительской библиотеки Тобольского уезда одноименной губернии в 1915 г. было 29 крестьян и только 14 учителей³. По свидетельствам лиц, заведовавших библиотеками, крестьяне обычно разбирали всю имевшуюся литературу, зачастую спрос на книги значительно превышал возможности пришкольных библиотек. Б. И. Сциборский также отмечает, что «на предлагаемые во всех школах вопросы, берут ли из школьных библиотек крестьяне книги ... везде получался один и тот же ответ, что крестьяне и малые, и взрослые охотно берут книги и даже нет возможности удовлетворить всех просящих»⁴. Заведующий одной из сельских библиотек Томской губернии описывал эпизод со взрослым 45-летним крестьянином. Возвращая книгу П. Ф. Якубовича «Из мира отверженных» и передавая ее содержание учителю, он «вдруг почти навзрыд заплакал, переживая душой страдания ее героя»⁵. Страсть к чтению у

¹ ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 5258. – Л. 13–14.

² РГИА. – Ф. 91. – Оп. 3. – Д. 945. – Л. 257.

³ ГА в Тобольске. – Ф. 5. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 29.

⁴ ГАТО. – Ф. 126. – Оп. 1. – Д. 672. – Л. 101.

⁵ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 183. – Д. 337. – Л. 13–14.

некоторых крестьян была так сильна, что они отдавали этому занятию любую свободную от хозяйственных и семейных дел минуту. Случалось, что книги носили даже на гумно и читали их там «при свете овинного огня при сушке хлеба»¹.

Со временем менялся характер той литературы, которую крестьяне искали в библиотеках. Современники отмечали следующие тенденции: возрастал спрос на хорошую художественную литературу в ущерб лубочным изданиям вроде «Бовы-королевича» или «Еруслана Лазаревича», рассчитанным на невзыскательный вкус; всё чаще спрашивали книги и брошюры не религиозного, а светского содержания, особенно научно-популярные по различным отраслям сельского хозяйства; в начале XX в. активнее обращались к периодике, особенно газетной, как источнику оперативной информации о текущих событиях в мире. При этом библиотеки сами по себе выступали в качестве фактора, обуславливающего прогрессивные перемены в круге чтения сельчан: чем больше люди читали, тем взыскательнее подходили к выбору литературы там, где такой выбор был возможен.

Рассмотренные в данном разделе материалы показывают, что школьные библиотеки занимали ключевые позиции в деревенской библиотечной сети Сибири в конце имперского периода. Обслуживая формирующиеся культурные и духовные потребности не только учителей и учащихся, но и значительной части грамотных взрослых сельских жителей, они внесли заметный вклад в распространение просвещения и культуры в деревне. Этот вклад со временем увеличивался в процессе развития библиотечной сети. Однако прогрессивная роль школьных библиотек не могла эффективно реализоваться вследствие их малочисленности и плачевного состояния фондов. «Читатель найдется теперь и в сибирской деревне, но ему читать нечего»², – утверждал один из сельских учителей-библиотекарей Томской губернии в 1910–1912 гг. С учетом фактов, приведенных в нашей монографии и работах других историков, это утверждение можно считать верным в его первой части и слишком категоричным во второй: при большом желании книгу для чтения во многих селениях уже можно было найти.

Подводя итог, хочется отметить, что в сибирской деревне конца XIX – начала XX в. происходило формирование устойчивой тенденции роста интереса к чтению среди деревенского населения, что нахо-

¹ Там же.

² Там же. – Л. 108.

дило выражение и в расширении востребованности печатной продукции, изменении круга чтения различных возрастных категорий крестьян. В среде земледельцев появляются отдельные лица и группы людей, для которых чтение становится жизненной потребностью, определяя формирование системы ценностей, меняя отношение к миру и к человеку в этом мире. От чтения эпизодического, характеризующегося случайностью выбора («что попадет под руку») некоторая часть аудитории переходит к чтению постоянному, основанному на собственном осознанном выборе. Таким образом, можно говорить не только о формировании читательской аудитории в крестьянской среде, но и об ее дифференциации. Выделяется несколько групп читателей «по интересам». Во-первых, это крестьяне, обращающиеся к религиозной или религиозно-нравственной (духовной) литературе. Эта группа, традиционно существовавшая в крестьянской среде, остается, еще многочисленной, но уже не она формирует вектор развития читательских интересов. Наряду с ней складываются как минимум еще две относительно устойчивые группы читателей-крестьян: те, кто интересуется светской литературой разного жанра, от беллетристики до классики, от прозы до поэзии и, наконец, группа читателей, для которых чтение является полезным в плане практического применения полученных из печатной продукции знаний. Это крестьяне, обращающиеся постоянно к специальной литературе (сельскохозяйственной, медицинской и пр.) и применяющие полученную информацию в своей хозяйственной деятельности, общественной активности или семейном быту.

Формирование этих групп происходит медленно, так как выбор «материала для чтения» продолжает оставаться ограниченным, несмотря на успехи в развитии книжного дела в стране и в Сибири. Но, тем не менее, именно эти тенденции «внутреннего» развития крестьянской читательской аудитории подготовили и сделали возможным «скачок» читательского интереса, ставшего массовым явлением в 1920–1930-е гг., когда стало уже возможным говорить о радикальном изменении общественного сознания сельского населения Сибири.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конец XIX – начало XX столетия в российской и, в частности, сибирской истории можно трактовать как время вступления деревни и крестьянства – наиболее многочисленной категории россиян – в первую фазу модернизации традиционного общества и народной культуры. Ключевым элементом модернизации является наметившееся изменение системы ценностей сельских жителей. Важную роль в этом процессе эволюции патриархальных ценностей в модернизированные (буржуазные) играло изменение отношения крестьянства к продуктам городской культуры, в частности, к грамотности как таковой, к источникам и каналам ее приобретения, способам применения, изменение отношения к книге и печатному слову в целом, и это явление можно назвать словом просвещение.

В нашей книге рассмотрены материалы о важнейшем в условиях конца XIX – начала XX в. направлении просвещения русского крестьянства Сибири – распространении и функционировании в его среде общей грамотности. Тенденция изменения отношения сибирского крестьянства к вопросам просвещения в рассматриваемый период прослеживается достаточно ясно, в его среде развивается и углубляется потребность в знаниях, умениях и навыках общеобразовательного характера. Этот социально-психологический процесс был обусловлен действием комплекса общественно-экономических, политико-правовых и культурных факторов. Его глубинную основу составляло развитие рыночных отношений. Эволюция производительных сил и становление системы товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве и обрабатывающих промыслах приводила сельских жителей к осознанию необходимости приобретения грамотности как важного средства адаптации к новым условиям. Наметившееся капиталистическое перерождение крестьянства обуславливало эрозию патриархальных представлений в области культуры и просвещения, разрушение традиционных механизмов общинного контроля, нивелировавших грамотность крестьян на низком уровне.

Переселенческое движение из Европейской России в Сибирь, внутрисибирские миграции разрушали замкнутость крестьянского мирка. Переселенцы, более грамотные в своей основной массе, чем сибирские крестьяне-старожилы, являлись носителями новой информации, катализаторами растущей активности деревенского «мира» в его требованиях улучшения школьного и внешкольного образования.

Либеральные реформы второй половины XIX – начала XX в. объективно знаменовали собой создание более благоприятных условий для приобретения грамотности и приобщения к книжной культуре, чем в предшествующий период. Активная роль сельских обществ в деле развития просвещения в определенной степени допускалась и стимулировалась обновленной системой крестьянского самоуправления. Несомненное развитие сети начальных учебных заведений и библиотек в деревне было результатом школьных реформ и последующих преобразований в этой области. Приобщение к грамоте многих мужчин происходило во время службы в армии после реформы 1874 г. Просвещение сибирской деревни продвинулось вперед также в результате активизации деятельности общественных просветительских организаций, кооперативов, частной инициативы. Имели значение также усилия правительственных и церковных органов по распространению общей грамотности и книжной культуры.

Для изучаемого периода характерен наметившийся переход определенной части деревенских жителей от утилитарного отношения к грамоте как средству удовлетворения элементарных хозяйственных богослужебных и бытовых потребностей к осознанию общекультурного значения получаемой с помощью грамоты информации как основы саморазвития личности. В то же время полунатуральный характер крестьянского хозяйства, сословное неравноправие, сохранение полуфеодальных повинностей, слабое развитие просветительской сети, неэффективная система управления школьным делом, личная незаинтересованность многих чиновников сдерживали как развитие потребности крестьянства в просвещении, так и удовлетворение этой потребности.

Важнейшими количественными показателями образовательного уровня крестьянства изучаемого периода можно считать долю хотя бы элементарно грамотных в общей численности сельского населения; удельный вес крестьянских дворов, содержавших в своем составе грамотных членов, и относительное количество последних в этих

дворах; количество грамотных жителей в определенном населенном пункте, сельском и волостном крестьянском сообществе; соотношение количества грамотных мужчин и грамотных женщин; долю детей, обучающихся в школе, в общем количестве детей школьного возраста. Анализ всех этих показателей по сельской местности Сибири показывает, что образовательный уровень крестьянства на протяжении всего изучаемого периода имел тенденцию к росту, хотя и оставался достаточно низким, что не соответствовало потребностям общественного развития.

Качественными показателями уровня грамотности можно условно считать в данном случае долю в общем количестве грамотного населения тех лиц, которые умели не только читать, но и писать, считать, т. е. овладели умениями, предусмотренными программой начального образования; количество крестьян, получивших среднее и высшее образование. К этой группе относятся и лица, степень владения знаниями, умениями и навыками которых позволяла реализовать их в условиях собственной хозяйственной практической деятельности или для последующего самообразования хотя бы путем чтения литературы. Качественные показатели грамотности сибирских крестьян конца XIX – начала XX в. трудно назвать удовлетворительными даже применительно к концу изучаемого периода. Были широко распространены рецидивы неграмотности, значительная часть номинально грамотных могла лишь с трудом поставить свою подпись под документом. Среднее и высшее образование могли получить считанные единицы лиц из крестьянского сословия.

Образовательный уровень существенно отличался в различных социальных, сословных, конфессиональных, локально-территориальных слоях и группах деревенского населения Сибири. Наиболее высок он был в среде формирующейся сельской буржуазии, в сословных группах казачества и политических ссыльных, в конфессиональной группе старообрядцев, в местностях, прилегающих к городам, железной дороге, трактам, а также в крупных селениях, имеющих торгово-промышленное и административное значение, исправно работавшие школы и библиотеки.

Анализ образовательного уровня крестьянства Сибири в исторической динамике показывает, что период конца XIX – начала XX в. стал временем улучшения количественных и качественных показателей. Этот процесс, затрагивая оба социальных полюса деревни, объ-

активно способствовал росту общественной, в том числе и политической, активности крестьянства. Темпы роста образовательного уровня сибирского крестьянства отставали от насущных потребностей как общества в целом, так и самого крестьянства, они могли обеспечить достижение всеобщей грамотности этой категории населения лишь в далекой перспективе.

Конец XIX – начало XX в. характеризуются незавершенностью процесса складывания системы начальных учебных заведений, которые были призваны, по мнению административных и церковных официальных органов власти, обеспечивать воспитание и обучение подрастающих крестьянских детей. На протяжении изучаемого периода в сельской местности Сибири функционировали начальные школы различных ведомств с разными программами и сроками обучения. Ведущую роль играли училища, в административном и учебном отношении подчиненные Министерству народного просвещения или Синоду, а также «домашние» школы, создаваемые самими крестьянами. Определяющими тенденциями развития школьной системы в начале XX в. стало вытеснение школ других типов училищами МНП, появление сети двухклассных сельских училищ, повышение доли учителей, имеющих специальную подготовку.

Степень развития школьной сети в Сибири не удовлетворяла растущие потребности крестьянства. Увеличение общего числа начальных школ шло недостаточно высокими темпами, материальная база школ различного типа, характер и качество их функционирования далеко не всегда соответствовали запросам сельского населения. Позитивную оценку получали чаще всего школы, в которых учителя с любовью и ответственностью относились к своему делу, стремились приблизить обучение к жизни, демократизировать процесс обучения и воспитания, общения с родителями учащихся. Передовые учителя сельских школ являлись проводниками прогрессивных, а иногда и революционных общественных идей и научных знаний.

В Сибири изучаемого периода официальные власти не смогли создать эффективных форм массового специального (сельскохозяйственного и ремесленного) просвещения крестьянства. В этих условиях значительное распространение получили проекты совмещения в начальных школах общеобразовательной и специальной подготовки. Они исходили от представителей различных секторов общественно-политического движения, а также из среды самих крестьян. Для кон-

серваторов с идеей введения специальной подготовки была связана надежда на сокращение в школьной программе доли общеобразовательных предметов, для либералов – на умеренно-демократическое реформирование школы, введение полноценного общего образования, и это отвечало интересам самого крестьянства.

Начальные школы как основной канал проникновения в среду крестьянства общих научных знаний дополнялись в сибирской деревне школьными, сельскими и волостными (народными) библиотеками, которые играли заметную роль в становлении и развитии грамотности и связанной с ней книжной культуры крестьянства, в формировании и поддержании интереса к знаниям со стороны вышедшей уже из школы молодежи и взрослых крестьян.

Полученные в школе или «самоуком» знания и умения грамотные крестьяне использовали в основном для решения вопросов экономического и бытового характера. Чтение книг и реже периодических изданий, составление прошений и жалоб, чтение и написание писем, ведение записей домашнего обихода, богослужение у старообрядцев-беспоповцев – вот основные способы применения грамотности. На протяжении изучаемого периода происходили ощутимые сдвиги в сторону расширения и углубления сферы применения знаний. Расширялся круг чтения сельских жителей.

Ученые доказали, что в XVII – первой половине XIX в. переселенцы из Европейской России везли с собой за Урал книги, наряду с самым необходимым для своего первоначального устройства, а затем в своей многотрудной жизни на новых землях занимались их перепиской и созданием собственной новой крестьянской литературы. Установлено, что в традиционном образе жизни русского крестьянства книги играли важную роль хранилища и транслятора накопленного общественным сознанием ценностей гносеологического, нравственного и мировоззренческого характера.

В последующий период, и наиболее явно в конце XIX – начале XX в., при наметившейся модернизации всех элементов культуры и образа жизни крестьянства, функции книг и периодических изданий становились всё более важными и многообразными, а масштабы распространенности чтения – более обширными.

Наиболее тесным образом с печатным словом была связана в изучаемый период сфера *познавательной активности* крестьянства – изучение природных и общественных условий жизни. Традиционные,

преимущественно внеписьменные, способы добывания, сохранения, передачи знаний о свойствах природной среды, о событиях прошлого и современных особенностях общественной ситуации всё более эффективно дополнялись знакомством с литературой на эти темы. Для крестьян, переезжавших из Европейской России, специальные издания для переселенцев часто являлись важным источником представлений о потенциальных местах вселения. Произведения художественной и научно-популярной литературы для грамотных крестьян и их окружения были едва ли ни единственным источником знакомства с условиями и формами жизни людей в других странах и в тех группах населения России, с которыми у сибирских крестьян не было непосредственных контактов.

Стержневой, системообразующей сферой образа жизни крестьян была разнообразная *хозяйственная деятельность* (земледелие, животноводство, добывающие и обрабатывающие промыслы). Уже на заре модернизации в процессе ослабления патриархальной замкнутости деревенского мирка заметно усиливалось стремление определенной части крестьян к использованию чужого опыта, достижений научной и практической мысли, изложенных в научно-популярных книгах, брошюрах и специализированных периодических изданиях.

Экономическая практика крестьян дополнялась практикой *общественной деятельности* – участия в классовой борьбе, общинном самоуправлении и т. д. Брошюры и листовки, распространявшиеся в деревне революционными партиями, группами буржуазных либералов, а также официальные издания, пропагандировавшие идею преданности «вере, царю и Отечеству», являлись важным каналом знакомства сельчан с установками различных общественно-политических сил в стране, средством мобилизации тех или иных групп крестьянства на поддержку этих сил. Сборники законодательных актов, публиковавшиеся в периодике распоряжения центральных и местных властей были руководящими документами для тех крестьян, которые участвовали в работе волостных и сельских органов управления и суда, школьных и библиотечных попечительств и т. д. Одновременно – предметом изучения некоторых других сельчан в случае их вступления в контакт со светскими и церковными органами управления и суда.

Демографическое поведение крестьян Сибири изучаемого периода было слабо затронуто инновациями, связанными с влияниями книг и периодической печати. В то же время *социализация подрастающих*

поколений даже в традиционной ее форме подразумевала знакомство с некоторым количеством текстов из церковных книг. В конце XIX – начале XX в. в условиях развития школьного образования в сельской местности довольно широко распространялась учебная литература духовного и светского содержания, активно используемая учителями и законоучителями для обучения и воспитания детей.

Поскольку грамотность русского крестьянства росла, более широкий круг сельских жителей мог участвовать не только в «потреблении», но и в «производстве» печатной продукции. Изредка публиковались книги, написанные крестьянами или недавними выходцами из крестьянской среды; часть таких книг продолжала ходить в рукописном виде. Стихи, очерки, заметки, корреспонденции на местные темы печатали периодические издания, местами сеть их добровольных корреспондентов в селениях была довольно устойчивой. Все чаще выходили сборники, журнальные и газетные подборки фольклора, записанного собирателями в среде русского крестьянства Сибири.

В период капитализма, особенно в годы военных и революционных потрясений, усиливалась роль книг и периодики в *системе общения* крестьян. Прочитанное в газетах и листовках становилось поводом для повседневного обсуждения, материалом для коллективного осмысления, результаты которого сказывались на отношении крестьянства к окружающей его социальной действительности.

Для специалистов, в конкретно-историческом плане изучающих вопросы, связанные с культурой и образом жизни русского крестьянства Сибири конца XIX – начала XX в., очень важными аспектами темы в будущем неизбежно станут следующие вопросы, составляющие цельную программу исследования.

1. Причины социально-экономического, политического, социокультурного характера, обусловившие развитие интереса крестьянства к книге и периодической печати, а также факторы, сдерживавшие развитие этой потребности, соотношение различных групп факторов применительно к разным категориям крестьянства и различным субрегионам Сибири. Объективные возможности удовлетворения интереса крестьянства к печатному слову (состояние грамотности населения, книжной торговли, сети библиотек, школьной просветительской сети и пр.). Политика светских и церковных властей, деятельность местных чиновников разных уровней, в том числе и от образования, позиция буржуазно-либеральных кругов, действия революционеров

по развитию культурных и духовных потребностей сельского населения, по созданию возможностей для их удовлетворения.

2. Круг печатной и рукописной литературы, обращавшейся в селениях Сибири. Количество и номенклатура художественных, общественно-политических, научно-популярных и нравственно-религиозных изданий. Анализ их содержания. Способы проникновения их в крестьянскую среду. Круг литературы, создаваемой с участием самих крестьян: жанры, содержание, направленность.

3. Формы приобщения крестьянства к книгам и периодике. Место собственного «литературного творчества» в образе жизни определенных групп сельских жителей. Прагматические функции печатного и рукописного слова (гносеологическая, нормативная, мировоззренческая и др.), формы и результативность его использования в сфере общения, хозяйственной и общественной деятельности, познавательной активности, социализации детей и молодежи. Характер и результаты взаимодействия «книжного знания» с данными эмпирического опыта, накопленного многими поколениями предков. Роль «книжных знаний» в деле реформирования условий жизни и образа жизни крестьянства в меняющихся экономических и социально-политических условиях.

4. Периодизация процесса развития изучаемых социокультурных явлений, характеристика выделенных этапов. Общее и особенное в процессе влияния книг и периодических изданий на образ жизни сельских и городских жителей Сибири, отдельных местностей региона. Специфика изучаемого предмета в среде различных субрегиональных, классовых, сословных, конфессиональных, этнографических категорий крестьянства.

Кроме того, актуальными на сегодняшний день, на наш взгляд, становятся вопросы, связанные с меценатством и благотворительностью в сфере просвещения, с ролью и самоидентификацией, личностной и профессиональной, сельского учительства. Наконец, интерес представляет обращение к методической стороне обучения в сельских школах (цели, средства и приемы обучения), что позволит более конкретно выявить и оценить результаты обучения, понять степень эффективности существовавшей системы образования на уровне начального обучения.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА СИБИРИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

А. Из «Отчета о состоянии сельских училищ в Тобольской и Томской губерниях» Б. И. Сциборского¹

[г. Томск]

[1893 г.]

[НАЧАЛЬНЫЕ СЕЛЬСКИЕ (ПРИХОДСКИЕ) УЧИЛИЩА]

[...] После некоторых общих замечаний о положении учебного дела в сельских училищах Тобольской и Томской губерний представляется частное обозрение их по округам сперва Тобольской губернии, а затем и Томской.

¹ Отчет составлен по результатам ревизии начальных сельских (приходских) училищ Западно-Сибирского учебного округа, а также осмотра церковноприходских школ и школ грамоты Тобольской и Томской православных епархий, с привлечением делопроизводственной документации, хранившейся в местных архивах, и публикаций губернской печати. Автор – проводивший ревизию по поручению Министерства народного просвещения статский советник, бывший директор училищ Акмолинской и Семипалатинской областей, затем – Томской губ., в момент ревизии – директор Череповецкой учительской семинарии Новгородской губ.

Некоторые фрагменты источника нами напечатаны: *Сциборский Б. И.* Отчет о состоянии сельских училищ в Тобольской и Томской губерниях // Красен человек ученьем: материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.). – Новосибирск, 1995. – С. 56–70; *Зверев В. А., Зверева К. Е.*: 1) Церковноприходские школы Западной Сибири второй половины XIX в. (по материалам ревизии Б. И. Сциборского) // Сибирский педагогический журнал. – 2004. – № 1. – С. 159–170 (переизд.: Сибирский педагогический журнал. – 2007. – № 2. – С. 192–199); 2) Начальные сельские училища в округах Западной Сибири конца XIX в. (по данным ревизии Б. И. Сциборского) // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 1. – С. 204–216.

Тобольская губерния

Курганский округ.

В Курганском округе на 1 января 1893 г. сельских училищ состояло 56; в том числе 3 мужских, 3 женских и 50 для обоого пола; расположены они в 53 селах, отстоящих одно от другого от 10 до 30 и более верст. Учащихся в них было 1763 мужского и 606 женского пола, а всего 2369, т. е. средняя школа имела 42 ученика. Из них окончило курс 124 мальчика, более прошлого года на 5 человек, и 15 девочек, менее прошедшего года на 7 девочек. В 1891–1892 гг., столь тяжелых для крестьян Курганского, Ялуторовского и Ишимского округов, число учащихся значительно уменьшилось против прежних лет, потому что по причине повсеместного голода родители учеников, желая сбыть детей со своего хлеба, отбирали их из училищ и отдавали из-за одного содержания в работники; многим бедность не позволяла даже кое-как одеть детей своих, и они оставались дома, — этим и объясняется большая убыль учащихся в это время; но зато в нынешний год число вновь поступивших было весьма велико, так что в общем число учащихся не менее, а ... более против всех предшествовавших лет.

Из 17 осмотренных училищ 11 следует признать весьма удовлетворительными и 6 — удовлетворительными. Из предметов преподавания Закон Божий поставлен слабее других предметов. Хотя среди законоучителей встречались весьма усердно и с успехом занимающиеся своим предметом, как о[тец] Желинцкий (Утятская школа), Редкин, Медяков и другие, но в большинстве школ оказались слабые успехи по этому предмету; это объясняется отчасти тем, что священники, слишком занятые требоисправлением, редко посещают школу, отчасти же неумением их вести дело преподавания; в первом случае учителя и учительницы по мере возможности занимали свободные уроки законоучителей, но, как видно, довольно небрежно относились к этому делу; во втором случае дело это оказывается совершенно непоправимым, так как слабые законоучители — или уже очень старые люди, или же домашнего образования из причетников, а потому обучение ограничивают требованием только заучивания наизусть по книге, так что дети не только событий из священной истории толково пересказать не могут, но вовсе не понимают даже повседневных молитв; следовательно, школа не дает им ни прочности, ни основательности знаний в самом важном учебном предмете. Гораздо лучше идет обучение родному языку, в особенности же успешно ведется обучение арифметике, так что ни в одной школе не приходилось заметить безуспешности по этому предмету.

Как один из недостатков школы следует отметить неудовлетворительность помещений ее, из числа осмотренных школ только 10 помещаются в довольно удобных зданиях, остальные же, приютившиеся в наемных домах, положительно страдают от неудобств во всех отношениях.

Из объяснений с волостными старшинами и сельскими старостами оказывается, что сельские общества сильно обеднели от постигшего их неурожая и едва ли в скором времени будут в состоянии построить удобные здания для школ, хотя сами они сознают настоятельную в том необходимость. Действительно, после двухлет-

них неурожаев, от которых крестьяне могут оправиться десятками лет, так как большинством населения за бесценок распродано движимое и недвижимое имущество, трудно рассчитывать на материальное улучшение школы.

Ялutorовский округ.

Учащихся в 34 школах округа было на 1 января 1893 г. 1183 (в том числе 950 мальчиков и 233 девочки), т. е. средняя школа имела 34,8 ученика; из них окончило курс 94 (74 мальчика и 20 девочек), т. е. каждая средняя школа выпустила 2,84 ученика, что составляет 8 % общего числа учащихся [одной школы]. Из 10 осмотренных школ 7 оказались вполне удовлетворительными, а 3 школы признаны малоудовлетворительными. Вполне добросовестное отношение учащихся к своим обязанностям и успешные результаты занятий особенно определились в школах: Исетской, Кодской, Мостовской, Шатровской, Емуртлинской, Новозаимской, Плетневской и Верхнеозерской, а слабее других оказалась учительница Суерского училища Безсонова, малоспособная и небрежно относящаяся к делу обучения.

Успехи по Закону Божию ниже, чем по другим предметам школьного обучения; это объясняется главным образом невозможностью со стороны законоучителей при массе прямых обязанностей заняться надлежащим образом школою, хотя и встречаются весьма отрадные явления; так, в Ша[тро]вском училище успехи по Закону Божию вполне удовлетворительны: ученики толково читают молитвы, заповеди и Символ веры и правильно объясняют их, а также прекрасно рассказывают из священной истории; видно, что законоучитель вполне добросовестно и сердечно относится к своему делу; тоже хорошо идет дело и в Исетском училище. Обучение отечественному языку и арифметике ведется вообще довольно успешно за весьма незначительными исключениями.

Как на выдающееся явление в этом округе следует указать на образцовое устройство сельской школы в с. Кодском, для которой купцом Колосовым, ее попечителем, построено очень хорошее двухэтажное здание; притом она богато снабжена учебными пособиями и отличается многими удобствами; кроме того, основателем ее пожертвован капитал, проценты с которого частью идут на удовлетворение нужд училища, частью – в пособие к жалованию учителя; в нижнем этаже школы имеется помещение для [проживания] мальчиков из соседних деревень, а также мастерская, где обучаются ремеслам. Помещения остальных училищ можно признать удовлетворительными, [но] только собственно им принадлежащие, а наемные поражают темнотою, холодом, сыростью – вообще крайне неудобные.

Тюменский округ.

К 1 января 1893 г. [в округе] состояло 28 сельских училищ, в которых обучались 701 мальчик и 215 девочек, а всего – 916 [человек], т. е. средняя школа имела 32,7 учеников; из них окончило курс 102 (93 мальчика и 9 девочек).

Из 28 сельских училищ одно Заводо-Успенское ведомства Министерства народного просвещения содержится на счет казны, два – на счет учредителей,

два – на проценты пожертвованных капиталов, а два – частными лицами. Все эти училища в материальном отношении хорошо поставлены, в особенности Алексеевское-Переваловское, почетный попечитель которого купец Подаруев содержит на полном иждивении 20 мальчиков, живущих до окончания курса в особо устроенном для них приюте, где занимаются также ремеслами; кроме того, законоучителя и учителя во всех этих училищах получают добавочное содержание, а училище – пособия на хозяйственные расходы. Остальные училища содержатся на счет сумм частных волостных повинностей, как и прочие училища Ведомства государственных имуществ.

В 8 осмотренных училищах дело обучения поставлено весьма удовлетворительно, исключая Покровское, где учительница очень слаба и небрежно относится к делу. Даже познания по Закону Божию в некоторых училищах оказались основательнее, чем в школах других округов, если этого нельзя приписать случайности; впрочем, из некоторых объяснений оказалось, что при прохождении этого предмета весьма деятельное участие принимали учителя, чем содействовали успешным результатам. Школьные дома, принадлежащие осмотренным училищам, оказались довольно поместительными и удобными, хотя встречались и не вполне исправные.

Тобольский округ.

В 23 училищах Тобольского округа обучалось 629¹ [человек], в том числе 554 мальчика² и 45 девочек; из них окончило курс 40 человек (36 мальчиков, 4 девочки), средняя школа довольно бедна – только 27,8 [учеников].

Осмотрено 11 сельских школ, большинство которых оказалось только удовлетворительными, а три школы, особенно Карачинская, – неудовлетворительны; в последней два мальчика, проучившись три года, не знали молитв; русский язык и умственное счисление тоже [преподают] плохо; учительница, только что перемещенная в эту школу, не могла дать достаточных объяснений причины неуспешности.

По расследованию оказалось, что условия, неблагоприятные для учебного дела в Тобольском округе, главным образом заключаются в следующем: 1) частое перемещение учительниц без уважительных причин; не понравилось село учительнице – она подает просьбу губернатору и тотчас же переводится в другое село: есть школы в Тобольском округе, в которых с 1881 г. по 1893 г. переменилось 10 учительниц; 2) назначение учительниц без предварительного ознакомления с их педагогической пригодностью, и 3) самым важным препятствием к более успешному ходу обучения служит слишком короткий период учения (учебных дней в году от 130 до 140); правильное учение начинается с конца октября и оканчивается официально к 1 мая, в действительности же ученики престают посещать школу с начала полевых работ, т. е. с апреля месяца. Вообще крестьянские дети Тобольского округа ходят в школу только зимою, в конце

¹ Здесь в документе ошибка; следует, вероятно, читать: 639.

² Так ошибочно в документе; следует, вероятно, читать: 594 мальчика.

осени и в самом начале весны; родители берут [домой из школы] даже таких учеников, которые подготавливались к экзамену, и никакие усилия учащихся не могут противостоять этому.

Почти все училища имеют собственные помещения и притом довольно удобные.

Ишимский округ.

К 1 января 1893 г. в 39 училищах этого округа обучался 1451 [ученик] (1080 мальчиков, 371 девочка), средняя школа по количеству учащихся довольно значительна – 37,2; окончило курс 124 (109 мальчиков, 15 девочек). В этом округе, по которому пролегает большая Сибирская [железная] дорога, с каждым годом довольно быстро увеличивается число детей, желающих получить начальное образование; так, в 1889 г. в сельских училищах этого округа обучалось мальчиков и девочек 1010, а к 1 января 1893 г. их уже состоит 1451.

Притом постановка учебного дела в большинстве осмотренных школ (18) весьма удовлетворительна; некоторые из них, как, например, обе Абатские, можно назвать образцовыми; очень хороши также Бердюхская, Гольшмановская, Каменская, Красноярская, Аромашевская, Боровская и другие; плохих же школ в учебном отношении не встречалось, хотя здесь известны случаи применения взысканий с законоучителей за небрежное исполнение своих обязанностей; так, со священника К. В-ва, который, как законоучитель, получал жалованье, но в течение 4 ½ лет вовсе не посещал училища, по распоряжению епархиального начальства взыскано в пользу учительницы 90 руб.; точно так же был оштрафован на 40 руб. в пользу учительницы священник В. Св-в, который в течение 1891/[18]92 [учебного] года не посещал школы; но такие меры строгости являются, конечно, делом случая.

Насколько вообще удовлетворителен подбор учащихся и таковым может быть признан результат их деятельности, настолько неудовлетворительными оказываются школьные помещения, как отчасти и собственные, так в особенности наемные. Это объясняется недостатком строевого леса, ибо округ расположен в степной местности.

Тюкалинский округ.

Учащихся в 17 училищах к 1 января 1893 г. состояло 458 (351 мальчик и 107 девочек), средняя школа имела 27 [учащихся]; окончило курс 50 (43 мальчика и 7 девочек). Все 9 школ, осмотренных в этом округе, можно признать удовлетворительными как по отношению к личному составу учащихся, так и по достигнутым результатам обучения, хотя в общем, особенно относительно внешней обстановки, они несколько уступают школам даже Ишимского округа.

Тарский округ.

К 1 января 1893 г. в 17 училищах этого округа обучалось 418 [человек] ... окончило курс 33; средняя школа имела только 24,6 [ученика]. Округ не отличается густым населением на своем огромном пространстве, чем и объясняется малочисленность детей, посещающих школу.

Осмотренные 8 школ вполне удовлетворительны; между ними Такмыкскую следует признать во всех отношениях прекрасною; учительница ее Мисюрева пользуется особенным доверием со стороны крестьян; так, она дважды подвергалась крупным неприятностям, и оба раза самыми горячими защитниками ее являлись крестьяне. Вообще крестьяне этой местности весьма сочувственно относятся к своим школам, и так как до настоящего времени школьные помещения большею частию были неудобны, то ныне почти повсеместно строят довольно ценные здания для школ. Кроме того, почти во всех школах крестьяне выдают прибавку к жалованью учителям.

[В целом по Тобольской губернии].

Если принять во внимание число селений и количество жителей по волостям Тобольской губернии, то окажется, что распределение школ по волостям вызвано не числом жителей в той или другой волости, а также и не числом детей школьного возраста, так как количество их ни при открытии школ, ни впоследствии в статистических данных в расчет не принимается и даже приблизительно не определено. Очевидно, что открытие школ в волостях обуславливается наибольшею потребностью местного населения в грамотности и нисколько не зависит от числа жителей, а тем более – от количества их детей школьного возраста. Потребность эта, как замечено, вызывается часто торгово-промышленным развитием местности, а главным образом – степенью экономического благосостояния жителей. Это подтверждается особенно тем соображением, что школы открываются почти исключительно по почину и ходатайству самих крестьянских обществ, и что в содержании их, кроме отпускаемых из частных земских сборов сумм, общества обязываются принимать на себя довольно значительную долю расходов: наем и устройство школьных помещений, отопление и освещение их, наем прислуги и ремонт школьной мебели и здания. Расходы эти обыкновенно достигают ежегодно следующих размеров: цена квартиры с прислугою бывает от 40 до 60 руб. в год; с отоплением без прислуги – тоже; с отоплением, освещением и прислугою – от 80 до 120 руб. в год.

Прогрессивное увеличение в течение последнего десятилетия [числа] сельских училищ достаточно свидетельствует в пользу стремления крестьянских обществ к образованию своих детей. Сочувствие это выражается и в материальных пожертвованиях; нередко дома для школ строятся и жертвуются частными лицами с затратою довольно значительного капитала: в Тюменском и Ялуторовском округах существует несколько школ, которые построены и содержатся на пожертвованные частными лицами суммы.

В 95 волостях с тем же числом школ, в которых известно число селений и расстояние их от постоянного нахождения местной школы, считается 1618 селений. Из них на расстоянии от школы до 10 верст – 35,03 %, до 15 верст – 18 %, до 20 верст – 13 %, до 30 верст – 14,16 %, до 35 верст – 9,28 % и даже до 40 верст – 4,03 %¹. Та-

¹ Так в документе; приведенное соотношение неточно, поскольку в сумме получается не 100, а 93,5 %.

кое процентное отношение селений по расстоянию от постоянного местонахождения сельской школы можно приблизительно определить для всех местностей не только Тобольской, но и Томской губерний. Следовательно, 7 % всех русских селений имеют школу; 1/3 часть их находится в ближайшем (до 10 в[ерст]) расстоянии от постоянного местонахождения школ, и затем почти 2/3 селений находятся в таких расстояниях от школ, которые можно считать неустранимым препятствием населению пользоваться своею начальною школою... Вследствие этого в школах из окольных деревень можно считать приблизительно не более 3 % [учеников], все остальные учащиеся принадлежат к тому селению, в котором постоянно находится школа. Вообще приходящих учеников из других селений обыкновенно бывает очень мало, а если есть, то таковые помещаются на квартирах у знакомых или родственников; но большую часть мальчики из других деревень ходят ночевать домой, и только в случае дурной погоды остаются или в школьном помещении, или же у своих знакомых. Если бы сельские школы устраивать более поместительными, чем они строятся теперь, то в училище можно было бы давать приют и ночлег приходящим из других деревень. Кроме того, при таких школах более всего было бы удобно устраивать и занятия ремеслами. [...]

Нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, задержавшее постепенное развитие школы, что, как истекший, так и предшествовавший ему год крайне неблагоприятно отразились на экономическом благосостоянии населения в южных округах губернии: валеж скота и неурожай хлеба подорвали в сильной степени народное хозяйство. Обедневшие вследствие этого крестьяне должны были невольно отодвинуть на задний план заботы об образовании своих детей и все свои усилия направить на обеспечение своего материального существования; поэтому-то в последние годы не только не открывалось в этих местах новых училищ, но даже явилась убыль учащихся в существующих.

Томская губерния

Каинский округ.

К 1 января 1893 г. в 31 училище учащихся было 709 человек (545 мальчиков и 164 девочки); из них окончило курс 65 (50 мальчиков и 15 девочек).

Из 14 осмотренных школ ни одной нельзя назвать плохою, хотя и есть школы, оставляющие желать лучшего; но зато встречались школы, во всех отношениях очень хорошо поставленные; таковы: Спасская, Камышевская, Кыштовская, Каргатская и другие; притом лучшие школы эти отличаются значительным числом учащихся в них. Среди духовенства встретилось несколько законоучителей из окончивших курс семинарии, серьезно и усердно относящихся к своим обязанностям; вследствие чего получают хорошие успехи по Закону Божию; они же стараются и поддержать школу в мнении крестьян; но немало встретилось и плохих законоучителей, индифферентно относящихся к школе и к преподаванию Закона Божия. Состав учащихся более или менее удовлетворителен и обучение по всем предметам ведется довольно успешно.

Помещения осмотренных училищ везде почти удобные, особенно же в этом отношении выдается прекрасное здание Каргатского училища, выстроенного на средства попечителя, который, кроме того, выстроил и содержит ремесленную школу, постоянно вникает в нужды училища и помогает ему. Тоже в с. Спасском имеется прекрасное двухэтажное здание для училища; общество выстроило его с целью ходатайствовать об открытии двухклассного сельского училища с ремесленным отделением.

Томский округ.

Округ этот имеет наибольшее число сельских школ – 56 и учащихся в них к 1 января 1893 г было 1519 (1088 мальчиков и 431 девочка), средняя школа имела 27,1 учеников. Здесь есть волости, в которых по нескольку училищ; так, в Ишимской – 10, в Богородской и Семилужной – по 6, а в остальных – по 4 и по 3 училища и только в 3 волостях по одному училищу.

В числе лучших училищ оказались: Ишимское, Медведчиковское, Семилужное, Гутовское, Даньковское и Александровское, хотя и остальные из 18 осмотренных в учебном отношении довольно удовлетворительны, за исключением Проскоковской и Ачинской [школ]; но материальная часть училищ обставлена крайне плохо: большая часть школьных помещений, особенно наемные, жалки до невозможности. Даже снабжение книгами и учебными пособиями ведется весьма неправильно: училища иногда по несколько лет не получают их вследствие растрат денег волостными писарями; так, в Проскоковском сельском училище в 1891 г. не было ни бумаги, ни грифелей, ни аспидных досок, и ученики учились только читать. Причина такого неустройства заключается в равнодушии к школе властей, заведующих хозяйством их.

Мариинский округ.

В 29 училищах этого округа к 1 января 1893 г. обучалось 1192 [ученика] (955 мальчиков и 237 девочек); окончило курс 66 (52 мальчика и 14 девочек); средняя школа имела 41 [учащегося]; в этом округе довольно многолюдные школы.

Лучшие школы – Боготольские (мужская и женская); жаль только, что законоучитель (очень старей) священник Коронатов в течение учебного года в мужской школе был [всего] три раза, а в женской – только два раза, а потому знания по Закону Божию, который преподавали учительницы, оказались только посредственные, между тем как по остальным предметам дело обучения превосходно ведется; настолько же неисправными оказались и еще некоторые из законоучителей, но те, вовсе не бывая в школе, по крайней мере половину своего содержания отдают учительницам.

Из 12 осмотренных школ, вообще весьма удовлетворительных, менее исправною оказалась Колыонская, где учитель Некрасов, весьма способный человек, небрежно относится к своим обязанностям. В этом округе школьные помещения тоже большею частью неудобны. И здесь, как и в Томском округе, некоторые школы страдают недостатком учебных пособий, вследствие растраты

волостным писарем земских сумм, именно, в Почитанской волости, имеющей 9 училищ, последние уже третий год нуждаются в самом необходимом.

Кузнецкий округ.

К 1 января 1893 г. в 11 училищах этого округа обучался 351 [человек] (284 мальчика и 67 девочек); окончило курс 21 (19 мальчиков, 2 девочки); средняя школа имела 32 учащихся. Из 9 осмотренных училищ Салаирское и Христорождественское оказались лучшими, а Усть-Сосновское, бывшее раньше удовлетворительным, падает от небрежности и малоспособности учителя Орлова. Школьные помещения везде собственные и отличные, устроенные еще в [18]70-х гг. бывшими мировыми посредниками. Замечательно, что [с] этого времени открылась только одна школа, в 1885 г. – Атамановская; причину этого следует признать не экономический быт, условия которого везде хороши, а значительное количество раскольников, имеющих свои школы, содержимые начетчиками.

Отношение сельского православного населения к своим школам можно назвать сочувственным, доказательством чего служит то обстоятельство, что почти все сельские общества к казенному жалованью учащихся прибавляют еще по 100 руб. и даже более. Благодаря обширным помещениям школ, при некоторых из них устроенные ночлежные приюты для учеников из отдаленных деревень: от волости нанимается кухарка за 2 руб. в месяц, а родители дают провизию, и дети помещаются в отдельной просторной комнате; в Христорождественской школе было 10 [таких] мальчиков.

Успехи по Закону Божию оказались весьма удовлетворительными, но не везде: некоторые законоучители очень редко посещали школу, а законоучитель Красноярского училища Лашков по личному соглашению с учительницею уступил ей свое жалованье и школу не посещал. Успехи по другим предметам во всех училищах, за исключением Усть-Сосновского, вполне удовлетворительны.

Барнаульский округ.

К 1 января 1893 г. в 24 училищах этого округа обучалось 674 [ученика] (505 мальчиков и 169 девочек); из них окончило курс 48 (40 мальчиков и 8 девочек); средняя школа имела 28 учащихся. По количеству и плотности населения это самый большой округ [в губернии]; незначительное число школ и учащихся в них объясняется отчасти значительным раскольничьим элементом, отчасти же тем, что есть несколько горнозаводских училищ, которыми пользуются и местные крестьяне.

Лучшими из 10 осмотренных училищ следует признать Анисимовское и Берское, в особенности последнее, попечитель которого купец [В. А.] Горохов, построивший для него прекрасное помещение, всегда заботливо относится к интересам его: на свои средства одевает бедных учеников и платит жалованье помощнице учительницы (учащихся [в Берском училище] 100 человек – 75 мальчиков и 25 девочек). Тем же Гороховым (в 4 верстах от Берска [в поселке при мельнице]) устроена частная бесплатная школа (с интернатом на 11 человек) для детей рабочих – отличающееся чистотой и порядком помещением, специально для

школы устроенное. Весьма удовлетворительные успехи учеников, исправно посещающих уроки, ставят и эту школу в ряду лучших; мальчики, кроме того, занимаются столярным ремеслом, а девочек учительница учит рукоделиям.

Самое неудовлетворительное из осмотренных училищ оказалось Тальменское, [оно] служит наглядным доказательством того, что положение училища всецело зависит от качеств учителя. Много лет в нем плодотворно трудился учитель Коробейников; при нем училище было в блистательном положении и число учащихся доходило до 47. Сами крестьяне в благодарность за его труды по доброй воле устроили ему удобное помещение и из общественным сумм прибавили [к жалованью] более 100 руб. Когда его заменил теперешний учитель Кузнецов, ленивый и неаккуратный, школа перестала пользоваться симпатиями населения: в полтора года число учащихся понизилось до 9, и крестьяне отобрали у учителя прибавку к жалованию. Яркий пример такого же рода представляет училище Жилинское: при бывшей учительнице Зыриной, весьма способной и усердной, школа пользовалась сочувствием населения и число учащихся доходило до 50; когда же она ушла в монастырь и ее место занял учитель Велижанин, менее усердный и почти неумелый, успешность значительно понизилась и число учащихся упало до 18. Ясно, что личность учителя непосредственно и главным образом влияет на улучшение или упадок каждой отдельной школы.

Остальные школы в общем довольно удовлетворительны. Только 2 училища помещаются в наемных домах, прочие же пользуются прекрасными собственными помещениями, построенными бывшими мировыми посредниками.

Бийский округ.

В этом округе, тоже весьма обширном и густонаселенном, существует 24 школы, в которых к 1 января 1893 г. училось 1152 [человека]; окончило курс 60 (46 мальчиков и 14 девочек); средняя школа имеет 48 учащихся, – это самые многолюдные школы в губернии. Из 11 осмотренных оказались лучшими школами Локтевская и Смоленская, остальные – удовлетворительные, исключая Буланинскую, в которой учительница Яброва, мало пригодная и притом долго проболевшая, ничему не научила детей, а потому и число учащихся понизилось до 12, между тем как в прошлом году их считалось свыше 60.

Крестьянские общества очень сочувственно относятся к школам, и почти во всех сделана значительная прибавка к жалованью учащихся. За небольшими исключениями, школьные помещения прекрасные, светлые, просторные и во всех отношениях удобные. [...]

[Итоги обзора по двум губерниям]

[...] Из предлагаемого общего обзора последовательного развития сельской школы, составленного главным образом на основании официальных документов, становится очевидным, какие затруднения школьное дело встречало в первый период своего существования и какие значительные успехи в последнее время сделало оно и в качественном, и количественном отношении. Отсутствие

хорошо подготовленных учителей, вынудившее отдать школу в руки духовенства, значительно задерживало как развитие самой школы, так и сочувствия к ней сельских обществ. И только по мере того, как учебное ведомство постепенно стало оказывать свое благотворное влияние на школьное дело, устанавливая надлежащий порядок, оно достигло удовлетворительных результатов, сохраняя задатки дальнейших улучшений. Улучшения эти находятся в тесной причинной связи с тем положением, какое в будущем представлено будет учебному ведомству по отношению к руководству сельскими школами.

Первою существенною и неотложною потребностью для правильной постановки начального образования в Западной Сибири является объединение всех начальных училищ, подчиненных в том или другом отношении разным ведомствам, в одном ведомстве Министерства народного просвещения, и учреждение особенных органов как управления, так и надзора за ними. На эти специальные органы должны быть возложены обязанности заботиться об улучшении организации сельских школ и правильного ведения в них преподавания путем постоянного надзора и личного влияния на учителей; поэтому, как выбор их, так и назначение, перемещение и увольнение должно быть исключительно им предоставлено, а не чиновникам губернского управления или другим лицам. Органы других ведомств, кроме того, что слишком обременены прямыми своими обязанностями, еще и некомпетентны в учебном деле, а потому не могут вести его, как следует. [...]

Только учреждение самостоятельной инспекции народных училищ, не связанной заботами о посторонних делах, может вполне обеспечить успешное развитие народного образования в Тобольской и Томской губерниях. Если не только во всех внутренних губерниях России, [но] и даже в Акмолинской и Семипалатинской областях введены эти благодетельные учреждения, то нет никакого сомнения, что и в этих двух губерниях, составляющих заметное исключение, в скором времени будут введены давно ожидаемые ими инспекции народных училищ.

Главным результатом этой реформы прежде всего будет несомненное улучшение контингента учащихся; доказательством этого могут служить соседние области Акмолинская и Семипалатинская... Затем деятельность инспекции весьма важное значение будет иметь относительно снабжения училищ учебными пособиями и в особенности книгами для школьных библиотек.

Нельзя опустить из виду то обстоятельство, что при постоянно развивающейся жизни в Сибири и улучшающихся экономических условиях, в особенности с проведением Сибирской железной дороги, без сомнения, у сельского населения явится потребность более, чем в простой грамоте. И теперь уже нельзя сказать, что сибирская деревня сплошь безграмотна и не нуждается в книге: читатель найдется теперь и в сибирской деревне, но ему читать нечего; вследствие этого наблюдается очень грустное явление: вышедшие из школы окончательно прерывают связь свою с нею, скоро забывают то, чему учились, и даже являются рецидивистами безграмотности.

Очевидно, одною грамотностью не должно завершиться образование народа; она должна служить только средством для дальнейшего развития и обогащения практическими знаниями при самостоятельном чтении. При нынешнем широком

развитии книжного дела грамотному человеку представляется обширный материал для чтения, и в этом материале он может найти весьма много полезного, как для истинного духовного просвещения, так и для разумной практической жизни.

Полное отсутствие элементарных понятий об окружающем мире является источником тяжких бедствий, нередко постигающих народ, и делает его беспомощным в борьбе с ними. Люди, близко стоящие к народу, голодовки, испытываемые им, объясняют главным образом невежеством сельского населения; точно так же лучшие врачи утверждают, что народное невежество, крепость предрассудков и совершенное незнание с болезнью являются главными препятствиями в успешной борьбе с эпидемическими болезнями. Таким образом, и экономический быт, и санитарные условия – вообще народное благосостояние находится в полной зависимости от правильной постановки школы, которая является истинным благом народным.

Одно только Министерство народного просвещения обладает вполне достаточными средствами для правильного устройства и развития народной школы, а потому ему одному должно быть предоставлено право руководить ею. Те школы, которые находятся в непосредственном его ведении, уже доказали свою целесообразность непрерывным ростом, заметным распространением начального образования, а главное – возбуждением и развитием в народе любознательности.

Такого рода школы необходимы и для Сибири: крестьяне, проникнувшись убеждением, что Министерство располагает достаточными нравственными и умственными силами (администрацией и учителями), с полным сочувствием отнесутся к своей школе, поспешат исполнить принятые на себя обязанности и удовлетворят ее нуждам, то есть устроят удобные помещения и позаботятся о надлежащей ее обстановке.

При обстоятельном рассмотрении положения школьного дела в Сибири нельзя не прийти к убеждению, что только при совокупных мощных усилиях правительства и сочувственных отношениях общества школа может вполне выполнить свое назначение; [если же] спокойно ожидать, пока сельское общество самостоятельно придет к полному сознанию пользы образования, [то] потребуется еще много времени.

ЦЕРКОВНОПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ И ШКОЛЫ ГРАМОТЫ

[...] В июне месяце 1884 г. Святейшим Синодом были изданы правила, которыми на духовенство, между прочими обязанностями, возлагалось и обучение крестьян грамоте, с каковою целью предполагалось открывать церковно-приходские школы. [...]

В Томской епархии, как начало, так и развитие церковноприходских школ в силу однородных условий совершалось точно так же, как и в Тобольской. Открывались они по настоятельным требованиям епархиального начальства, выраженным в целом ряде циркуляров, в которых духовенство приглашалось к открытию церковноприходских школ и школ грамоты даже в тех селениях, где

существуют министерские училища. Само собою разумеется, что выполнение такого требования в большинстве случаев решалось под влиянием чувства самосохранения, хотя и при сознании неудобств и трудности этого дела. В случаях же уклонения принимались меры принудительные.

Так, например, в с. Казачий Мыс (Каинского округа) священник Михайловский официально отказался от преподавания Закона Божия в церковноприходской школе по болезни, хотя исполнял все требы по приходу, но потом был вынужден продолжать преподавание, так как отделение училищного совета обязало его заниматься в школе. Даже в журнале Каинского отделения епархиального училищного совета, между прочим, встречаются такие постановления: «1892 г. ноября 22 дня слушали доклад наблюдателя священника Семёнова, что священник Устьянцевской школы не преподает в ней Закона Божия, а псаломщик села Бергульского Дьяконов не открывает в своем селе школы, хотя ему о сем предписано духовною консисториею. Положили: просить благочинного обязать первого заниматься по Закону Божию, а второго – открыть школу».

Впрочем, такое строгое требование точного исполнения распоряжений епархиального начальства нечасто встречается; обыкновенно же практикуется такой порядок: школа открывается, назначается учитель, который позаймется с детьми некоторое время, а затем школа остается пустою, хотя и числится на бумаге; в особенности это относится к тем школам грамоты, в которых учителями состоят псаломщики: с началом Великого поста учение во всех таких школах прекращается, как [нам] объясняли при посещении их, вследствие того, что причетники очень заняты продолжительною службою и, усталые, не способны к занятиям в школе.

Мнение, что священники самими особенностями своего звания лишены возможности серьезно сосредоточиться на школе, разъясняется компетентными в суждении об этом представителями сельского духовенства, о[тцами] благочинными, положение которых дает повод скорее заподозрить их в пристрастной симпатии к церковноприходским школам. На съезде, бывшем в августе 1891 г., благочинные церковью Томского училищного округа, признав, что духовенство в школьном деле потрудились немало, между прочим, указывают на следующие препятствия в деле открытия церковноприходских школ.

«Первое – это полнейшее равнодушие к учебному делу вполне безграмотного и невежественного народа, так что при совершенно бесплатном обучении, при даровых учебных пособиях с величайшим трудом приходилось отыскивать учеников для школы. Затем школы встретили противодействие и со стороны раскола. Так называемые чернички, выступив в качестве пропагандистов раскола в некоторых деревнях, проявили свою деятельность в качестве учительниц детей, повели дело обучения в чисто раскольническом духе, так нравящемся по своему невежеству народу. Как на главное препятствие, надо указать на малообразованность наших псаломщиков, к школьному делу совершенно не подготовленных, так что все дело преподавания нередко лежит на одном священнике; требоисправления по деревням приходов, разбросанных часто на пространстве 40–70 верст, таким образом, отнимали у школ последнего руководителя, но здесь на помощь к ним приходила жена священника, нередко заменявшая мужа во время его отлучек. (Хотя я

посетил много школ, но с указанным случаем не встречался.) Следует отметить и тот факт, что утвержденная Святейшим Синодом программа для церковноприходских школ не везде исполняется, и школы эти, именуясь церковноприходскими одноклассными, в большинстве суть только школы грамоты».

Коснувшись этого вопроса, о[тцы] благочинные полагают, что там, где назначены специальные учителя, там программа будет исполнена, «где же или назначено пособие одному из членов причта в количестве 60 руб., или где таковое вовсе не назначено, там о точном исполнении программы не может быть и речи. Да и помимо денежных средств есть много причин, в силу которых школьное дело надлежащей высоты не достигает. Первое – это недостаточность образованности самого духовенства, а, в частности, псаломщиков, большинство коих суть люди, не доучившиеся в духовных училищах, а иногда и с домашним образованием. Без всякого сомнения, такие псаломщики не могут быть хорошими помощниками, и посему у священника самого ревностного. При неотложности дел его в приходе, программа не будет выполнена». (Журнал от 28 августа 1891 г. утвержден преосвященным Макарием, епископом Томским.) [...]

В последнее время церковноприходские школы преобразуются из школ грамоты, если в последней окажется более 15 учащихся (Журнальное постановление епархиального училищного совета), причем не принимаются во внимание ни малоспособность учителя, ни отсутствие удобного помещения, учебных пособий и проч. Условия же, при которых обыкновенно открываются школы грамоты, следующие. Своим основанием школы эти имеют издавна существующие подвижные школы, которые крестьяне по собственной инициативе содержали для удовлетворения потребности в грамотности, и в которых учителями являлись большею частью ссыльные и разные бродячие разночинцы, в лучшем случае солдаты. Совет предлагает крестьянскому обществу нанять квартиру для школы (нередко квартиры постоянной не бывает, а [школа] понеделно перекочевывает по домам родителей учеников) и ассигнует большею частью ничтожную сумму (25 руб. в год) на жалованье тому же учителю, который раньше обучал их детей, – и школа готова.

Но очень часто такие школы существуют только на бумаге. Так, например, в дер. Абрамовой, в 6 верстах от Каинска, значится открытой с 1891 г. школа грамоты. История ее следующая: в этой деревне обучал на дому ссыльный, который ранее здесь же исполнял должность пастуха. Причтом Каинского собора предложено было крестьянам открыть у себя школу, в которую этот же пастух назначался учителем, но с тем, чтобы общество наняло квартиру. Крестьяне согласились, но в скором времени отказались платить за квартиру, и школа прекратила свое существование, хотя на бумаге она значится и в настоящее время.

Такие явления нередки. До какой степени духовенство совершенно теряется в приискании учителей, и насколько оно бывает радо всякому проходимцу, только заявившему свое желание учить, говорит сам за себя ... следующий случай. К священнику с. Меньшиковского (Каинского округа) явился какой-то ссыльный проходимец и заявил, что он учитель, желает заниматься в школе, но что у него нет никаких учебных пособий. Священник выдал ему все необходимое, – и тот бесследно скрылся.

Относительно развития школ грамоты существует очевидное недоразумение. Совершенно напрасно сибирскому духовенству шести епархий приписывается честь открытия за шесть лет 444 школ грамоты с 5453 учащимися. Таких школ гораздо больше было и теперь есть в Сибири, но они образовались сами собою и доныне весьма многие еще самостоятельно существуют, находясь почти исключительно в руках ссыльных; духовенство же только часть их зарегистрировало как церковные школы грамоты и на этом основывает успешность своих действий по народному образованию. Между прежними школами и церковными школами грамоты установилась теперь только та разница, что прежде такие школы считались нелегальными в силу действующей статьи закона, категорически запрещающей ссыльным заниматься обучением в школах, а теперешние школы грамоты носят характер законных школ, хотя в них в значительном большинстве занимаются ссыльные.

Статья 24 «Устава о предупреждении и пресечении преступлений» гласит: «Поднадзорным лицам воспрещается: 1) всякая педагогическая деятельность; 2) принятие к себе учеников для обучения искусствам, ремеслам и т. д.». По точному смыслу этой статьи подвергались взысканиям нарушители ее ... но по необъяснимому недоразумению томская епархиальная власть сочла возможным нарушить вышеуказанный закон не только на практике, допустив во многие школы учителями ссыльных, но даже в своих распоряжениях санкционировала такое нарушение. В № 17 «Томских епархиальных ведомостей» за 1892 г. значится: «Епархиальный училищный совет, во исполнение журнального определения от 24 июня за № 52, по статье XI, утвержденного его преосвященством 8 августа резолюцией за № 3471, рекомендует отделениям оного замещать учительские места в школах грамоты лицами из ссыльных, только удостоверившись в их полной благонадежности, и за отсутствием других, более способных». На основании этого постановления священники выдают ссыльным свидетельства на право преподавания в школах грамоты, и таким образом ссыльный, лишенный всех прав состояния, совершенно незаконно восстанавливается в правах учителя, т. е. в правах такого звания, для приобретения которого даже полноправный гражданин нуждается в засвидетельствовании установленной властью относительно политической благонадежности и доброй нравственности. [...]

Допустить существование подобного права – значит, не признавать справедливыми означенные положения нашего уголовного законодательства и требовать отмены их. Но где основания, по которым эти требования признаются нерациональными? В числе многих возражений более основательное то, что школы грамотности – не такого рода заведения, где личные качества учителя могли бы иметь сильное влияние на детей, что всё дело учителя ограничивается здесь только обучением грамоте, где не может быть внушено детям никаких противных религии и нравственности начал. Если это так, то почему же духовенство, допуская ссыльных к занятиям в школе грамотности, постановило однако же ограничение, что эти занятия могут быть позволяемы только при одобрительном свидетельстве священников? Если нисколько не страшно для родителей и общества доверять обучение грамоте кому бы то ни было, то за-

чем же это ограничение? Пусть учит всякий, кто может учить, не прося себе ни от кого никаких удостоверений.

Значит, если нельзя безусловно доверять обучению детей грамоте кому бы то ни было, если здесь могут разрушительно действовать на душу детей образ жизни учителя и личные его взгляды, если он может высказывать детям такие убеждения, которые прямо противны началам правды и добра, то неужели достаточным охранением от такого вредного влияния может служить удостоверение священника? [...]

Существовала надежда, что правильное устройство школы грамоты устранил или, по крайней мере, сократит существование множества частных школ, устраиваемых почти исключительно ссыльными. Однако вышло наоборот: оставшись в ведении духовенства, школы грамоты не только не ослабили, а еще привлекли и, так сказать, узаконили нежелательный ссыльный элемент, а это произошло, очевидно, вследствие настоятельных требований со стороны высшего духовного начальства открывать как можно больше школ во что бы то ни стало, не обращая должного внимания на качественную сторону их.

А между тем, школа грамоты имеет свою серьезную будущность, и ее нельзя вычеркнуть из незатейливого крестьянского обихода, потому что благодаря своей дешевизне и простоте она наиболее доступна для скудных средств крестьянина, но урегулирование ее является настоятельным; она прежде всего должна быть подчинена правительственному контролю наравне с официальной школою; на обязанности лиц, которым поручается заведование, будет лежать ознакомление учителей этих школ с лучшими приемами обучения, учебниками, и назначение денежных пособий лучшим в них учителям. Школы эти могут быть как подготовительные сельские школы и как самостоятельные, так как при настоящем развитии крестьян для многих из них достаточно того образования, какое дает им школа грамотности. В первом случае школы эти должны составить два младших отделения сельской школы и быть с нею в тесной связи, так что учителя сельских школ могли бы осматривать в своем районе школы грамоты и помогать им по силе возможности. Книгами для внеклассного чтения учителя этих школ могут пользоваться из библиотек сельских училищ. Плату за обучение давно уже установили сами крестьяне – по 50 коп. в месяц с ученика; за обучение же детей недостаточных родителей и взрослых учителям следует выдавать жалованье от 80 до 100 руб. в год, да на книги и учебные принадлежности – до 25 руб. Вообще, школы грамоты очень нуждаются в улучшении их постановки; в Томской епархии они особенно неудовлетворительны.

Точно так же нельзя признать удовлетворительными и посещенные [нами] церковноприходские школы, за исключением двух-трех. Большая часть учащихся не обладает способностью и практической опытностью в занятиях, в особенности с большим числом учащихся, размещенных притом в двух отдельных комнатах. Познания в Законе Божиим крайне ограничены и слабы. Уроки объяснительного чтения ограничиваются простым механическим чтением – и то большею частью нетвердым, передачею прочитанного – и то лишь при значительной помощи учащего; ученические тетрадки почти ни в одной школе не просматриваются, а просмотренные исправляются очень небрежно. Обучение

арифметике вообще ведется неумело, и результаты занятий по этому предмету ничтожны. Если обратить внимание на помещения, большею частью неудобные, и [на] недостаточность учебных пособий, то дальнейшее существование школ при таких неблагоприятных условиях становится затруднительным. Впрочем, сами о[тцы] благочинные, как выше было указано, откровенно признают положение школы неудовлетворительным.

В начале своего возникновения церковноприходские школы очень медленно открывались; так, в 1886 г. их было только 17 на 300 с лишком приходов, не считая на напоминания епархиального начальства. Более действительным толчком по открытию церковноприходских школ послужило назначение им по смете губернских и волостных повинностей на трехлетие 1887–[18]89 гг. 30 тыс. руб., по 10 тыс. в год для всей губернии; с этого времени они в количественном отношении начали быстро размножаться, но качественное развитие их идет слишком медленно или, вернее, почти вовсе не заметно.

Наиболее верное понятие об успешности школ могут дать сведения как о числе учащихся в них, так и о количестве ежегодно кончающих в них курс со свидетельствами, дающими мальчикам право на льготу по воинской повинности. В сельских школах Тобольской губернии учащихся было 8385, в том числе мальчиков 6466 и девочек 1919; мальчиков окончило курс 559, или 8,64 %; в церковноприходских школах Тобольской епархии обучалось 4181, в том числе мальчиков 3096 и девочек 1085; мальчиков окончило курс 193, или 6,23 %. В Томской губернии в сельских школах обучалось 5984, в том числе 4662 мальчика и 1322 девочки; число мальчиков, окончивших курс, было 312, или 6,7 %. Что же касается церковноприходских школ по Томской епархии, то полных и точных сведений нельзя было получить, потому что отделениями списки окончивших курс непосредственно отсылаются в епархиальный училищный совет, который препровождает их в консисторию, а в последней высказано, что собрать такие сведения весьма затруднительно.

Такие сведения имеются только по Барнаульского и Каинскому округам. К 1 января 1893 г. учащихся в сельских училищах было: в Каинском округе на 31 училище 545 мальчиков, из них окончило курс в 1892 г. с правом на льготу 4-го разряда – 50, что составит 9,17 %; в Барнаульском [округе] на 22 училища – 462 [мальчика-ученика], из них окончило курс 33, т. е. 7,1 %; всего в обоих округах на 53 училища из 1008 мальчиков окончило курс 83, т. е. 8,2 %. В 16 церковноприходских школах Каинского округа на 240 [учащихся] мальчиков, окончивших курс в этом же году, было 6, что составляет 2,5 %; в Барнаульском округе на 21 школу и на 521 мальчика, окончивших курс было 3, т. е. 0,6 %; в обоих же округах на 37 училищ и на 761 мальчика приходится 9 человек, окончивших курс с правом на льготу, что составляет 1,18 %.

Очевидно, сравнение сельской школы с церковноприходской окажется невыгодным для последней, несмотря на то, что в ней на окончательных испытаниях, как известно, предъявляются крайне снисходительные требования. [...]

Из вышеприведенных кратких указаний на то состояние, в каком теперь находятся церковноприходские школы и школы грамоты, нетрудно прийти к за-

ключению, что не только дальнейшее развитие, но даже и существование учебных заведений этого типа в настоящее время очень затруднительно и в учебном, и [в] хозяйственном отношении. [...]

Хотя на основании ВЫСОЧАЙШЕГО повеления школы сельские и церковноприходские должны идти рука об руку, а не противодействовать одна другой, но, к прискорбию, нередко замечается обратное явление, и большею частию не по вине учителей, а законоучителей. Некоторые из них доходят до такой степени неблагоразумия, что без стеснения, без меры, совершенно пристрастно хвалят церковноприходскую и бранят сельскую [школу]. Нельзя не обратить внимания их на некоторые особенности программы церковноприходских школ, а главное – на сокращение в них учебного времени.

Программа русского языка и арифметики [в церковноприходских школах] ничем не отличается от установившейся программы по этим предметам в сельских школах и, как бы сказать, скопирована с нее; программа же Закона Божия расширена введением катехизиса. На практике выполнение этой части программы в церковноприходских школах немислимо, и законоучители руководствуются программой сельских школ; при этом положительно невозможно детям, не умеющим еще читать и совсем неразвитым, преподавать священную историю, вследствие чего никаких успехов по этому предмету не бывает. Точно так же немислимо обучение детей в течение двух лет, а потому даже лучшие из церковноприходских школ практикуют трех- и четырехлетний курс учения. Оно и понятно: качество знаний заключается в сознательности и основательности, что придает им и прочность; поверхностные же знания бесследно улетучиваются вскоре по выходе из школы, и прошедшего школу от не бывшего в ней трудно и отличить, на что крестьяне уже привыкли обращать внимание. Таким образом, непрактичность программы церковноприходских школ видна из того, что одноклассная с двухгодичным курсом сразу оказалась несбыточной мечтой, и по необходимости пришлось вместо двух обучать три года, а и этого времени оказалось мало.

Избегая разбора находящихся в употреблении учебных руководств, нельзя не обратить внимания на книгу для чтения г. Попова, составленную для церковноприходских школ. Книга эта отличается отсутствием постепенности в переходе статей легких по содержанию к более трудным; в конце этой тоненькой книжки помещены написанные трудным слогом статьи исторического содержания, совершенно недоступные пониманию детей, только что научившихся читать, а в конце приложен материал для письменных упражнений, расположенный без всякой системы.

При рассмотрении вопроса о значении церковноприходской школы сторонники ее представляют в ее пользу доводы, не отличающиеся большой убедительностью; для того, чтобы соображения их имели вес, необходимо прежде всего доказать хоть то, что по крайней мере большинство школ возникло по личному почину духовенства, а доказать этого невозможно, потому что факты указывают на противное. [...]

ГАТО. – Ф. 126. – Оп. 1. – Д. 672. – Л. 86 об. – 95, 107 об. – 110, 125–135. Рукописный подлинник; черновой правленный экземпляр, выполненный двумя

разными почерками – авторским и писарским; подпись – автограф «Бор. Сциборский». Основная часть текста публикуется впервые. При подготовке к публикации орфография и пунктуация приближены к современной форме, введены дополнительные абзацы – для облегчения чтения. Исправлены явные ошибки. Опущены авторские примечания.

Б. Из воспоминаний Ф. Д. Останина о детстве и юности «История – вечно живая память народа»¹

[г. Алма-Ата]

[24 апреля 1972 г.]

[...]

Там, где сходились впоследствии три уезда – Каменский, Славгородский и Барнаульский, в самом уголке Кулундинских степей стоит, очевидно, и сейчас село Сидорка. Возникло оно ... во второй половине XIX и в начале XX в. за

¹ Останин Фёдор Дмитриевич родился в 1899 г. в с. Сидоровском (Сидорке) на севере Барнаульского уезда Томской губ. В 1916–1918 гг. обучался в Новониколаевской учительской семинарии. В период Гражданской войны участвовал в партизанском движении. В 1919–1926 гг. работал учителем в сельской школе, инспектором-методистом райотдела народного образования. Позже окончил Промышленный институт в Иркутске, трудился до пенсии инженером-строителем. Подробные воспоминания были написаны пенсионером в 1972–1973 гг. по просьбе сотрудников сектора культурного строительства Института истории, филологии и философии СО АН СССР, присланы в Новосибирск по почте.

Некоторые фрагменты источника опубликованы: *Останин Ф. Д.*: 1) *Учеба учителей // Школа и учительство в Сибири, 20-е – начало 30-х гг.: материалы по истории культуры и интеллигенции советской Сибири.* – Новосибирск, 1978. – С. 36–59; 2) *В начальной школе и учительской семинарии // Красен человек ученьем: материалы о воспитании и образовании детей в селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.).* – Новосибирск, 1995. – С. 80–90; 3) *Светлые дни в учительской семинарии // Сибирская горница: журнал для семейного чтения.* – 2003. – № 4. – С. 59–81; *Пыстина Л. И.* *Новониколаевск, год 1916-й: воспоминания Ф. Д. Останина о Новониколаевской учительской семинарии // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Культура, наука, образование.* – 2002. – № 3. – С. 104–109; *Зверев В. А., Зверева К. Е.*: 1) *Начальная школа на Алтае в начале XX в. (по воспоминаниям Ф. Д. Останина) // Сибирский педагогический журнал.* – 2004. – № 3. – С. 119–126; 2) *Детство и школа в социокультурном пространстве сибирского села начала XX в.: (воспоминания Ф. Д. Останина) // Актуальные вопросы истории Сибири XVII–XX вв.* – Новосибирск, 2008. – Вып. 3. – С. 113–131; *Зверев В. А.* *Деревенская кооперация и взаимопомощь на Алтае в начале XX в.: (из воспоминаний Ф. Д. Останина) // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в.* – Новосибирск, 2006. – С. 246–255.

счет переселенцев из [Европейской] России, особенно с Украины и Поволжья. Расположилось оно по обоим берегам маленькой речушки с крутыми глинистыми берегами, исцарапанными сверху донизу дождевыми и вешними водами. [...] По берегам – буквально никакой растительности, кроме весенней кратковременной травки, которая скоро вытаптывалась скотом и людьми. Чем могла привлечь переселенцев такая скудость и однообразие местности – трудно понять. Тем не менее, деревня быстро росла.

Первые улицы вдоль реки растянулись на несколько верст, параллельно застраивались новые. Деревянными, из бревен, пятистенникам под тесом не уступали беленькие украинские, с аккуратными соломенными крышами, хатки. Село богатело. Много разводили скота: коров, овец, лошадей. Обилие нетронутых земель, всевозможных угодий вызвало огромный азарт у трудолюбивых, упорных, знающих толк в сельском хозяйстве переселенцев, особенно украинцев. Появились излишки хлеба. И потянулись бесконечные обозы с мясом, зерном, кожсырьем в Камень (тогда пристань на Оби), в Шелаболиху, в Барнаул. Появились местные купцы – Калетин и Кононов, построившие лавочки на берегу реки. Один обслуживал одну заречную сторону, другой – другую.

Уже в 1903–[19]04 гг. была построена своя церковь в честь праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Надоело мужикам за каждой «святой» надобностью ездить за 15 верст в с. Камышенку ... к чужому попу – обзавелись своей церковью и собственным попом. Моя бабушка Пелагея Егоровна рассказывала мне ... что когда в день «освящения храма» ... в день 8-го сентября (с[тарого] ст[иля]) первый раз «затрезвонил» Петрушка, ее троюродный племянник, так казалось, «будто благодать Господня сошла на деревню. Народушку привалило к церкви, попов штук десять – все в ризах, иконы, хоругви болтаются, певчие поют, – ну ни дать ни взять рай небесный отрылся. Старухи и женщины плачут, старики крестятся. Вот и тебя, сударик, в то воскресенье я поведу в церкву». [...]

К 1910 г. село наше обзавелось и своей собственной волостью – оно стало волостным селом, появилась Сидоровская волость из одного села всего. А до этого оно было и Тюменцевской, и Баевской, и Завьяловской волости. Появилось новое деревянное здание под зеленой железной кровлей, с большими окнами, с канцелярией в две комнаты, общим залом, комнатой для сторожа и двумя «каталажками» – мужской и женской (единственный признак «равноправия» того времени). Появился волостной писарь – фигура, резко выделяющаяся среди общего деревенского фона костюмом, походкой и речью, похожей на городскую. Избрали и старшину – богатого выходца с Украины Лепёху Иова Григорьевича, крупного, осанистого мужичка лет 50-ти с холеной седой бородой, расчесанной на две стороны, и картавящего на букву «р». Все это делало его непохожим на обычного деревенского мужика и вызывало к нему какое-то особое отношение, далекое от симпатии. Имя этого человека для меня осталось на всю жизнь ненавистным.

В это село мой дед с большой семьей прибыл из Оренбургской губернии в конце восьмидесятых годов прошлого [XIX] столетия. Семья считалась средних

размеров – семь человек: четыре сына и три дочери. По словам отца, дед мой Артемий происходил из старообрядческой семьи, предки которой бежали на Урал из [Европейской] России во времена известных [религиозных] преследований. Сам дед и вся его семья давно утратили всякий старообрядческий налет и ничем не отличались от обычных «верующих», были в меру религиозны, а мой отец (второй сын деда) и два моих дяди были настоящими атеистами. Не верили ни в Бога, ни в черта, хотя были совершенно неграмотны.

Это были вековечные, потомственные крестьяне, сформировавшиеся в условиях полунатурального хозяйства. Они целиком зависели от земли, но умели сделать все сами: они могли выделывать кожу для обуви, сделать великолепные овчины, они могли и плотничать, и сапожничать. А женщины могли сами про-извести и тонкие кружева, и вышивки, любую полотняную ткань для одежды, вплоть до сукна. Этим определялся и наполнялся весь уклад и распорядок крестьянской деревенской жизни.

Где-то в начале [18]90-х гг. отец мой был призван на действительную военную службу. Служили тогда «царю батюшке» довольно долго – около 5 и более лет. С военной службы отец пришел с поврежденной правой ногой, слегка прихрамывал, но ходил вполне нормально. На каких-то физических занятиях на брусьях он упал и повредил бедряной сустав правой ноги. Очень долго лежал в лазарете. И эта случайность исключительно благоприятно отразилась на всей его дальнейшей жизни.

На военную службу он уходил совершенно неграмотный. В лазарете, совершенно случайно, сестра милосердия начала его учить читать и писать. И он овладел этим «искусством» настолько, что стал писать сам домой письма, свободно читать книгу, и более того – он овладел «всеми четырьмя правилами арифметики», о чем он всегда впоследствии говорил с особой гордостью. В дальнейшем я всю свою сознательную жизнь поражаюсь: как же эти ничтожно малые крохи грамотности отразились на судьбе деревенского парня и даже его детей! Какая же это могучая сила – даже самая элементарная грамотность! До прихода его домой уже вся почти деревня знала: Митрий в солдатах научился читать и писать (!). Конечно же, это было тогда достойно удивления и зависти.

Возвратившись с военной службы, отец женился. Старший и средний его братья уже были женаты, имели детей. Семья разрослась. Ему помогли построить маленькую избенку, пристроили [к ней] кухонку и сени, и он стал жить да поживать самостоятельно. У него уже было трое детей, – я был третьим ребенком. Конечно, нужно было приниматься за исконно привычное дело крестьянское, оно хотя и трудное, но ... родное. И стал он в меру сил и возможностей крестьянствовать. Но мужики односельчане знали, что «он грамотный», и как-то на сельской «сходке» обратились к нему с просьбой: зимой учить ребят. Они «откупят» горницу у Кузьмы Тихонова, будут покупать буквари и бумагу, карандаши, ему будут платить десять рублей в месяц. И стал мой отец первым сельским «учителем» в Сидорке.

Сейчас это вызывает чувство священного благоговения и перед мужиками, и, конечно же, перед учителем. Очевидно, такая «школа» в ... сибирских деревнях была не единственной, но они никем не учитывались и не контролирова-

лись: неограниченная самостоятельность и свобода действий. Церкви еще не было и попа, конечно, – Закону Божию учить ребят некому. Но необходимый «комплект» самых обиходных и «практически» необходимых молитв отец знал, ребята учили молитвы и пели. Мужики были в восторге от учителя.

Мне было тогда около 4-х лет. Помню, с каким огромным интересом я слушал вечерами у нас за столом рассказы отца о занятиях в школе, о ребятах; еще с большим интересом я рассматривал тетради ребят с «палочками», крючками, какими-то завитушками: это было поразительно ново, необычно! Вероятно, с тех пор я проникся огромным уважением к отцу и привязанностью: он чем-то отличался от знакомых мне мужиков, – именно казалось, что мой отец «лучше всех». И знакомое мне с раннего детства чувство гордости за него не покидало меня всю жизнь. Попутно надо отметить, что и я у него до конца его жизни был любимцем.

Шла Русско-японская война. На войне были младший брат отца Константин и второй брат матери. Обе бабушки каждый вечер прибегали к отцу за новостями: он брал газету у купца-соседа Калетина Матвея Никифоровича и читал вечерами вслух, конечно, с «комментариями». Вечера эти остались незабываемы.

Закончилась война, миновали «беспорядки» и «забастовки против царя», в сибирских деревушках, подобных нашей, все это прозвучало отдаленным замирающим эхом. Ждали возвращения из армии солдат нашей деревни. Бабушка Пелагея получила похоронную на сына. [...] А в октябре, по первому снегу, снова событие: прибыл из плена японского брат отца – Константин. Событие это, оказывается, было волнующим и знаменательным не только для близких родных, но и для всей деревни.

Во двор Артемьевых собралась почти вся деревня. Каждый приветствовал дядю, обнимал и троекратно целовал. И мужчины, и женщины. Представили и меня дяде. Он взял меня на руки, поцеловал, приласкал и дал длинную конфету с кистями бумажными на обоих концах и по всей длине обвитую золотой полоской. Я был рад и взволнован до слез: ведь я в своей крошечной жизни впервые видел солдата, а он – мой дядя, который воевал с японцами (я видел эти сражения на картинах, купленных в лавке Калетина за 3 коп.), был в плену. Плен я себе совершенно не представлял, но был убежден, что это что-то несказанно страшное.

А вечером того же дня, когда в нашей маленькой горенке собралась вся родня чествовать высокого гостя, произошел незначительный случай, отразившийся на всей моей жизни. Гости сидели за двумя столами, на столе – угощение и бутылка водки. Дядя сидел в почетном «переднем» углу, рядом с ним – его жена, а с другой стороны – мать, моя бабушка Катя. Я не сводил с него глаз, сидя с сестренкой и старшим братом на кровати, вне застольной кампании. Все слушали, а он степенно рассказывал такие вещи, от которых у меня «дух захватывало». Оказывается, японцы умеют очень хорошо воевать. У них имелись пулеметы, а у нас кроме винтовок – ничего. Наших погибало в сражениях больше, чем японцев. Они хорошие моряки, и у них много военных пароходов. Мне все это не нравилось: я ожидал другого, я был убежден ... [что] у нас должно быть лучше, чем у них, всё-всё, и наши побили их больше, чем они, – ведь мы же русские, а они что? Детский патриотизм не признавал ничего иного.

Но дядя продолжал беспощадный рассказ. Оказывается, сам он получил три ранения. Последнее – особенно опасное. В плен попал в осажденном «нашем» городе Порт-Артуре, находясь в лазарете: город японцы взяли, а всех наших солдат, что были в городе – здоровых и больных – взяли в плен, увезли на пароходах к себе в Японию. Это было совершенно несовместимо с моими детскими представлениями о непобедимости нашей русской армии. И о Японии дядя рассказывает не так, как бы мне хотелось. Уж очень он хвалит и Японию, и самих японцев: что они очень честный народ, приветливый, внимательный, знающий. «Если бы, – говорит он, – меня не увезли японцы к себе в Японию и не положили бы в свой военный лазарет, я после третьего своего ранения не выжил бы. Японские врачи меня не только вылечили, но и вернули мне здоровье».

Да, моему национальному, патриотическому чувству был нанесен первый и очень тяжелый удар, детская логика не хотела признавать факты. Даже, кажется, и образ дяди как-то померк, и авторитет «пошатнулся».

И вдруг он, [дядя Константин,] опять предстал в ином виде и свете. Как только все собрались, заняли места за столом, отец разлил водку по рюмкам и самую большую, граненую преподнес дяде – дорогому гостю. Дядя смущенно улыбнулся и отстранил рюмку, сказал: «Нет, Митя, мне не надо – я совсем не пью водку. И не пил». Бабушка приподнялась, обняла его за шею, целует в голову и говорит: «Милый сынок, как же был бы рад отец Артемий Иванович, если бы он дождал до этой минуты». В глазах у бабушки блестели слезы невыразимого счастья.

И, кажется, никто из присутствующих не обратил на это особого внимания; некоторая заминка, вызванная этим эпизодом, быстро исчезла, все взяли свои рюмки, сказали гостю положенные ритуалом слова и пили, крикая и поглаживая усы. Все входило в положенное русло – пили, захмелели, зашумели. Дядя весело улыбался, говорил, шутил, но был особый, ни на кого из присутствующих не похожий. Мать моя и бабушка очень не любили табачного дыма, – гости в одиночку и парами выходили в сени курить. Отец мой тоже изредка покуривал, поэтому тоже принимал участие и сейчас с гостями. Дядя – не курил. Все это было очень заметно, выделяло его среди присутствующих, но ничего ошеломляющего не производило: обычное крестьянское застолье. Но впечатления этого вечера отразились на моей жизни весьма знаменательно: с того, очевидно, вечера и до сегодняшнего дня я презираю водку, за всю свою жизнь я не узнал вкуса водки и ничего спиртного.

Я не могу представить себе состояния пьяного человека. Более того, я остался на всю жизнь ЯРЫМ, НЕПРИМИРИМЫМ, бескомпромиссным врагом водки и всего алкогольного: презираю не только содержимое, но и посуду, в которой распространяются «напитки радости». И не «согрешил» ни одной папироской за всю жизнь. Говорю об этом не из нескромного и примитивного чувства, [чтобы] порисоваться, а потому, чтобы лишний раз признаться с гордостью и откровенно: как же безмерно я был СЧАСТЛИВ всю свою жизнь, не зная над собой власти этих унижительных ... пороков, добровольно и настойчиво культивируемых самим человеком. И если я этим обязан примеру простого, неграмотного деревенского парня, моего дяди Константина, то пусть же будет

имя его вечно символом счастливого благополучия моих детей и внуков. Он остался на всю жизнь моим любимцем.

Мне исключительно приятно отметить еще одну особенность моих отца и дяди: никогда я, да и никто из окружающих, не слышали от них омерзительной, похабной «русской» брани. А ведь в языковом обиходе деревни мат и два-три похабных слова были (пожалуй, и есть) вполне достаточным лексиконом для объяснения в любых случаях и по любому поводу. Мне всегда, везде и всюду было стыдно до сердечной боли от этой унизительно позорной, обнаженно бесстыдной, отвратительной «национальной» особенности великого русского языка. Поражаюсь, не могу понять – как она могла появиться, существовать тысячелетия, процветать в наши дни! Здоровому уму – непостижимо! [...]

Отец мой проучительствовал около четырех лет. Уже заканчивалось строительство церкви, а около нее – небольшого домика в две комнаты: одна обширная, другая маленькая, для церковного сторожа. Большая комната предназначалась для школы. У отца появились знакомые. Это были – сельский писарь, старичок, по национальности еврей, всегда жаловавшийся на свою судьбу – на то, что его несправедливо сослали в Сибирь на 5 лет, на старости лет оторвали от семьи. Старик был ласковый, у нас с ним завязалась дружба. Потом – маслодельный мастер Федор Иванович Кузьменко с маслодельного завода купца Калетина. Завод этот в деревне называли просто «молоканкой». [...] Заходили к нему, [к отцу], и сыновья купца Кононова. Это были очень веселые и интересные парни: один из них хорошо играл на скрипке, другой – на гармонии «двухрядке», быстро ездил на велосипеде, это был кумир всех деревенских ребятшек. Но и не только ребятшек. Он, Петр Петрович, организовал свой оркестр, в котором были и барабан, и «медные тарелки», и металлический треугольник. В праздничный день оркестр устраивался на балкончике обширной пристройки к магазину на берегу реки и для удовольствия собравшейся публики играл весь вечер. Местные плясуны до «седьмого пота» показывали свое искусство. [...] Братья Кононовы приходились [моему] отцу не только земляками, но и товарищами, а один из братьев отца был женат на их сестре.

Таково создалось окружение вокруг моего отца как раз в предшкольный мой период. Каждая из этих персон чем-то для меня была интересна и значительна. Мои симпатии часто и резко колебались между ними. Особенно неприятен мне был Ф. И. Кузьменко... Он стал заходить к нам каждый вечер и что-то жарко доказывать отцу. Как я понял его, он стал уговаривать отца бросить занятия с ребятами: «Вот ... при церкви построили помещение для школы. Появился уже молодой поп, он сам ... и будет заниматься с ребятами. Ведь ты же ... малограмотный. Или дадут настоящего учителя. А дело есть лучше, интереснее. Братья Калетины делятся, старший уезжает в Камень на жительство, там хочет открыть свое дело. А младший, Афанасий, остается здесь. За ним остается лавочка. Старший же, Матвей, хочет получить свою долю деньгами. В связи с этим они продают свой маслодельный завод, и недорого. А кто купит? Конечно, Кононов купит, ему он мешал и мешает. Купит и будет тогда один «обдирать» мужиков, как ему вздумается. Надо уговорить общество купить завод, сделать его артель-

ным. Ведь молока много пропадает в хозяйствах, свиней кормят молоком, а в городе цены на масло растут. Сами будем производить масло, сами продавать, покупать необходимые народу товары, деньгами рассчитываться за молоко. Мужики поймут выгоду. Давай, организуем артель маслодельную».

Не одну неделю ходили они по дворам, уговаривали мужиков, записывали в «артельщики». Почти вся наша Заречная сторона записалась. Собрали деньги, купили завод, выбрали «доверенного», – им оказался отец. Мать была против этой затеи: она боялась новизны и громоздкости дела, особенно на первых порах, всё ее пугало. Я, конечно, сочувствовал матери и возненавидел Кузьменко. А он стал почти завсегдатаем у нас. Они что-то писали, считали с отцом и радовались.

Была готова первая «партия» артельного масла. Сами же артельщики свезли его в Камень. Закуплены были нужные в деревне товары, рассчитаны деньгами за молоко артельщики. Оказалось, каждый из них получил за свое молоко значительно больше, чем получали у Кононова. Эффект был поразительный: мужики сами шли и вступали в артель. Дела налаживались, артель крепла, завод увеличивался. Мастер Кузьменко ликовал, отец входил в азарт. [...]

Да, много тревоги принес нашей семье этот период пребывания отца руководителем артели. Наш дворик превратился в место, где всегда были люди – прихожие и приезжие: получить заказанный товар, получить расчет за молоко, за извоз. Отец был занят с утра и до вечера. Я сейчас думаю и поражаюсь: как мог и успевал полуграмотный мужик посчитать по специальным книжечкам «сдатчиков молока», сколько пудов молока сдал артельщик, сколько ему причитается деньгами, кроме взятых товаров. И не припомню я ни конфликтов, ни недовольств. Без счетовода или бухгалтера – весь учет и отчетность вел мужик, усвоивший когда-то «все четыре правила арифметики». Ни растрат, ни потерь, ни утрусок, ни раструсок.

Период этой кооперативной деятельности отца определяется примерно около 6 лет, с 1905 по 1911 г. За это время уже возникла волость, нормально работала в церковной сторожке школа, так и названная – церковноприходская школа. Она уже официально числилась в томском епархиальном ведомстве и снабжалась им книгами, частично – тетрадями и карандашами. Учителем в ней тоже местный мужичок, прибывший из Курской губернии, более грамотный, чем мой отец: он знал весь «порядок» церковной службы и исполнял одновременно обязанности псаломщика при церкви. Мой старший брат уже третий год ходил в эту школу, да и мне пришлось время идти туда же.

В 1907 г. мне исполнилось 8 лет... Я уже знал учителя, и он меня [знал], так как не раз приходил к отцу побеседовать вечерком. Это был типичный деревенский мужичок лет 35, совершенно лысый, с лопатообразной рыжей бородой, голубыми глазами. Был он, очевидно, веселого нрава, так как очень искренне и «смачно» хохотал даже в таких случаях, когда совсем не было смешно. Был очень религиозен и очень любил выпить. Даже в школу на занятия приходил иногда в весьма нетрезвом виде. Звали его Осип Прохорович Старцев.

Этому мужичку, несмотря ни на что, в [19]14–[19]15 гг. удалось выдержать экзамен при Барнаульском духовном училище на звание учителя церковнопри-

ходской школы. Немедленно [он] изменил внешность: [зимой надевал] форменный черный мундир с «золотыми» гербовыми пуговицами, летом – белый мундир с такими же пуговицами и двумя кокардами на фуражке. Мужичья походка исчезла. Но и в этой новой «коже» существо осталось то же. Это был милый, безобидный человек и очень старательный учитель. Уже при советской власти он ушел на пенсию, отработав в школе в общей сложности более 50 лет, и все время в одном селе.

Вот к нему-то в 1907 г. в первый класс (или, как тогда называли – отделение) меня привел старший мой брат, учившийся у него уже три года. Классная комната была всего одна, довольно большая, в ней размещались все три отделения: первое, второе и третье. Парты были длинные – на десять человек ребят. Тем не менее, обстановка для меня была необычно новой: на стене висели часы-ходики в деревянном корпусе с большим маятником и двумя «гирями»-цилиндрами на медных цепочках. Часы всякий раз звучно отзванивали время. Этого я [прежде] никогда не видел и не слышал.

В одном из углов пристроена была большая икона: три человека ... прибиты гвоздями на крестах, с раскинутыми руками. Одного из них, среднего, я уже знал, видел на медном кресте, который поп предлагал целовать во время пасхального обхода домов с иконами. Бабка Пелагея меня на этот счет подробно информировала: «Это, сударик, Спаситель Господь наш Иисус Христос». А вот так – троих вместе – видеть не приходилось. Ниже – другая икона: седой старик с кругловатой бородой, с острыми злыми глазами. Позже я, конечно, узнал, что это Николай Чудотворец. Перед ними висела большая лампада, которую зажигали утром перед молитвой, с которой начинался учебный день. Это было очень интересно. Все стены комнаты были завешены картинами, как потом я узнал, из священной истории, начиная от изгнания из рая Адами и Евы и кончая сошествием Святого Духа на апостолов. У стены стояла большая черная доска, около нее – небольшой шкафчик для учебников, тетрадей, карандашей. В этой обстановке я воспитывался около 4-х лет.

Пришел я в школу уже подготовленный братом: я умел читать, считать, кое-как «ковырять» некоторые буквы, но самое главное – я любил рисовать. Заразил меня этой страстью полуграмотный деревенский паренек Мишка Греков, которого отец несколько раз нанимал весной помогать пахать (сам он занят был артельными делами). Мишка с моим старшим братом 10–11 лет проводил всю «посевную кампанию», самому ему было лет 14–15. Так вот этот самый Мишка вечерами дома садился со мной за стол, брал бумагу, карандаш и начинал рисовать человека. Я поражаюсь: у него получались глаза, нос – как настоящие. А то нарисует коня, с такой крутой изогнутой шеей, а на коне – всадник, да еще с пикой или шашкой в руке. Изумление! С тех пор каждый день и вечер я старательно подражал в «живописи» чародею Мишке.

Так осталась [со мной] на всю жизнь эта благодатная «зараза». В дальнейшем она была ... усилена двумя моими товарищами, и я овладел этим «искусством» настолько, что мог писать с натуры, копировать – карандашом, акварелью, маслом. «Балуюсь» этим до сих пор. Трудно выразить, как же мне пригодилось впоследствии это «художество»!

Учиться в школе мне было легко. Учили писать, читать, арифметике, Закону Божию, церковнославянскому языку. И только. Никак не могу думать, что наш мужичок-учитель Осип Прохорович был особенно искушен в методике и педагогике обучения, но все [его ученики] читали, писали, знали арифметику, а особенно Закон Божий и славянский язык. По этому [последнему] «предмету» все дело сводилось к навыку беглого чтения: понимать и переводить прочитанное – по возможности и не обязательно.

На третьем году учебы я настолько овладел техникой чтения на церковнославянском языке, что Осип Прохорович однажды, во время очередного визита попа в школу, представил меня ему и сказал, что хочет попробовать дать мне читать в церкви «шестопсалмие» и «часы». Поп охотно одобрил эту затею, очень хвалил меня. С тех пор я каждую службу читал на клиросе и «часы», и «шестопсалмие». И вообще учитель стал использовать меня своим «помощником» в школе: лампаду зажечь у икон перед молитвой, карандаши и тетради раздать ученикам, провести диктант и даже спросить приготовленные уроки первоклассниками и второклассниками.

Я был горд и доволен собой. Мать и бабу Пелагею мое участие в церковных службах умиляло до слез. Конечно, все это очень влияло на мою психику, и я рос очень религиозным малым. По совету все той же бабушки Пелагеи и матери я каждое утро рано вставал, зажигал лампадку перед иконами и молился, читая наизусть весь запас молитв, накопленный за это время. Отец относился к моему «подвижничеству» иронически. И когда на пашне в постные дни (среду или пятницу) варили пшенную кашу с маслом и суп с мясом, а я отказывался их есть и пробивался чайком, отец добродушно смеялся надо мной и всякий раз повторял: «Вот подожди, поучишься больше (а учиться ты будешь), – смеяться потом будешь над самим собой и своими чудачествами». Предсказания отца вскоре сбылись.

Весной 1911 г. стало известно у нас в школе, что у нас будут выпускные экзамены – впервые за все время существования школы. Стали готовиться. Прохорович переволновался настолько, что перестал напиваться. Мы ждали с тревогой и любопытством. Не знаю, установлена ли была такая формальность или это изобретение нашего учителя, но только в один из дней он торжественно заявил нам, что мы должны написать прошения в экзаменационную комиссию о допусшении к экзаменам. И красиво, каллиграфически он написал на доске текст «прошения», а мы так же старательно и по возможности красиво переписали:

*В экзаменационную комиссию
при Сидоровской церковно-приходской школе.*

Сына крестьянина села Сидоровского, той же волости (такого-то)
ПРОШЕНИЕ.

*Прошу экзаменационную комиссию подвергнуть меня испытанию в
знании курса одноклассной церковно-приходской школы.*

(Подпись).

Эти три десятка слов располагались на целом полулисте доброй бумаги (№ 6). На такой бумаге писались прошения только высоко начальствующим лицам.

В середине мая приехала экзаменационная комиссия. Два чужих попа и учитель из с. Вознесенского, некто Пушной, который впоследствии стал попом. Учитель сиял форменным мундиром и был самой яркой фигурой на всем сереньком фоне нашей обстановки. Одного из приехавших попов называли почтительно «отец благочинный», но он, сухой и морщинистый, ничем не отличался от остальных попов. Присутствовал и наш поп. На следующий день начались экзамены. Длились они всего часа два-три. Экзаменующихся было человек двенадцать.

По русскому языку спрашивали по учебнику Некрасова, ч. 1-я «Курса правописания», писали предложения на доске, разбирали. По арифметике – решали задачки на доске, из учебника Цветкова, на все четыре действия. По Закону Божию особенно много надо было знать: надо было рассказать эпизод из священной истории Ветхого или Нового Завета (мне, помню, пришлось рассказывать о «чуде» в Кане Галилейской, где Христос без всяких приспособлений и компонентов превратил обыкновенную воду в прекрасное вино, [которое] гости пили и восторгались, а хозяин пиршества ликовал); нужно было прочесть наизусть по заданию один или два члена Символа веры (первый член или четвертый, пятый или восьмой, шестой или двенадцатый), а их всего 12; то же самое – из заповедей Господних, а их 10; надо было легко различать, какая молитва называется Господней и почему («Отче наш...»), какая – начальной, какая полагалась [для прочтения] перед обедом, после обеда, перед ученьем и после ученья, утренняя и на «сон грядущий»; и, конечно же, надо было прочесть отрывок из Евангелия на церковнославянском языке.

Сейчас, в свете современных дискуссий о нагрузках и перегрузках школьника, поражаюсь: как могла головка 11-летнего ребенка запомнить, воспринять и удержать в памяти всю эту «господнюю» дребедень! А ведь помнили, и отвечали так, что «только от зубов отскакивало». Каким же педагогическим и методическим мастерством должен был обладать наш полуграмотный учитель, мужичок Осип Прохорович!?

Экзамены все выдержали, четверо из нас – «похвально», т. е. отлично. Учитель наш ликовал, никогда еще не блестела так ярко его увлажненная потом лысина. Нам объявили, что вышлют каждому «свидетельство» об окончании школы, а отличившимся – награды: полный экземпляр в изящном переплете святого Евангелия. Тут же в классной комнате попы отслужили «благодарственный» молебен. И как усердно, истово молился наш счастливый Осип Прохорович!

Итак, прощай навсегда сельская церковноприходская школа, скромное, почти убогое деревянное зданьице около церкви. И никто тогда не знал, да и знать не хотел – ни попы в черных рясах, ни скромный наш наставник, ни мы сами – куда поведут дороги нас от церковной сторожки, именуемой школой.

В семье у нас все были рады, особенно отец, – ведь небывалое дело! Первый школьный экзамен во всем нашем крестьянском роду! Как же много надежд связывалось с этим событием! В тот же вечер мы с отцом уехали на пашню, где уже начался сев.

На пашне я бывал каждое лето с 7-ми лет. И когда [много позже] мне приходилось отвечать на вопрос о начале моей трудовой деятельности, я затруднялся: считать ли началом моей трудовой деятельности тот день, когда меня впервые на пашне посадили верхом на лошадь – семилетнего крестьянина, и с той поры я был необходимой и обязательной рабочей единицей в хозяйстве; или тот день в 1919 г. в ноябре, когда я впервые переступил порог двуклассной школы в с. Родина в качестве учителя, посланного верховной партизанской властью – Облакомом? Затрудняюсь и сейчас сказать, когда началась моя трудовая деятельность.

Да, пашня, пашня! С этим связано с раннего детства раздолье седовласых ковылистых полей с редкими березовыми околочками, небольшими весенними озерками; с туманными ранними утрами, начинающими трудовой день; с поздними вечерами, кончающими крестьянский рабочий день, и тоже – иногда туманными и прохладными, чаще – теплыми и обильно звездными, у костра, с запахами не всегда обильного, но всегда вкусного полевого ужина. И еще с ней, с пашней, связан навсегда *труд* крестьянский огромный, многообразный и тяжкий, которому нет равного, не было и не будет! Да, пашня! Вот настоящая трудовая и политехническая школа нашего крестьянского поколения, которой не было равных, нет и не будет. [...]

Отец уже намечал планы на ближайшее будущее. Было решено, что с окончанием полевых работ осенью он повезет меня в двуклассную школу в с. Романово – в тридцати верстах от Сидорки.

Весна была благоприятная, росли хорошие всходы, травы. Мы засеяли достаточную для нашей семьи площадь пшеницы, овса, проса и прочих необходимых культур в сельском х[озьяйт]ве. Все обстояло хорошо. Во второй половине июня начали сенокос. У нас с соседом была куплена машина сенокосилка в рассрочку на три года. Травы выросли хорошие, сенокос был веселый и обильный. Появились первые стога. Хлеба – колосились и желтели.

20-го июля, в день пророка Ильи, с утра на северо-востоке собирались тучи. Мы спешили оставшиеся валки сена сложить в копны. Туча надвигалась быстро, темная до черноты, с белыми полосами по ней... Едва мы добежали к стану, как обрушился страшный ливень, а через несколько минут земля буквально застонала от сильного и крупного града величиной с куриное яйцо. Нас обуяли ужас и оцепенение. Кони под крышей сбились в кучу и замерли. Через 10–15 минут, [когда] еще моросил мелкий дождь, а смертоносная туча с бешеным рычанием уходила на юго-запад, мы вышли из землянки и были потрясены страшным зрелищем: вся земля была покрыта кучами битого льда. Прощайте, посеvy, крестьянские планы и надежды! К вечеру мы приехали домой. Через 60 с лишним лет я не могу вспомнить без содрогания тот трагический вечер и последующие дни.

Итак, сенокос и страда для нас отпали сами собой. Начались тяжкие дни неопределенности, размышлений. «Ну, что ж, – сказал однажды отец в семье, – горе горюй, а руками воюй! Перевезем все сено, что успели накопить и сметать, домой. Все, что нарастет на полосах после градобития до наступления холодов, скосим и тоже вывезем домой». Верно, после градобития на полосах поднялась буйная соч-

ная зелень. Вся она была скошена и превращена в роскошное сено. И сразу же он, [отец], приступил к обмену сена на любое зерно с мужиками односельчанами, у которых град пощадил посевы, а сена было недостаточно. Помогли родственники, избежавшие этого стихийного бедствия.

В августе я получил «свидетельство» об окончании школы и награду: Евангелие в черном изящном переплете, в котором на половине страницы – по вертикали – располагался текст на церковнославянском языке, а на второй половине – на русском.

Приближалась осень. Возникал вопрос об отправке меня в с. Романово в 2-классную шк[олу]. Отец поручил матери заняться подготовкой к моей поездке: сделать матрасик, одеяльце, подушечку, три пары белья. Мать была категорически против: ведь надо за квартиру платить, а чем? И своих продуктов нет. А главное – «ребенка у чужих людей вши заедят, с голоду пропадет». Кто его обмоет, обстирает? Доводы приводились всё обильнее, убийственно убедительные. Мне очень было жаль ее, казалось, что она права во всем, плачет дни и ночи. А ехать все-таки хотелось. И мать, глубоко страдая, продолжала готовить меня к отправке.

В начале октября настал день отправки. Накануне этого дня мать уже не плакала, а только все «наказывала»: «Если захвораешь – напиши письмо, ты же теперь сможешь, или с кем-нибудь накажи; не заводи вшей, мойся чаще, молись Богу», – и всё в этом роде. Рано утром в день отъезда она надела мне на шею маленький медный крестик на красной шелковой ленточке и сказала: «Береги, никогда не снимай! Знаешь, материно благословение со дна моря вынимает». Этим она, очевидно, себя успокоила, крепко уверенная в силе своего благословения. Отец запряг Рыжку в ходок, положил в коробок сена, завернул меня в старенький тулуп и повез меня учиться в «чужую» деревню, к «чужим» людям.

Приехали мы в с. Романово в половине дня. Оно совершенно не похоже на наше село: перед самым селом большая, высокая березовая роща, за селом в конце виднелась вторая. Хаты украинские, крытые соломой, побеленные снаружи; улица длинная и прямая, никакой речушки. Даже здание волости, мимо которого мы проехали, было крыто соломой и походило на деревенскую избу. Это никак не вязалось с моим представлением о селе, в котором была 2-классная школа. Только церковь была похожа на нашу, [она стояла] на большой ровной площади за селом, а вдали от нее – школа, большое деревянное здание под зеленой железной кровлей. Школа мне понравилась: наша по сравнению с ней казалась убогой хибаркой.

Занятия уже начались. Сегодня они уже заканчивались в старших отделениях – 4-м и 5-м. Нас принял заведующий – аккуратный молодой человек приятной внешности, в черной тужурочке без всяких светлых пуговиц. Он удивился, что я такой маленький для своих 11-ти лет, записал где-то и сказал, что завтра пусть приходит в школу. Надо было устраиваться на квартиру. Отец обратился к ребятам, которые собрались идти домой: не знают ли они, у кого можно было бы «снять» квартиру для ученика? Один из мальчишек сразу же обрадованно заявил: «Мой хозяин, где я живу на квартире, наказывал мне, чтобы я еще одного квартиранта подыскал. Поедемте!»

Хозяин квартиры, старый украинец, принял нас любезно, попросил распрячь лошадь и пригласил в хату. Хата состояла из двух комнат через сени: большая кухня и таких же размеров комната. В кухне – пол земляной, покрыт толстым слоем соломы. От большой кухонной печи до противоположной стены располагались сплошные нары. В углу много икон, перед ними – лампада. В другой комнате пол дощатый и тоже покрыт соломой. Небольшая обогревательная печь с лежанкой, выходящей к стене, от печи до стены опять такие же сплошные нары. В углу так же много икон с лампадой. Одним словом, всё то же, только печь меньше и пол дощатый. Здесь мы и должны были проживать, учить уроки, спать, столоваться же – вместе с хозяевами на кухне. Вечером за ужином договорились о квартплате. Она выразилась в три рубля пятьдесят коп[еек] в месяц – на всем полном хозяйском содержании.

Утром отец рано собрался домой, а мы с новым моим товарищем – в школу. Уезжая, отец дал мне денег: пятак и копейку, всего шесть коп[еек] на «расходы».

В школе первый день был непредвиденно нов, интересен, богат впечатлениями. Мне дали учебники: помимо священной истории, я получил «Краткий курс физической географии» Раевского, геометрию Страхова, «Естественную историю» Утушкина, курс арифметики Киселева, сборник задач Арженикова, краткий курс «Отечественной истории» Рождественского, курс грамматики Некрасова, ч. II-я. Такое обилие учебников поражало, радовало: ведь всё ново, не видано, не слыхано! Я получил несколько тетрадей, карандаш, ручку с пером.

«Ну, – думаю, – вот это школа! Недаром называется 2-классной». И поразительнее всего – парты маленькие, всего на два человека. Удобно! Проходы между ними. На стене прямо перед нами – большой портрет царя, а ниже под ним – большая географическая карта. На стене тоже картины, но не из священной истории, а из отечественной. Позже, когда мы изучали отечественную историю, буквально каждое событие мы видели тут же на картине: вот «Призвание варягов», нач[ало] русского государства – 862 г.; вот взятие Олегом Киева – 912 г.; а вот «Крещение Руси» – группа священников на берегу, а в реке Днепр масса людей, голые, по грудь в воде, принимают веру Христову – 988 г.; вот нашествие татар – 1224 г. И так до «Освобождения крестьян от крепостной зависимости» – 1861 г. Это в нашей классной комнате, где располагались 4-е и 5-е отделения. И то ли потому, что эти картины висели перед моими глазами два учебных сезона, по прошествии более 60 лет я и сейчас любое событие со всей полагающейся хронологией, со всеми подробностями мог бы рассказать на любом экзамене.

Кроме картин, на стенах были развешены тоже поразившие меня «странные» таблицы. На картонках таких же размеров, как и картины по истории, – крупная четкая надпись: «Сосна и что из нее делается», а к ней прикреплены веточка сосны, квадратик сосновой коры, шишка сосновая, крошечные подобишки доски, бревна, наиболее известные поделки из дерева сосны, вплоть до канифоли, скипидара и смолы в маленьких стеклянных пробирочках. То же – из березы, дуба, липы, кедра. А вот представлен хлопок – от веточки и орешка до ткани; а тут – знакомые нам с раннего детства всякие зерновые – от пшеницы до гречки; камешки различных горных пород и пески разной крупности и цвета.

Оказывается, это – наглядные пособия для изучения «Естественной истории» Утушкина. В особом шкафу, в стеклянных банках с жидкостью – настоящая гадюка, уж, ящерицы, лягушки. Приборы по физике тоже были очень интересны и занимали большой шкаф. Одним словом, я оказался в мире новых представлений, который мне никогда не снился.

И занятия проводились не в обычном для меня виде: грамматику, историю и чистописание преподавала учительница Елена Севастьяновна, она же вела второе отделение; арифметику, геометрию и естественную историю – Михаил Павлович, зав[едующий] школой; Закон Божий приходил преподавать поп. Первое отделение вела специальная учительница. Коридор школы был большой и широкий, там происходили наши игры.

Я был очень доволен школой, учился усердно, с удовольствием. И на квартире у деда Хруля Федора хотя и было тоже все необычно для меня, но приятно. У него большая семья: два взрослых сына, сноха, внук, старушка – баба Мотря и мы двое с товарищем. И, казалось, всем достаточно места в комнатке и кухне. Правда, мы с товарищем спали на полу, на соломе. Баба Мотря иногда прикрывала нас сверх наших одеялишек своей толстой дерюгой, – было тепло.

Скоро я стал понимать украинский язык, и весь быт украинской крестьянской семьи очень мне нравился. Старик был очень религиозен. Вечерами, подтапливая печку соломой, он сидел перед ней на маленьком трехногом стульчике собственного изготовления и гнусавым тенорком пел «святые ирмосы и тропари». Скоро и нас он привлек к этим «песнопениям», и тогда мы трое, особенно в воскресные дни, пели: «Отверзи уста моя и наполнятся духом...». Каждое утро он вставал очень рано, зажигал лампаду у икон, в холщовой рубахе и портах становился на колени и с широко распростертыми руками молился вслух, полупшепотом, читая наизусть бесконечный набор молитв. И когда мы учили уроки по священной истории, он с удовольствием слушал, лежа на нарах.

[Но] как только мы начинали [учить] географию, где говорилось о том, что Земля имеет форму шара, что она вращается вокруг «своей оси» и вокруг Солнца, – он возмущался. Садился на нарах и с негодованием говорил: «Хм, напышуть же такэ у чортового батька! Зэмля – кругла, крутытся на своей оси, кругом сонця! Да хибя можна дитэй учить цёму богохульству? Та хто ж ии зробив, ту ось? Та як бы вона крутылась, так мы вси як горох посыпалысь бы з нэи. У Священному Пысанию сказано: “На водах основал еси землю, яже не подвижется”. Бачь! А тут, суккыного сына, крутыться!? Така брэхня, просты Господы, а в книгах пышуть». Мы настораживались. Дед, конечно, большой знаток Священного Писания, в наших глазах – авторитет, и если там так прямо и написано: «яже не подвижется», то как же все-таки так утверждает география? Ведь авторитет Священного Писания в нашем сознании поддерживался весьма высоко. [Происходило] раздвоение [наших представлений] с перевесом в сторону «писания».

Больше двух месяцев не был у меня отец. Я скучал, беспокоился, да и за квартиру задолжали. Наконец, в декабре, перед рождественские каникулы, приехал отец. Рассчитались за квартиру, сходил в школу, побеседовал с учителями. Мною остался очень доволен. Спрашивает: «А ты сам-то не

задолжал кому-нибудь, ведь я так мало оставил тебе денег?» – «Нет, – говорю, – деньги у меня есть», – и предъявил ему тот самый пятак. Копейка была израсходована за два с лишним месяца.

На две недели каникул отец повез меня домой. Ехал я домой с большой радостью, хотелось всех видеть – и родных, и друзей, рассказать о многом интересном. И дома радовались все. Только у матери я сразу заметил тяжелую печаль в глазах. Через несколько времени она со слезами рассказала мне о страшной новой беде, которая постигла нашу семью. Осенью была какая-то эпизодия в деревне, болел рогатый скот, очень много погибло скота, а у нас все четыре коровы и телочка погибли. Ни хлеба, ни скота. То хоть коровы давали молоко, почти всё сдавали на завод, на эти деньги покупали и хлеб, и платили за мою квартиру 3 руб. 50 коп. А теперь как?! Семья в восемь человек!

Да, невеселые оказались рождественские праздники. Видел, с каким страшным трудом удастся отцу заработать хотя бы на хлеб. Хорошо еще, что с огорода (а он был обширный) была своя картошка, капуста, лук, из семян конопли делали масло. Отказались от такой роскоши, как сахар; кроме керосина ничего не покупали. Каждый день у матери с отцом шел разговор – везти меня после Рождества в школу или «этот год» пропустить.

Нужда оказалась сильнее всего: в школу меня после каникул не повезли. Я понимал безвыходность положения и сознательно переживал тяжелую неудачу. Делать было нечего, и я пошел в школу к своему учителю Осипу Прохоровичу помогать ему в школе. Он знал о наших несчастиях, принял меня очень хорошо, даже обрадовался. [Я] ходил, спрашивал уроки у первоклассников, второклассников, а диктанты проводил и с третьеклассниками. И всё это знакомое, ничего нового, ничего интересного. Книг для чтения нет, библиотеки тоже. Единственное утешение – рисование. Рисовал очень много. А тоска о Романовской школе не проходила.

Миновали январь и февраль, наступал март, а с ним «Великий пост», приближалась весна. Трудно было представить – какая она будет для нашей семьи?! Чем сеять, как прокормить большую семью до урожая? Хватит ли сил и изобретательности у отца? [...]

Весна 1912 г. была довольно благоприятной. Мы произвели посевы, достаточные для нашей семьи, хорошо провели сенокос и уборку урожая. Появился свой хлеб, и в достаточном количестве. Семья ожила. И снова в начале октября отец повез меня в с. Романово в школу. С какой же огромной радостью я ехал туда! Приехали мы прямо на прежнюю квартиру. Дед Хруль и вся его семья встретили нас, как родных. Очень сочувствовали нашим миновавшим несчастиям. Конечно, согласились держать меня на квартире за ту же цену. И удивительное дело! Я и сейчас вспоминаю часто и не могу [ни] передать, ни описать словами то украинское народное чистосердечие, пленительную чуткость, даже нежность к человеку, которого они считают уже своим. Натурально детское непосредственное отношение во всем, и какая же это невыразимо очаровательная искренность!

Утром мы были в школе. И зав[едующий] школой, и все учителя – новые. Выслушав отца, новый зав[едующий] Иван Степанович очень посочувствовал

нам, пожалели все потерянный год, и я снова был восстановлен в четвертом отделении. Дня через три вечером на мою квартиру пришел мужичок, а с ним – паренек моего возраста. Я в нем узнал ученика нашей церковноприходской школы Ваню Похиленко. Его отец привез тоже учиться в 2-классную школу. Был принят на квартиру и Похиленко. Мы уже знали друг друга по Сидорской школе, и это «родство» было особенно приятно. Ваня рассказал мне, что вместе с ним приехали из нашей же школы еще три девочки и мальчик. Я их хорошо знал, – это были дети очень зажиточных родителей.

Начались занятия. Мы с Иваном сели за одну парту. И так с той поры жили на одной квартире и просидели на одной парте два учебных сезона.

Занятия мне в этом году показались интереснее, живее, [чем в прошлом]. Те же предметы, те же учебники, но преподаватели были другие. Ясно представляю и сейчас маленькое прелестное существо – учительницу географии и естественной истории Евгению Францевну Наревскую (она приехала из Барнаула); несколько серьезную и строговатую Харитину Яковлевну – жену зава, преподавателя истории. А сам Иван Степанович внешне не производил особого впечатления, но скоро стал всеобщим любимцем. Он преподавал русский язык, арифметику и геометрию. Уроки русского языка стали для нас наслаждением.

И тут уместно сказать о том своеобразном стиле занятий, который определял весь строй школьной жизни. [Поражало] обилие картин, о которых я уже говорил, наглядных пособий не только по истории, естествознанию, географии, элементарной физике, но и по русскому языку. Например, «Таблица коренных слов», т. е. слов, которые полагалось писать только с буквой «ять». Их много, надо помнить наизусть, – ошибки на правописание буквы «ять» считались грубейшими ошибками. Вот таблица падежных окончаний существительных, а вот – прилагательных, дальше – числительных; все формы местоимений от личных до неопределенных. Наиболее трудные правила правописания глаголов.

Уроки русского языка Иван Степанович проводил примерно так: приходит в класс, в руках у него книжка – Н. В. Гоголь, избранные сочинения. Садится и начинает читать приезд сыновей Тараса из бursы домой. А читает, как артист: с мимикой, выражением, интонацией, жестами. Звонок – час пролетел незаметно. «Ну, ладно, продолжим в следующий раз», – обещает он. А в следующий раз приходит, – та же книга в руках. Спрашивает: «Ну как, продолжим?» – «Продолжим», – хором отвечаем мы. «Ну, а запомнили вы хоть что-нибудь из того, что мы прочитали?» – «Запомнили», – уверяем мы. «А ну-ка, давайте попробуем – кто как запомнил! Ну вот, например, Васичев!» Васичев, конечно, запомнил наиболее яркие моменты встречи, но получается кратко, сухо, нет подробностей. То же – второй, третий. Иван Степанович сокрушенно делает вывод: «Слабо запомнили. А ведь дальше еще интереснее: Тарас поедет с сыновьями в Запорожскую Сечь, там его будут встречать, потом будут выбирать кошевого, потом война с Польшей, потом Тараса поляки сожгут». Интерес наш взвинчен до предела. А Иван Степанович говорит, что если мы будем читать и дальше так запоминать, так время тратить не стоит. И предлагает: чтобы лучше запом-

нить ... записать прочитанное в тетрадях под диктовку, если не всё, то хотя бы отдельные эпизоды, которые труднее запоминаются.

Выходит к доске тот же Васичев, пишет первую фразу под диктовку учителя. У него, конечно, есть ошибки разных «сортов». [Они] коллективно выправляются с обоснованием правильного и неправильного, с выделением существительных, прилагательных и других частей речи... Получается кропотливое, довольно прозаическое занятие, а час проходит быстро. В дальнейшем мы, конечно, чтение продолжаем слушать, но закрепление в памяти нового происходит по-иному.

Я хочу этим отметить, что трудная грамматика русского языка того времени Иваном Степановичем проходила вся на материале литературных произведений. Так мы узнали и Тургенева с его «Записками охотника», Пушкина с его стихами, Григоровича с его «Антоном Горемыкой», а Некрасов был нашим кумиром. При школе была ученическая библиотека. Спрос на знакомых нам авторов был огромный.

Кажется, пустяковый случай породил новую и очень приятную форму занятий языком и литературой. Как-то на уроке русского языка встретилось слово «тротуар». Для нас, деревенских ребят, слово это было, конечно, незнакомо. Учитель объяснил. И тут же предложил: если кому в книге встретится незнакомое слово, запишите его на листочек бумаги, и как только у нас накопятся такие слова, мы в один из субботних вечеров соберемся и все их разберем. Слова накопились быстро и много. Субботний вечер состоялся, и каким же интересным он для нас оказался! Само по себе разъяснение значения «непонятных» слов [было полезным], но и оказалось неизбежным касаться того, откуда оно, [слово], взялось, из какой книги или произведения, по какому поводу употреблено. И стали такие субботы повторяться еженедельно. На одной из суббот сама собой возникла идея – издавать рукописный журнал «Первый шаг». До конца учебного года вышло два номера. Читались они тоже на субботках.

Словом, зима прошла удачно, интересно, с хорошим накоплением знаний. В нашем четвертом отделении было около 20-ти человек. Все были переведены в пятое. Наступила весна, а там – опять пашня. [...]

Итак, я снова на пашне с братом старшим, и третий брат уже вступил в трудовую крестьянскую жизнь, – ему шел восьмой год. Значит, мы от посевной и до уборки урожая должны почти безвыездно жить в поле. Я уже упоминал, что пашня для нашего поколения крестьянской интеллигенции была подлинной трудовой и политехнической школой, и хотел доказать это. В самом деле, с 8-ми лет и до 15 крестьянский мальчишка полностью и в совершенстве овладевал всем комплексом многообразных крестьянских работ. [Осуществляя] полный уход за скотом – зимой и летом, в работах в поле и дома он интуитивно привык ценить время; он знал «технологии» вспашки и боронования; разбирался в сортах семян, знал, когда лучше какую культуру сеять и по какой земле; он умел жать, косить вручную, а если были машины, он вполне мог их обслужить, пользоваться ими, произвести чистку, смазку и даже легкий ремонт; в домашних работах он в совершенстве знал очень трудоемкую и довольно сложную «технологии» превращения навоза в кизяк (топливо); умел строить глинобитные по-

стройки; мог наточить топор, лопату. И такой ежедневный и разнообразный труд и воспитывал «эту привычку к труду благородную», а она выростала в привязанность к земле, родной деревне. Восемнадцатилетний парень мог вести самостоятельно крестьянское хозяйство.

А ведь в современной деревне теперь созданы величайшие возможности подлинного трудового и политехнического воспитания и образования для сельских ребят именно с восьмилетнего возраста. Уверен, что решение проблемы закрепления сельской молодежи в деревне, в родных местах заключается только в этом. Конечно, при этом необходимо поэтизировать труд крестьянский так же, как это делалось в нашей классической литературе. Я говорю не о пресловутой «романтике», которой мы за последнее время не в меру часто размахиваем, как букетом бумажных цветов ... я говорю о сознательном постижении ребятами подлинной, органически присущей крестьянскому труду красоте, поэтической одухотворенности, его неразрывности с вечной красавицей-природой, его огромного общественного значения и необходимости.

Трудовое лето прошло обычно и самое главное – благополучно. В начале октября нас с Ваней Похиленко повезли уже вместе в с. Романово. Квартиру пришлось искать другую: у деда Хруля семья увеличилась. Нашли тоже в украинской семье, недалеко от школы.

В школе снова перемены: новый зав[едующий]. Ивана Степановича нет. Мне было грустно – любил я этого человека. Жена его Харитина Яковлевна сообщила, что он поступил в Томский учительский институт – учиться. Вместо него назначен Василий Демьянович Фоменко, только что окончивший Новониколаевскую учительскую семинарию. Сын крестьянина соседнего села Гилёва Лога, довольно зажиточного украинца. Плотный, крепкий, по-украински добродушен, брюнет со следами оспы на лице, подлинный сын деревни. Характер занятий в школе почти не изменился. Новый зав[едующий], только что начинающий свою учительскую деятельность, очевидно, решил внимательно присмотреться, изучить тот опыт работы, который сложился до него.

В нашем 5-м отделении было человек 15. Все намеревались учиться дальше. А где? Прежняя 2-классная школа давала все же солидный объем знаний. Оканчивая 5-е отделение, ученик знал грамматику в объеме 1-й и 2-й части Некрасова, этимологию и синтаксис. Считалось недопустимым делать грамматические ошибки, несмотря на исключительную трудность прежней грамматики русского языка. Заканчивая синтаксис, мы должны были свободно пользоваться знаками препинания, вплоть до «точки с запятой» и «многоточия». Арифметику заканчивали задачами на «правило смешений» и сложными процентами. Геометрию [изучали вплоть] до стереометрии. [Изучая] географию, [знали] не только физический обзор зем[ного] шара с совершенно свободной ориентировкой по карте и на глобусе, но и политическую географию с элементами экономической. [По] естествознанию [изучались] ботаника и зоология, краткие сведения по физиологии человека в объеме учебника Утушкина. Отечественную историю [мы знали] в объеме учебника Рождественского. Не говорю уже о многих разновидностях отдельных «предметов» по Закону Божию.

Значит, по подготовке и наличию знаний мы могли поступать в любое среднее учебное заведение этого времени. А по [нашему] экономическому и правовому положению мы могли делать очень ограниченный выбор. Самыми доступными для нас были ... учительская семинария (чуть ли ни единственная в Сибири) в Новониколаевске и фельдшерская школа, кажется, в Томске. На одном из субботних вечеров как-то и возник такой разговор. Наш зав[едующий] Фоменко В. Д. много и подробно рассказал об учительской семинарии. В семинарии не только обучали бесплатно, но еще и платили ученикам стипендию 15 руб. в месяц. Конечно же, все мы почти решили поступать после окончания школы в семинарию. А туда надо выдержать конкурсный экзамен по всем проходным в школе предметам.

Мы с Ваней Похиленко усердно принялись за учебу. Все шло хорошо, я много помогал ему, особенно по арифметике и русскому языку, и отношения у нас были самые дружеские. Но неожиданно произошел случай, который принес мне много тяжелых переживаний.

Возвратившись как-то из школы, мы увидели, что хозяйка в нашей комнате помыла полы. Ваня снял галоши со своих новеньких бурочек и свободно прошел в комнату. Я в нерешительности остановился у порога. «Ну, а ты что же не снимаешь свои калоши?» – «пошутил» Ваня. Мне вдруг стало страшно стыдно за свои старые подшитые валенки с братовой ноги. Я готов был плакать. Хозяйка ласково, ободряюще взяла меня сзади за плечи и, направляя в комнату, говорила успокоительно: «Иди, иди, ничёго, иди собі...». В тот вечер я не занимался. Рано лег спать и под одеялом тихохонько плакал. Только теперь я увидел, как я бедно одет не только по сравнению с ним, [Ваней Похиленко], но и со многими. У него пальто городского покроя, черные бурочки с галошами, шапочка ушанка, костюмчик нарядный. А у меня? Не по размеру старые валенки, шубенка, крытая дешевеньким черным материалом, шапка папаха из овчинки отцовского изготовления, несуразная, лохматая! Как же я до сих пор не замечал этого! Мне шел четырнадцатый год.

Решил поговорить с отцом, как только [тот] приедет. А он не едет. Наступил «Великий пост», а его нет. Задолжал опять за квартиру за два месяца. Опять тревога, переживая страшно, всё передумал, даже самое недопустимое: заболел, лежит больной.

И вот в один из дней в школе нашел меня мальчик из третьей группы, местный житель, и рассказал мне потрясающие вести. «У нас, – говорит, – вчера ночевали дорожники из вашей деревни и говорят: наш тут деревенский мальчишка учится (Останенко его фамилия), так скажите ему, что его “батька” арестовали и увезли куда-сь, – он старшину побил». Ужас! Страшно жаль отца! Слово «арестовали» тогда было равносильно смерти. И как же теперь мне быть? Придут за мной и увезут домой? А потом что? Без отца! Всему, значит, конец! Сколько было слез и бессонных ночей! А никому ни слова не говорил о своей беде.

Очевидно, и сам я резко изменился. В какой-то день после занятий ко мне подошла учительница Харитина Яковлевна: «Пойдем со мной в учительскую, я хочу с тобой поговорить». Пришли. Она положила руку мне на голову и, глядя

пристально в глаза, ласково спросила: «У тебя что-то не ладно, ты не заболел ли? Переживаешь ты что-то? Расскажи!» Я не выдержал и расплакался. Она пригласила мои «вихры», дала возможность немного «выплакаться». Немного успокоившись, я рассказал ей о своем горе. Ее суровое лицо стало, кажется, еще суровее и строже. «Не плачь, голубчик, надо привыкать ко всему. В жизни очень много горя и печали, но и много радости. Я вот тебе тоже поведаю о своем горе. От Ивана Степановича три месяца не было письма, а недавно наш товарищ сообщил, что его тоже арестовали. Видишь, у нас с тобой одинаковое горе. Не плачь! Учись, как учился». – «Да, – говорю, – а с квартирой-то как, я же задолжал». – «Ничего, ладно, я за тебя рассчитаюсь. Ты же был любимцем Ивана Степановича, мы ведь часто с ним о тебе говорили».

Какая же это была моральная поддержка! Она прибавила мне сил противостоять моей беде. Очень часто [я позже] вспоминал этих людей, Ив[ана] Ст[епановича] Сергеева и его жену, которых я с тех пор не только не видел, но и ничего о них не слышал; думал, где же и как закончили свою жизнь эти светлой души люди?!

Наступал апрель, а с ним и распутица. Мои валенки промокали. Видел и чувствовал, что Харитина Яковлевна пристально следит за мной. Но всё опять изменилось неожиданно и счастливо. Пришли мы с Иваном из школы, и вижу я – во дворе привязан к столбу наш Рыжка; сани с коробком на дворе, тоже наши. Влетаю в избу, – отец сидит на лавке и весело разговаривает с хозяином. Я в слезы. «Ну, что, заждался? Знаю, знаю, пережил ты много за это время. Ну, ладно, все хорошо». А когда он вынул из домашнего холщового мешка новенькие сапожки, да еще с галошами, я обомлел! А потом – серенький новый костюм и новенькую парусиновую фуражку с черным суконным околышем и с блестящим лаковым козырьком. Изумление!

Вечером я рассказал отцу, как я узнал о его аресте, как мучился, о своем разговоре с Харитиной Яковлевной. Отец был взволнован: «Завтра зайдём к ней, поблагодарим». А об аресте только и сказал: «Знаешь, люди наврут больше того».

Назавтра отец был в школе и долго беседовал с Харитиной Яковлевной. Вечером на квартире он был молчалив, задумчив, сказал только: «Даже не верится, что такие люди есть на свете». Утром он уехал, пообещал на пасхальные каникулы увезти меня домой.

Время до Пасхи пролетело быстро, на душе было необычайно легко, школьные дела шли прекрасно. Готовились к выпускным экзаменам, занимались много и упорно. Ваня Похиленко был ко мне чрезмерно внимателен, добр, предупредителен. И хотя в помощи по-прежнему я ему не отказывал, но того дружеского расположения к нему уже не было. Наоборот – росло с каждым днем чувство неприязни, которое осталось к нему на всю жизнь, несмотря на то, что многие годы судьба и дальше связывала нас. «Шутка» его с «моими калошами» сыграла роковую роль.

К Пасхе я приехал домой. Домой всегда было радостно приезжать, как бы скудно и бедно там ни было. На этот раз всё было хорошо, особенно с питанием: мать небывало много наготовила всего вкусного. И всё же следы не-

давнего пережитого потрясения чувствовались в настроении матери. Она рассказала мне подробности ареста отца. В начале марта в обеденное время семья садилась за стол... В это время неожиданно явился старшина Лепёха Иов Григорьевич, с ним – сотский, десятский, понятые и помощник писаря с толстой книгой. Оказывается, старшина ездит по дворам недоимщиков подати за прошлый год и тут же требует уплаты. А если хозяин не мог сию минуту заплатить или угостить старшину и его компанию как следует, то он забирал в залог какую-либо ценную вещь. Отец был должен 4 руб. 50 коп. И как отец ни просил старшину подождать до завтра, он и слушать не хотел. Схватил со стола горячий самовар, вылил воду на пол, вытряхнул горячие угли туда же. И тут отец не выдержал: схватил с лавки деревянную подставку для прялки и ударил старшину по голове. Рассвирепевший сам Лепёха и вся его свита набросились на отца, вытащили во двор, страшно избили и без верхней одежды увезли в волость. В каталажке снова били. Вечером пришел сотский и попросил передать отцу валенки и тулуп, – завтра его повезут в с. Волчиху к становому приставу.

Рассказывая об этом, мать снова со всей остротой переживала трагедию тех дней. Сотский [ее] «утешил» на прощание: «Ну, теперь Митрию труба: шутка ли, старшину ударил при исполнении служебных обязанностей! За это, знамо дело, тюрьма». И увезли отца в с. Волчиху, за 80 верст от нашего села. Там была резиденция крестьянского начальника, станового пристава, мирового судьи. Одним словом, вся верховная «крестьянская» власть.

К счастью, на второй день после отправки отца к нам приехал новый приятель отца, о котором я еще ничего не знал, – волостной писарь из с. Камышенки. Узнав от матери и от дяди Константина о происшествии, он тут же написал от имени матери прошение на имя крестьянского начальника, где подробно описал произвол пьяного старшины, с нанесением тяжелых побоев пострадавшему; рекомендовал немедленно ехать в Волчиху, лично вручить прошение начальнику, через него добиться приема у станового пристава, требовать врачебного осмотра отца. Утром дядя с матерью уехали в Волчиху. Письмоводитель крестьянского начальника оказался знакомым камышенскому писарю, это значительно облегчило дело. Отца освидетельствовал местный фельдшер, составил акт осмотра, его передали становому. К счастью, в деле по обвинению отца в избиении старшины не оказалось медицинского акта. Отца привезли домой.

После Пасхи занятия в школе еще больше носили характер подготовки к экзаменам. А экзамены надо было держать по всем проходимым предметам. В конце мая состоялись экзамены, они длились немного больше недели. Письменные: по русскому языку – диктант и изложение на заданную тему; по арифметике – решение задачи с объяснением. Это не избавляло нас от устных экзаменов по этим же предметам. Экзамены прошли хорошо, спокойно. Все успешно закончили курс, нас поздравили, напутствовали, и это означало, что мы расстаемся со школой, школьными товарищами и преподавателями навсегда. Для многих так и было.

Многие решили поступать в Новониколаевскую учительскую семинарию. Куда же больше? Единственный выбор – и по необходимости, и по «призванию». Вас[илий] Дем[ьянович] Фоменко познакомил нас с положением для поступающих в семинарию. Принимались лица с образованием не ниже 2-классного училища, не моложе 14 лет, мужского пола. С экзаменами по всем предметам, проходимым в школе. Особенно тревожным для меня оказалось предупреждение: «Неспособные к музыке и пению в семинарию не принимаются». А у меня с пением, как назло, всю жизнь нелады. Написали образец прошения на имя директора, перечень необходимых документов. Свидетельства об окончании [школы] нам обещали к 20 июля. Приемные испытания [в семинарии] начинались с 15-го августа. А пока – на пашню.

Перед отъездом домой я пошел проститься с Харитиной Яковлевной. Они жили вместе с Евгенией Францевной, занимали комнату у богатого мужика. Они тоже собирались уезжать, Евг[ения] Францевна домой в Барнаул, а Харит[ина] Яковлевна – в Томск. Это было одно из самых тяжелых расставаний в моей жизни. Наказ мне один: учиться непременно, несмотря ни на что. Евгения Францевна пообещала мне выслать необходимые для подготовки в семинарию пособия и учебники. Это свое обещание она исполнила удивительно быстро. Харитина Яковлевна подарила мне свои часики, которые она на цепочке носила на шее. Часики, конечно, были [мною позже] испорчены, цепочку заменил черный шнурок, но подарок, тем не менее, был ошеломляющий: мне никогда до сих пор не приходилось держать в руках что-либо подобное. Прощаясь, в последнюю минуту она сказала: «Очень хорошо, и я очень рада, что у тебя твоя беда с отцом закончилась благополучно. А вот моя беда осталась со мной: Иван Степанович остался в тюрьме». Тяжело, жутко и страшно! За что? Ну, отец старшину ударил, а его-то за что? Святое детское неведение! Я и не думал, что оно через полтора–два месяца будет нарушено.

Закончился один из важнейших этапов жизни деревенского подростка: закончена 2-классная школа. Ох, как много это значило тогда для него! Многие из нас с этим образованием вступили в большую, сложную и трудную жизнь первого периода революции, последующей борьбы и строительства. Я часто вспоминал свою 2-классную школу в течение всей своей жизни. Ее учителей – скромных, трудолюбивейших, честнейших людей. И всегда испытывал и испытываю огромную сыновнюю любовь и благодарность к ним.

Вскоре мне пришлось самому стать учителем в период полной ломки всего старого, в том числе и школы. Более того, в ранней юности мне пришлось работать инспектором, методистом, организатором новой школы. Я не только видел, но и активно участвовал в разрушении старой школы и строительстве новой, от детского сада до вуза. Признаюсь совершенно искренне, откровенно, исходя всё из той же избранной мной позиции беспощадного отношения к фактам: я часто испытываю назойливые и чувствительные угрызания совести. С каким же усердием, достойным лучшего применения, мы громили старую школу! Именно громили, руководствуясь чрезвычайно простым и чрезвычайно упрощенно понятым принципом: всё старое – громи!

Мы в порыве «революционного» усердия забыли, что эта самая старая школа создала ту самую культуру, не усвоив которую нельзя стать коммунистом, как говорил Ленин; что эта самая школа дала народу высоко образованных специалистов, ученых, убежденных борцов за народное дело. Главная же ее заслуга, думаю, в том, что она умела дать прочные, фундаментальные знания по всем изучаемым предметам. [...]

А сейчас с той же беспощадностью надо отметить ту святую, непоколебимую, детскую уверенность, которая мало чем отличается от такой же наивности, в том, что мы, разрушая старую школу «до основания» ... за один-два года после выхода в свет программы ГУСа – подлинного, строго научного документа марксистско-ленинской педагогики – построим Единую, Трудовую, Политехническую школу! Точно так же, как хотели сразу же строить коммунизм путем организации первых сель[ско]хоз[яйственных] коммун, на основе прадедовской техники. В конце двадцатых годов по «инициативе» «обеспокоенных» за судьбу советской школы педагогов-«марксистов» с невозмутимым спокойствием была изгнана из педагогики «прожесктерская» программа ГУСа. И советская педагогика снова была поставлена перед необходимостью «нового» поворота. А куда? Старое – охаяно, разрушено, новое – не создано. И начался длительный период «поисков», программотворчества – почти ежегодного, методического – как в отношении создания стабильного учебника и руководства, пособий, так и в отношении классного процесса работы. Огромное наследие научно-методического и педагогического опыта старой школы оказалось забытым...

Нет, я к своей 2-классной, сельской, захолустной Романовской школе – НИКАКИХ претензий, наоборот – вечная признательность и благодарность: всё, чему я учился в ней, всё до сих пор крепко сидит в голове. Она мне дала тот багаж первоначальный, с которым я впоследствии всюду и везде чувствовал себя спокойно и уверенно. Кстати надо отметить, что Романовская 2-классная школа дала очень много советской крестьянской интеллигенции.

Итак, до августа – снова пашня. В первой половине июля мы получили свидетельства об окончании школы. Заканчивался сенокос, наступала страда. И вот совершенно неожиданно – война!

Деревня заметно опустела: массы «запасных» отправлялись на подводах в Камень. Старшина Лепёха внезапно «заболел» и уехал куда-то лечиться. Начались погромы в Барнауле: скопившиеся там мобилизованные крестьяне громили магазины, винополку, склады. Были слухи о беспорядках в Камне, Новониколаевске. Даже в деревне чувствовалось какое-то напряжение. Снова зачастил к нам Ф. И. Кузьменко. О чем-то возбужденно говорил с отцом и радостно восклицал: «Ну, теперь царский трон полетит к чертям, каких-нибудь три-четыре месяца – и готово! Слышал, говорят, в Барнауле...», – рассказывалось о том, как мобилизованные заняли тюрьму, освободили политических. И хотя это потом не подтвердилось, но слухи ходили упорные. А тут как-то пожаловал на велосипеде волостной писарь из Камышенки ... и те же разговоры: «Нашему Берендею скоро – крышка!» Потом я узнал от отца, что Берендеем он «вели-

чал» нашего царя, заимствуя эту «кличку» из какой-то сказки, где фигурировал глупый, деспотичный, самоуверенный царь Берендей.

Одним словом, друзья настроили отца на ожидание немедленной революции в ближайшие месяцы. Разъясняя как-то мне смысл происходящих событий, отец сказал, что все честные, умные, образованные люди идут за народ, против царя, многих из них царь посадил в тюрьму, сослал на каторгу. Всех их теперь освободят; вот, мол, и твой учитель Иван Степанович освободится из тюрьмы, он ведь тоже против царя. Это было радостно слушать. Но тут же он и опечалил меня, сообщив, что его друзья, да и он сам думают, что мне не следует в этом году ехать в Новониколаевск учиться в семинарию: всё скоро будет иначе.

Прошение мое о принятии не было послано, и я остался дома. Прогноз на скорую революцию и, очевидно, не только деревенских революционеров, не оправдался. Потребовалось для этого более трех лет народных страданий. Просчет моих благодетелей я переживал трагически тяжело, тем более, что Ваня Похиленко и многие мои одноклассники, не зная никаких прогнозов, уехали и все поступили учиться. Видел, что и отец тяжело переживает наш просчет. Пропал ни за что целый год! Чтобы смягчить несколько положение, он выписал мне «Гимназию на дому». Издательство «Благо» ... за 1 руб. 50 коп. высылало несколько сборников в год, в которых последовательно излагался курс гимназии, вплоть до латыни, греческого и немецкого языков, методически рассчитанных на самостоятельное заочное изучение. Сборники эти мне очень понравились, и я занимался по ним с усердием.

Кроме того, вновь избранный старшина (Лепёху досрочно переизбрали) обратился к отцу с просьбой послать меня к нему в волость писать – писаря волостного нет. А приедет новый писарь, – мальчишка, мол, будет у него помощником, будет учиться канцелярскому делу.

И стал я осваивать канцелярское дело. Стал я «изучать» переписку с его высокоблагородием крестьянским начальником, становым приставом, мировым судьей и прочими учреждениями и чиновными лицами того времени. Проездом как-то наведаясь и сам, в натуре, его высокоблагородие крестьянский начальник. Это был пожилой человек в форменном пальто-шинели, приехавший в крытом экипаже на тройке. Старшина доложил о делах и, показав на меня, сказал, что мальчишка только школу окончил, а дела большие, важные, вести их некому, – необходим срочно волостной писарь. Начальник обещал [прислать]. Уезжая, он меня «подбодрил»: «Ну, ладно, пиши, учись – может, сельским писарем будешь». Так его благородие несколько неточно предсказал мне мою перспективу.

[...]

Останин Ф. Д. История – вечно живая память народа // Институт истории Сибирского отделения РАН. – Коллекция воспоминаний. – П. 118. – Л. 2–11, 14–26, 28–41 (отд. паг.). Машинописный подлинник; подпись – машинописью. При публикации исправлены явные опечатки, поправлена грамматика, сделана новая разбивка текста на абзацы.

Представленный здесь раздел публикуется с сокращениями. Он открывает мемуары, имеет авторскую нумерацию и название: «1. Деревня». В остальных разделах рукописи автор повествует о своей работе помощником волостного писаря, годах учебы в учительской семинарии, об участии в строительстве советской школы в Западной Сибири.

В. Ответ из сибирского села на «Программу для собирания сведений о том, что читает народ и как он относится к школе и книге» А. С. Пругавина¹

Как читают? Среди крестьян селения Уянского замечается желание читать книги или, вернее сказать, слушать чтение книг. Старцы и пожилые люди любят читать книги духовно-нравственного содержания, исторического, географического, и статьи повествовательного содержания, а молодежь – поэтические произведения, изложенные прозой. Желание их читать выражается в требовании ими книг из училища.

Крестьяне читают книги больше в зимнее время, а летом совсем почти не читают.

Книги читают группами, т. е. около одного грамотного собирается человек десять и слушают его чтение.

Совместных чтений в школе для народа не было, но в вечерний час досуга учитель, беседуя с крестьянами об их нуждах по хозяйству, часто читал им какой-нибудь легкий рассказ, что крестьянам очень нравилось: они просили еще читать и с этой целью каждый вечер собирались послушать и побеседовать.

Что читают? По большей части у крестьян с. Уянского встречаются книги московско-лубочной литературы, другой же литературы у крестьян не имеется.

А) Книги лубочной литературы: «Аскольдова могила» Шарапова; «Человек предполагает, а Бог располагает» И. Д. Сытина; «Анекдоты Балакирева» бр[атьев] Губановых; «Сказки о 3-х королевичах» Пономарёва; «Сказка об Алеше Поповиче» Морозова; «Безобразники-кутилы» Пономарёва; «Сказка о именитом витязе Ростиславе Белоусе»; «Похождение пошехонцев»; «Удалой наездник»; «Глас святой истины об антихристе»; «Сказка о крестьянской

¹ Публикация в газете «Восточное обозрение» является одним из откликов на анкетную программу публициста и общественного деятеля А. С. Пругавина, впервые напечатанную в 1887 г. и затем неоднократно переиздававшуюся. Автор программы, редакции различных периодических изданий, губернские статистические бюро или комитеты, общественные организации получили ответы многочисленных респондентов не только из центра России, но и с ее окраин. Учитель Иванов из с. Уянского Нижнеудинского окр. Иркутской губ. послал свои ответы на ряд вопросов в редакцию «Восточного обозрения». Это была ведущая в Сибири частная либерально-демократическая газета, она издавалась с 1882 г. в Санкт-Петербурге, с 1888 г. – в Иркутске.

свадьбе»; «Богатый в пиру, а бедный в миру»; «Первый винокур», изд[ания] «Посредника»; «Геройство русского солдата» и друг[ие].

Крестьяне любят читать по большей части книги духовно-нравственного содержания; светские книги доставляют им удовольствие только тогда, когда при чтении им объясняется непонятное для них и самое чтение ведется хорошим чтецом.

Из книг духовно-нравственного содержания в селе имеются: Евангелие на [церковно]славянском и русском наречии, Псалтырь и Часослов на [церковно]славянском языке и священная история Ветхого и Нового Завета. Более всего между крестьянами распространены следующие жития святых: Варвары-великомученицы, Екатерины-великомученицы, преподобного Пантелеймона и Георгия Храброго.

У крестьян и даже у более интеллигентных [сельчан] имеются «сонники» и «оракулы», в непогрешимость которых они верят ... во всех нуждах и напастях обращаясь к ним и слепо веря их сказанию.

Б) Крестьяне охотно читают и слушают, когда им читают другие, рассказы графа Л. Н. Толстого: «Чем люди живы?», «Бог правду видит, да не скоро скажет», «Кавказский пленник», «Упустишь огонь – не утужишь», «Где любовь, там и Бог», «Матвей», «Неправедный суд», «Ермак», «Робинзон», «Дуняшка и 40 разбойников», «Христофор Колумб», «Акимка-конокрад», «Солдаткино житье», «Никон», «Михалыч», «Мартин Лютер», «Мужик и огурцы», «Как мужик гусей делил», «Иван Гус», «Три сестры» (сказка), «Капитан Головин»; изд[ания] Комитета грамотности: «Наставление к разведению кормовых трав», «Аленький цветочек», «Александр Невский»; изд[ания] «Родника»: «Эде, очерк из быта остяков», «Люди труда и сильной воли»; [Ф. М.] Достоевского: «Мальчик у Христа на елке», «Честный вор», «Летняя пора». Затем крестьяне охотно читают и слушают народные сказки Пушкина, Жуковского, Лермонтова, Некрасова, Кольцова, Никитина, Тургенева и др.

Все эти книги лично мною прочитаны крестьянам, и отзывы их об этих книгах самые отрадны. Во время чтения они несколько раз прерывали меня, задавая вопросы, на которые я старался дать удовлетворительное объяснение, и убедился в том, что крестьяне предпочитают эту [художественную] литературу лубочной, убедился также и в том, что крестьяне охотнее слушают чтение в частных беседах, где-нибудь на улице; в училище или квартире учителя они находят для себя это неудобным, быть может, потому, что они не привыкли держать себя пассивно, или не хотят показать из себя учащихся; в силу этого я выхожу к воротам училища, где и собираются желающие послушать и побеседовать.

В) Газеты и журналы. Выписка газет и журналов крестьянами с. Уянского, за исключением 2-х, не производится. Этими двумя выписывается газета «Восточное обозрение». Крестьяне любят, когда им читаешь что-нибудь из этой газеты; их много интересуют передовые статьи, корреспонденции из знакомой им местности и фельетоны, в которых задет «кулак» и «мироед». «Сельский вестник» с удовольствием бы читался крестьянами, но у нас в Уяне его нет.

Других газет и журналов в селе нет, кроме «Сверчка», которым наши торговки не нарадуются.

О картинах. Почти в каждой крестьянской избе можно встретить картины духовного содержания: «Варвара-великомученица», «Екатерина-великомученица», «Параскева-великомученица», «Троица», «Михаил-архангел», «Георгий Победоносец», «Николай-угодник», «Иннокентий-чудотворец», «Илья-пророк» и «Мученик Пантелеймон»; из светских: «Государь-император Александр III с августейшим семейством», «Государыня-императрица Мария Феодоровна», «Великий князь Николай Александрович», «Императорский царствующий дом», «Св[ятое] коронование его императорского величества государя-императора Александра III в Успенском соборе 15 мая 1883 г.», «Государи всех держав», «Кутузов», «Суворов», «Скобелев», «Гурко», «Петр I-й», «Александр II-й», «Минин – Пожарский» и картины из русско-турецкой войны.

«Конек-горбунок», «Бова-королевич», «Илья Муромец», «Песня “Не брани меня, родная”», «Клятва в любви», «Цветочек полевой», «Любовная почта», «Будь со мной, как прежде была», «С тобой мне нелегко расстаться», «Приятная прогулка», «Покупка любимого цветка», «Счастливая», «Тамара», «Смерть праведника и грешника», «Охота с филином на птиц в сибирских тайгах зимой» – и многое множество [иных] картин, подобных этим картинам, украшают хаты и дома крестьян с. Уянского.

Где и как достают крестьяне книги и картины? Все книги и картины лубочной литературы приобретаются крестьянами от офень и коробейников, сбывающих свой товар по деревням и селам.

Более серьезные книги крестьяне получают из учительской библиотеки Уянского училища и пользуются ими бесплатно. Обмен книг бывает три раза в неделю, а именно: для учащихся – в среду и субботу, а для грамотных крестьян – в воскресенье. Жаль только, что учительская библиотека, по скудости своих средств, не может удовлетворить всех требований крестьян.

Цены на книги и картины, продаваемые офенями и коробейниками, весьма разнообразны: иной раз листовка в 36 стр[аниц] приобретается крестьянами за 25 к., а иной раз и за 5 к.

Любители книг и картин средним числом тратят на покупку их рублей пять в год; беднота же приобретает и то, и другое от зажиточных крестьян уже старыми. Я знаю селение Бирюсинское: жители его каждый год украшают дома свои к Пасхе картинами из разных журналов и даже одной газетной бумагой; за лист газетной бумаги они дают три [куриных] яйца, а за лист с картинкой – от 5 до 10 яиц.

Иванов, учитель. Что и как читает народ: (ответ на программу, помещенную в № 28 «Вост. обозрения») // Вост. обозрение. – 1888. – № 40 (9 окт.). – С. 11–12. При подготовке настоящего переиздания орфография и пунктуация поправлены и приведены к современному виду.

Г. Из воспоминаний А. Н. Михалёвой о детских годах и учебе в деревенской школе¹

В нашем селе была школа. Располагалась она в двухэтажном доме. Первый этаж дома занимал хозяин – Иконников. Второй этаж за плату он сдавал под школу. В зимнее время школу отапливал хозяин, уборкой помещения занимался он же.

Десяти лет родители отдали меня в школу. Я и читать, и писать в школе научилась.

Помещение для школы было небольшое. Да и учащихся было всего человек сорок. Занимались все в одной комнате. На солнечную сторону было три окна. В два ряда стояли парты. Перед партами – стол учителя, на стене висела большая грифельная доска. При школе у хозяина Иконникова была лавка, где мы покупали учебники и маленькие грифельные доски, на которых писали.

Занятия в школе проходили в две смены. В первую и вторую смену работал один учитель – Виноградов Александр Михайлович. Учитель на селе был человеком уважаемым. Платили учителю в каждой семье, где был ученик.

Тем детям, которые учились в школе, завидовали: не все имели возможность учиться. Нечего было надевать, и нечем было платить учителю. С нашей улицы Тамбовской ходили в школу всего три человека: Квасов Василий, Гладышев Степан и я. Другие дети, кто хотел учиться, приходили к нам и учились у нас читать и писать на грифельной доске. У Квасовых дома была библиотека, и они разрешали пользоваться книгами соседям. Книги в библиотеке были разные: и художественные, и молитвенники, и церковные книги.

Я училась в первую смену. Из дома брала с собой что-нибудь покушать.

Каждый день уроки начинались с молитвы, которую пели хором. Затем своим чередом шли остальные уроки. Первую молитву мы учили: «Боже, [в] помощь мою вонми и вразуми мя во учение сие». Тех, кто не знал, не выучил молитву, учитель ставил на колени у большой грифельной доски. А вообще Виноградов был человеком не злым, никогда не бил учеников.

Перед церковными праздниками учитель выбирал из числа учащихся тех, кто хорошо знал и пел молитвы. После уроков оставлял и тренировал их в пении. На праздник эти ученики пели в церкви вместе с учителем.

¹ Михалёва Анна Николаевна, 1905 г. рождения, приехала в Сибирь с родителями-крестьянами из Тамбовской губ. в раннем детстве. Описываемое время – 1915–1916 гг. Родительская семья информатора жила тогда в с. Ершово Барнаульского уезда Томской губ. Устные воспоминания записаны в 1985 г. в Новосибирске, по месту жительства информатора, студенткой исторического факультета Новосибирского государственного педагогического института Н. П. Михалёвой. Текст воспоминаний в полном виде нами опубликован: *Михалёва А. М. С раннего утра и до поздней ночи // Традиционная педагогика: учебная программа, хрестоматия и практикум / авт.-сост. и отв. ред. В. А. Зверев. – Новосибирск, 2005. – С. 97–102.*

Учиться мне очень хотелось. Учиться было интересно. Но дома не хватало работников. Старшую сестру выдали замуж, и после Рождества родители не пустили меня в школу. Некому было нянчить младших сестер, ходить за скотиной. А я в семье была вторым ребенком и осталась за старшую сестру. Сами-то родители мои были людьми безграмотными. Читать и писать не умели, хотя счет знали.

[...]

НГПУ, кафедра отечественной истории, коллекция историко-биографических материалов.

Д. Делопроизводственные и иные материалы

№ 1

Сведения об учебном материале, изученном за первую половину 1886/1887 учебного года в Банчиковском приходском училище

[с. Банчиково Карапчанской волости Киренского окр. Иркутской губ.] [1887 г.]

[...]

В старшей группе.

По Закону Божию. Повторение курса средней группы, вновь же пройдено: внешний и внутренний вид храма, указание времени происхождения скинии и постоянного храма; о священнослужителях; св[ященных] одеждах и сосудах; о видах богослужения; о частях литургии Златоуста и о проскомидии.

По русскому языку. Чтение самостоятельное и объяснительное по книге «В школе и дома», ч. 1. Заучивали литературные произведения, большую часть из басен Крылова. Письменные упражнения состояли из списывания объяснительных статей, пословиц, дописывания неоконченных предложений и исправления неправильно написанного учителем на классной доске. Из грамматики: о делении букв на гласные, согласные и полугласные. Об употреблении *и, і, ѣ, ъ, ь*; о переносе слов; о заглавных буквах и *е*; состав предложений; кое-что о имени существительном и прилагательном.

По арифметике. Повторение о четырех действиях над простыми числами и о нумерации; о различных мерах и 4 действия над именованными числами; превращение и раздробление; сложение и вычитание чисел на счетах; выработка плана [решения] задач над простыми и именованными числами.

По [церковно]славянскому чтению. Чтение с буквослагательным переводом Часослова.

По скорописи. Письмо букв, слов и пословиц по прописи Гербаха по двум линиям.

По рисованию – линейные и кривые фигуры.

В средней группе.

По Закону Божию. Повторение молитв прошлого года, изучение Ветхого Завета по учебнику Афинского с предварительным объяснением изучаемых статей: выучили до разделения царств. Изучили Символ веры и 10 заповедей.

По русскому языку. Объяснение и самостоятельное чтение статей по книге [К. Д. Ушинского] «Родное слово», ч. II. Заучивали литературные образцы; списывали статьи из книг; составляли предложения из вопросов, дописывали неоконченные предложения и писали диктанты предупредительные и самостоятельные. Из грамматики пройдено о делении звуков, об употреблении *i, u, ѥ, ѡ, ѣ* и *ѣ*; о предмете речи и сказуемом; об употреблении точки и заглавных букв.

По арифметике. О сложении, вычитании и умножении чисел. О нумерации до миллиона. Решение задач устное на все 4 действия, а писание задач на три действия. Что значит – увеличить или уменьшить число на сколько-нибудь единиц или во сколько-нибудь раз.

По [церковно]славянскому чтению – сличение славянского алфавита с русским; изучение разнствующих букв; изображение чисел до 30; чтение по Евангелию; запоминание некоторых слав[янских] слов, перевод их на русский язык.

По скорописи. Письмо заглавных букв и пословиц.

По рисованию. Линейные фигуры.

В младшей группе.

По Закону Божию. Понятие о Боге, как нужно и когда молиться, объяснение и изучение молитв: мол[итвы] Господней, Богу Духу, Богу Сыну, Пресвятой Троице, хвала и приветствие Богородице, молитвы «За царя» и «О сотворении мира и человека».

По русск[ому] языку. Ознакомление со звуками и буквами по звуковому способу. Составление слов из подвижной азбуки, чтение слов и фраз по «Книжке-копейке» и «Родн[ому] слову», ч. I. Письмо слов и фраз с разложением диктуемого на звуки, а также и самостоят[ельное] письмо; списывание слов с книг и класс[ной] доски.

По арифметике. Изучение чисел от 1 до 20. Прибавление, отнимание и повторение числа. Ознакомление со знаками (+), (-) и (×). Устное и письменное решение задач в пределах 20.

По скорописи. Письмо элементов и самих букв, строчных и заглавных.

По рисованию. Линейные фигуры.

Учили наизусть «Два рака», «Петушок», «Два ворона» и «Лестница».

Пели перед уроками «Достойно».

Верно: Банчиковский приходской учитель [подпись неразборчива].

ГАИО. – Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 27, 42. Рукописный подлинник; подпись – автограф. Публикуется впервые. Орфография приближена к современной.

№ 2

Уведомление о состоянии церковноприходской школы

В Томский епархиальный училищный совет
учительницы Локтевской церковноприходской школы благочиния № 15 Феок-
тисты Орловой.

Согласно отношения Томского епархиального училищного совета на имя г[осподина] благочинного № 15 священника Иоанна Бенедиктова от 19 июля с. г. за № 324 об определении меня учительницей к Локтевской церковноприходской школе и об уведомлении мною Совета, по принятии оной школы, в том, в каком состоянии она находится, сим имею долг сообщить Совету следующее. Школа помещается в сторожке, помещение очень тесно, темно, в зимнее время угарно и холодно. В школе имеются два топорной работы стола (не окрашенных), четыре таких же скамьи, незавидная классная доска и ветхий каммод для хранения книг и принадлежностей. Письменных принадлежностей, как то: бумаги, ручек, перьев, карандашей, грифельных досок и грифелей достаточно. Учебников, книг для внеклассных чтений 171. Из десяти учащихся (8 мальчиков и 2 девочек) к настоящему времени осталось только 4 мальчика, все они крестьянские дети, возрастом от 8 до 13 лет. Пройдено ими в течение 1889/[18]90 [учебного] года довольно порядочно по всем предметам, но в течение каникулярного времени с 1 апреля по сентябрь месяц большинством из них почти все позабыто, так что один из них даже положительно не умеет читать.

Содержалась школа на выданные в 1889 г. из училищного Совета 35 руб.

Учительница Феоктиста Орлова.
1890 г. октября 13 дня.

ГАТО. – Ф. 146. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 92. Рукописный подлинник; подпись – автограф. Публикуется впервые. Орфография приближена к современной.

№ 3

Секретное донесение Бийского окружного исправника томскому губернатору

[г. Бийск Томской губ.]

[1898 г.]

Земский заседатель 1 участка вверенного мне округа от 4 сего марта за № 1207 доложил, что возле с. Соколовского Шубенской волости на стеклянном заводе Платонова и К^о проживает в качестве фельдшера состоящий под негласным надзором полиции отставной коллежский регистратор Алексей Алексеев Воеводин, который по воскресным и праздничным дням посещает Соколовскую церковноприходскую школу, где местный священник устраивает духовно-нравственные беседы, и, за отсутствием священника, Воеводин или его жена

читают книги, но какого содержания – заседатель установить не мог, так как во время нахождения его в с. Соколовском Воеводин для чтения не являлся; но, между прочим, заседатель от жителей с. Соколовского узнал, что Воеводин читает будто какие-то басни, а местный сельский писарь Михаил Копытин высказался, что он иногда читает сочин[ения] Толстова¹.

О вышеизложенном имею честь донести Вашему превосходительству и доложить, что об этом мною сего числа сообщено г[осподам] начальнику Томского губернского жандармского управления и его помощнику с просьбою первого о командировании по воскресным и праздничным дням в с. Соколовское для наблюдения за Воеводиным опытного жандармского унтер-офицера, так как с. Соколовское находится от резиденции заседателя на расстоянии 50 верст, и за своими частовременными служебными разъездами по участку [он] лишен возможности лично сосредоточиться надзором за последним, а между тем за чтениями Воеводина, по мнению г[осподина] заседателя, бесполезно было бы иметь постоянное наблюдение.

Исправник [подпись неразборчива].

ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 2. – Д. 4256. – Л. 1–2. Рукописный подлинник; подпись – автограф. Публикуется впервые. Пунктуация исправлена, вместе с орфографией приближена к современному виду.

№ 4

Прошение сельского учителя об открытии воскресной школы

В Томский епархиальный училищный совет
Пачинской церковноприходской школы, Тутальской волости, Томского уезда,
учителя Василия Николаева Китаева

ПРОШЕНИЕ.

Жители прихода Пачинской церкви в числе до 30 человек заявили, что имеют желание учиться по праздничным дням.

Ввиду этого и с согласия заведующего школою о[тца] Алексея Жигачева, который болен и в настоящее время находится в городе Томске, я решился не оставить взрослых без учения, а по сему прошу училищный совет разрешить мне открыть *воскресную школу* для взрослых при Пачинской церковноприходской школе; преподавание в воскресной школе я принимаю на себя.

1899 г. сентября 6 дня.

Учитель Василий Китаев.

ГАТО. – Ф. 146. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 972. Рукописный подлинник; подпись – автограф. Публикуется впервые. Орфография приведена к современному виду.

¹ Искажено имя Л. Н. Толстого.

Частное письмо крестьянина-сибиряка

Его Высокоблагородию Господину Тобольскому Аграному Николаю Лукичу Скалозубову¹

Крестьянина [Тобольской губ.] Курганского уезда Курейнской волости деревни Пеганой Льва Алексеева Толмачёва.

Извините меня, Николай Лукич, что я осмеливаюсь беспокоить Вас своим письмом. Что поделаешь, необходимость заставит на все решиться. Дело в том, что я ныне нахожусь очень в затруднительном положении. У меня не родился хлеб и нет корму для скота, а тут еще позарился с перестройкой дома. Все это соединилось и познакомило меня с нуждой. А веть я, слышь ты, совсем хорошо направлялся жить: у меня было 11 коров, 5 лошадей и штук до 10 мелкого скота, а теперь по случаю неурожая пришлось размотать больше половины животных и на вырученные деньги купить хлеба, вот и подумай, как я должен жить. Правда, я служу сельским писарем за 5 рублей в месяц. Но какое это жалованье? Его недостает на самые мелкие домашние расходы. Мне хотелось занять место лесообъещика, но как я добьюсь до этого, веть я входил 2 раза прошением к лесничему 2-го лесничества Курганского уезда, но мне ничего не отвечали. Вот я теперь вырешил обратиться к Вам и просить Вас, не можете ли Вы как-небудь помочь мне поступить на желаемое место где-небудь по Курейнской волости, или не можете ли дать мне какой-небудь полезный совет, как я должен жить и за что должен взятся, и я останусь Вам много благодарен.

Что же касается до стихов, я все еще пишу их и не перестану писать. 29 сентября 1900 года я послал на имя Министра Народного Просвещения на 7 листах 14 стихотворений. Ответу пока еще не было.

1900 года октября 10 дня.

Готовый к вашим услугам известный Вам Лев Толмачёв.

ГУТО ГАТ. – Ф. 147. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 6. Рукописный подлинник; подпись – автограф. Публикуется впервые. Авторская орфография в значительной степени сохранена.

¹ Н. Л. Скалозубов (1861–1915) – тобольский губернский агроном в 1894–1905 гг., позже депутат Государственной думы II и III созывов от Тобольской губ., состоял во фракции трудовиков. По делам службы и в качестве видного общественного деятеля вел активную переписку с различными учреждениями и жителями Западной Сибири.

№ 6

Письмо со списком книг в библиотеке сельского училища

[с. Бурет ст-цы Верхне-Острожской Балаганского уезда Иркутской губ.] [1902 г.]

В совет Общества народного образования и развлечений Иркутской губернии.

Имею часть сообщить Обществу народного образования и развлечений, что [Буретское приходское] училище, вверенное мне, – одно из беднейших училищ. Средства к улучшению его нет возможности изыскать на месте. Нет ни одного жертвователя, к которому можно было бы обратиться. Покорнейше прошу совет Общества народного образования оказать помощь вверенному мне училищу.

При сем прилагаю список книг, которые имеются и которые желательно было бы приобрести.

Учительница [подпись неразборчива].

Список книг, которые имеются в библиотеке	Число экземпляров
Гоголь. Ночь перед Рождеством.	1
Заколдованное место.	1
Старосветские помещики.	1
Шинель.	1
Женитьба.	1
Вий.	1
Майская ночь.	1
Пропавшая грамота.	1
Страшная весть.	1
Тургенев. Певцы.	1
Бутлеров. Как водить пчел.	1
Жирков. Беседы об огороде.	1
Животовский. О грозе.	1
Линдеман. О вредных насекомых.	2
Пушкин. Полтава.	1
Капитанская дочка.	1
Домик в Коломне.	1
Скупой рыцарь.	1
Барышня-крестьянка.	1
Медный всадник.	1
Горбунов. Как узнать почву.	1
Оржешко. Могучий Самсон.	1
Толстой. Чем люди живы.	1
Бог правду видит.	2

Кавказский пленник.	1
Линдеман. О завядании зеленей.	1
Перельгин. Жизнь на воле.	1
Мысль Божия.	1
Огоньки.	1
Отголосочки.	1
Былое.	1
В своем гнездышке.	1
Жуковский. Сказка о Иване-царевиче.	1
Жизнь святого Иннокентия, 1-го епископа Иркутского.	2
Жизнь святого Николая Чудотворца.	1
Жизнь святых Петра и Алексея.	1
Филонов. Державин.	1
Крылова Басни.	1
Ершов. Конек-Горбунок.	1
Рассказы в сельской школе.	1
Поспелов. Медвежья шкура.	1
Аннушка.	1
Погожева. Семейных крестьянский раздел.	1
Где честный труд, там счастье.	1
Бабушка Марфа.	1
Острогорского Биографии русских писателей.	1
Калмыковой десять книжек.	

**Список книг, которые желательно
было бы приобрести**

**Число
экземпляров**

Дебольский. О любви к Отечеству и труду по Слову Божию.	2
Елагин. Земная жизнь Пресвятой Богородицы.	3
Кауров. Рассказы дедушки Павла о пятой заповеди.	4
Тур, Евгения. Страдания святых мучеников Адриана и Наталии.	2
Филарет. Глас Божий к грешнику.	2
Федотов. О страданиях, смерти и погребении Иисуса Христа.	3
Толычева. Митрополит Филипп.	2
Северин. Старица Фиония.	2
Перцов. О трудах святых Апостолов.	5
Пловцов. Гонения на христиан от язычников.	5
Величкин. Рассказы о русских самоучках.	1
Георг Стефенсон, изобретатель паровозов.	1
Григоров. Христофор Колумб.	1
Жуковский Василий Андреевич.	3
Новаковский. Рассказы о Суворове.	2
Бестужев-Рюмин. О крещении Руси.	2
Острогорский. История России.	2

Толычева Т. Рассказы старушки о двенадцати чудесах.	2
Шалфеев. Царь Петр Великий.	1
Яхонтов. Император Александр Благословенный.	3
Щебальский. Начало Руси.	3
Воробьев. Землеописание.	1
Дикие люди жаркой полосы.	1
Желиховская. Кавказ и Закавказье.	1
Западная Сибирь.	1
Краснов. Как живут китайцы.	1
Попов. О Малороссии и малороссах.	1
Аникиев. О птицах и гадах, полезных для земледельца.	1
Бажаев. Луга и их улучшение.	2
Быкова. Первые рассказы из естественной истории.	2
Грацианский. О вреде разорения детьми птичьих гнезд.	5
Гурин. Опасно ли мясо больных животных.	1
Аксаков. Аленький цветочек.	1
Барщевский. Добрый сын.	1
Борисова. Счастливец.	1
Бутовский. Турчанка Галя.	1
Васильев. В лесу и в поле.	1
Владиславлев. Из быта крестьян.	1
Гаршин. Сигнал.	1
Гоголь. Тарас Бульба. Сорочинская ярмарка. Ночь перед Рождеством. Майская ночь.	
Григорович. Пахарь. Мать и дочь. Прохожий.	3
Данилевский. Стрелочник. Царь Алексей с соколом.	2
Диккенс. Скрыга Скрудж.	2
Достоевский. Мужик Марей.	1
Желиховская. Наши воины православные. Гордый лесовик.	1
Жирков. Спасибо отцу.	1
Жуковский. Кот в сапогах. Овсяный кисель. Светлана.	1
Изергин. Снегурочка. Сивка-бурка. Сиротка Маша.	1
Коваленская. Крутиков. Валетка. Мачеха.	1
Коровин. Материнская любовь.	1
Круглов. Все приятели. В гостях.	2
Куликова. Колюша Горбунчик. Извозчик Клим.	2
Лукашевич. Макар.	1
Макарова. Отголоски старины.	1
Михайлова. Рассказы из русского быта.	3
Мощанский. Свет не без добрых людей.	2
Немирович-Данченко. Забытый рудник. За Дунаем.	1
Острогорский. Илья Муромец. Тит. Вавило.	3
Погожева. Потерянный мальчик. Девочка Серафимочка. Сироты.	

Стражник Яша.	
Погоский. Божеское правосудие. Старики. Наши богатыри.	
Поздняков. Метель. Из милого далекого. Происшествие.	
Полевой. Два друга.	2
Пушкин. Сказка о царе Салтане. Сказка о рыбаке и рыбке. Станционный смотритель. Пир во время чумы.	
Робинзон Крузо. Его жизнь и приключения.	2
Рубакин. Приключение двух кораблей.	1
Северин. Чистые сердца.	3
Студитский. Школа в лесу.	2
Сеткова. Не в деньгах счастье.	4
Толстой. Князь Серебряный. Рассказы о Севастопольской обороне.	
Яшка. Три смерти.	
Толычева. Крест патриарха Филарета. Приемш. Рассказы старушки об осаде Севастополя.	
Тургенев. Муму. Перепелка. Милости хочу, а не жертвы.	
Филонов. Поэт Пушкин.	
Фёдоров. Император Николай Павлович под Черниговом.	
Херодинов. Два приятеля. Вера не гаснет. Вера спасла. Встреча.	
Яхонтов. Путешествие в северный край России.	
Толычева. Бабушкино благословение.	1
Тур Евгения. Семейство Шалонских.	1
Последние дни Помпеи.	1
Мученики Колизея.	1
Жемчужное ожерелье.	1
Звездочка.	1
Сеткова. О славном атамане Беляне и о княжне Феодоре.	1
На Смоленской дороге.	1
Архангельские китоловы.	1
Старик Никита и его три дочери.	1
Сказ об Илье Муромце.	3
Симонова. По русской земле.	1
Сергеевская. Веселая зима.	1

ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 37–38. Рукописный подлинник; подпись – автограф. Публикуется впервые. Орфография приближена к современной.

№ 7

Устав сельской библиотеки-читальни

[г. Иркутск]

[1902 г.]

1) Бесплатная народная библиотека-читальня в с. Марковском Киренского уезда Иркутской губернии учреждена на точном основании настоящего устава.

- 2) Библиотека помещается в здании Марковского волостного правления и имеет своим назначением предоставить местным жителям возможность пользоваться чтением как в помещении читальни, так и на дому.
- 3) Библиотека учреждается и содержится на средства, получаемые от Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии, согласно постановлению совета Общества от 18 января 1902 г., а также на пожертвования, чем и обеспечивается ее дальнейшее существование.
- 4) Библиотека может иметь у себя только те книги и повременные издания, которые разрешены для обращения в библиотеках-читальнях.
- 5) Ближайший надзор за библиотекою имеет особое, назначенное в установленном порядке лицо.
- 6) Ответственность за исполнением в библиотеке установленных правил содержания таковой принимает на себя с утверждения губернского начальства лицо, именуемое заведывающим библиотекою.
- 7) Помещение библиотеки-читальни не может служить для посетителей местом для собраний, совещаний и других действий, чуждых назначению библиотек-читален или нарушающих в них должный порядок.
- 8) Порядок пользования книгами определяется заведывающим библиотекою-читальней в особых правилах, которые должны быть выставлены на видном месте в помещении библиотеки-читальни.
- 9) Ежегодно заведывающий библиотекою составляет отчет по денежной и хозяйственной части библиотеки-читальни и представляет таковой через наблюдающего за библиотекою в Губернское управление.
- 10) Все распоряжения местных гражданских начальств относительно читальни объявляются лицу, заведывающему таковою, и приводятся в исполнение или через особых чиновников, или через уездную полицию.
- 11) В случае закрытия библиотеки-читальни книги и прочее имущество ее передается Обществу распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии.

Товарищ председателя [Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губ.] [подпись неразборчива].

Член-секретарь [подпись неразборчива].

ГАИО. – Ф. 167. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 42–43. Машинописный подлинник; подписи – автографы. Публикуется впервые. Орфография приближена к современной.

№ 8

Прошение сельского учителя о помощи в оборудовании школы

[Пос. Иргей Тулуновской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губ.] [1903]

В Общество распространения народного образования в Иркутской губернии.

Из частных слухов мне известно, что Общество распространения народного образования располагает несколькими волшебными фонарями¹, которые предназначены для более нуждающихся школ Иркутской губернии.

Ирге́йская школа М[инистерства] н[ародного] п[росвещения], открытая в настоящем году у переселенцев, находится в наиболее тяжелых условиях и не располагает никакими средствами для приобретения волшебного фонаря, а потому имею честь покорнейше просить Общество распространения народного образования, не найдет ли оно возможным выслать в Ирге́йскую школу волшебный фонарь.

Еще имею часть покорнейше просить Общество распространения народного образования – не найдет ли оно возможным выслать школьную библиотеку, так как вверенная мне школа не имеет никаких книг для ученического чтения, а также и средств, необходимых на покупку оных.

Желательно, чтобы Общество скорее ответило на это письмо.

Учитель Ирге́йского училища В. А. Юницкий.

ГАИО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 121. Рукописный подлинник; подпись – автограф. Публикуется впервые. Орфография приближена к современной.

№ 9

Прошение церковного попечительства об открытии в селе библиотеки-читальни

[с. Анисимово Барнаульского уезда Томской губ.]

[1904 г.]

Его превосходительству господину томскому губернатору церковноприходского попечительства при Пророко-Ильинской церкви с. Анисимовского

ПРОШЕНИЕ.

Окончившие курс в местном сельском училище не имеют возможности пополнить свои знания вне школы, а потому должны ограничиваться чтением лубочных книжек. О воспитательном значении последних и говорить нечего. В таком же печальном положении находится и всё грамотное население довольно большого по численности (более 2000 человек) с. Анисимовского. Много есть также неграмотных, желающих послушать, но не во всякой семье есть грамотный.

Церковноприходское попечительство сознало необходимость такого помещения, где могли сойтись жаждущие света и где бы грамотный мог бы пополнить свои знания и поделиться ими с неграмотными. Попечительство, идя навстречу назревшей нужде, при содействии местного благотворителя о[тца]

¹ *Волшебный фонарь* – проекционный аппарат для демонстрации на полотне или светлой поверхности стены фотографий или рисованных изображений.

Прямого, [крестьянина по происхождению], выстроило здание для бесплатной народной библиотеки-читальни. Последнее вполне закончено своей постройкой и готово к открытию, а потому имеем честь просить ваше превосходительство разрешить открытие бесплатной библиотеки-читальни. Попечительство со своей стороны будет давать сто (100) рублей ежегодного пособия для пополнения библиотеки и расхода на содержание ее. Готов придти на помощь Барнаульский комитет трезвости. Можно также рассчитывать и на пожертвования частных лиц. Заведовать библиотекой будет местной церкви псаломщик Ив[ан] Фалидов, окончивший курс духовного училища.

Председатель попечительства священник Василий Завадовский,
священник Иоанн Хрущов,
члены попечительства [следуют подписи 14 членов, в том числе 9 крестьян].
Января 15 дня 1904 г.

ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 14. – Д. 57. – Л. 1. Рукописный подлинник; подписи – автографы. Публикуется впервые. Орфография приближена к современной, сделано разделение на абзацы.

№ 10

Письмо крестьянина с просьбой о помощи в выписке газеты

[д. Зонова Юргинской волости Ялуторовского уезда Тобольской губ.] [1905 г.]

В Ялуторовский отдел Московского общества сельского хозяйства крестьянина Ялуторовского уезда, Юргинской волости, деревни Зоновой Виктора Васильевича Зонова.

Состою с открытия отдела [Московского общества сельского хозяйства] в г. Ялуторовске корреспондентом и доставляю восемь лет сведения в Тобольский губернский статистический комитет и губернскому агроному, касающиеся сельского хозяйства и прочие, а потому осмеливаюсь просить и почтительнейше прошу, не найдется ли возможным выписать на средства отдела, если позволят, на мое имя хотя [бы] недорогую политическую газету, так как очень интересно знать, что творится на нашей матушке Руси в такое смутное время, и если будет возможность удовлетворить мою просьбу, то прошу сообщить мне, причем даю слово доставлять отделу все требуемые сведения за время моего существования или как позволят силы.

Кр[естьянин] Виктор Зонов.

ГА в Тобольске. – Ф. 152. – Оп. 19. – Д. 36. – Л. 390–391. Рукописный подлинник; подпись – автограф. Поправлена грамматика, орфография приближена к современной.

№ 11

Рапорт сельского учителя училищному инспектору

[Ст-ца 2-й Чиндант Акшинского уезда Забайкальской обл.]

[1906 г.]

Его высокородию господину инспектору народных училищ Читинского и Акшинского уездов Забайкальской области

РАПОРТ.

На основании требования Вашего высокородия дать объяснение по поводу донесения г[осподина] старшего учителя Донинского 2-классного училища [Нерчинско-Заводского уезда] по Донинскому станичному атаману от 23 ноября 1905 г. за № 73, спешу дать следующее объяснение.

На уроке отечественной истории при объяснении статьи о ныне царствующем императоре Николае Александровиче мною, между прочим, было сказано, что в настоящее время идут в народе смуты против правительства и что носятся слухи, что если государь не обратит внимания на нужды народа, то и его могут свергнуть с престола. Говоря это, я не имел в виду дать повод учащимся думать, что это мое мнение, или что будет именно так, а говорил только как слух. До сих пор я никогда ничего подобного не говорил ни ученикам, ни жителям. Если это и вылилось у меня, то только под влиянием тех событий и слухов, которые были в то время в Забайкалье.

Никакой противоправительственной агитацией я не занимался и не занимаюсь, да и заниматься было бы некогда: во-первых, как не получивший специального педагогического образования, я готовил конспект для ежедневных занятий; занимался от 8 час[ов] утра до 1 часа дня в школе, затем делал метеорологические наблюдения и составлял отчет по наблюдениям; открыв школьную сберегательную кассу, я все хлопоты по ней принял на себя и вел переписку с Читинским отделением Государственного банка; устраивал и устроил библиотеку-читальню и, будучи ее библиотекарем, должен был бывать в библиотеке и вести все дела ее; по воскресеньям устраивал народные чтения, к которым тоже нужно было время для подготовки. Будучи председателем общества трезвости, вел переписку с членами названного общества и дела его; ввиду наступившего кризиса в муке и голодовки в некоторых семьях казаков мною организован был комитет по оказанию помощи голодающим, в котором и был избран председателем, и для которого изыскивал средства, что также отнимало немало времени. Таким образом, заниматься антиправительственной агитацией не представлялось решительно никакой возможности, если бы я даже хотел этого.

Как уже известно Вашему высокородию, на меня за мою общественную деятельность некоторые господа злились, так как сами они ничего не делали и не желали делать, не считая доносов, благодаря чему и дело, о котором идет речь, правильного освещения не получило: г[осподину] старшему учителю, г[осподину] почетному блюстителю [училища] и г[осподину] станичному ата-

ману желательно было меня выдворить из станицы Доно. Я же, служа в Доно 2 года, всегда аккуратно посещал занятия, спиртных напитков не употребляю, в карты не играю и пр[очее], чем, естественно, не понравился вышеназванным лицам, составляющим местную интеллигенцию, почему и был у них, как бельмо на глазу.

Не принадлежа ни к какой партии, идущей против монархии и царя, и глубоко раскаиваясь в допущенной мною неумышленно оплошности, послужившей поводом к настоящему делу, покорнейше прошу Ваше высочордие ходатайствовать о снятии с меня столь тяжелого обвинения.

Бывший младший учитель Донинского 2-классного училища, младший учитель II Чиндантского 2-классного училища Михаил Нодельман.

РГВИА. – Ф. 1482. – Оп. 1. – Д. 170. – Л. 6–7 об. Рукописный подлинник; подпись – автограф. Публикуется впервые. Орфография приближена к современной, поправлена грамматика, введены абзацы.

№ 12

«Приговор» сельского схода о введении в селении всеобщего обучения детей

1909 г. Августа 16 дня. Мы, нижеподписавшиеся крестьяне Енисейской губернии и [одноименного] уезда, Пинчугской волости, Пинчугского сельского общества, в котором состоит 66 домохозяев, имеющих право голоса на сходах, собравшись на сельский сход в полном составе, по предложению почетного блюстителя нашего Пинчугского 2-х классного училища Петра Васильевича Товстых обсуждали вопрос о введении в нашем селении всеобщего обучения, и вполне соглашаясь со мнением инициатора, что только при распространении грамотности условия жизни нашей могут улучшиться, как в материальном, так и в экономическом отношении, а посему единогласно *постановили*:

Ходатайствовать о введении в нашем селении всеобщего обучения, если возможно, с начала 1909/[19]10 [учебного] года, в память священного коронавания его императорского величества государя императора Николая Александровича, с ассигнованием из казенных источников вспомогательных средств в пользу нашей школы, кроме хозяйственных расходов, которые мы принимаем на свой счет, в том и подписуемся.

Подлинный приговор за надлежащим подписом.

С подлинным верно. Пинчугский сельский староста Иван Рукосуев.

ГАКК. – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 1781. – Л. 114. Рукописная копия; подпись – автограф. Публикуется впервые. Орфография приближена к современной.

№ 13

Из записок наказного атамана Сибирского казачьего войска, сделанных во время осмотра станичных и поселковых школ

[Бийская линия Сибирского казачьего войска]

[1910 г.]

Пос. Жемзинский, 16 мая.

- 1) Помещение школы мало, нужно его расширить и отремонтировать.
- 2) Здание школы вросло в землю, нужно поднять от земли пол, для мальчиков нужно выстроить новое здание, а настоящее отремонтировать, для школы девочек. Воздуху в помещении мало. [...]
- 4) Мальчики и девочки на вопросы отвечали удачно.
- 5) Конный строй мальчиков и гимнастика. Лошади оседланы нехорошо, дети бегают плохо. Лесничий не знакомит детей с посадкою деревьев.
- 6) Общее впечатление о детях хорошее, видны старания и заботы исполнить требование. Хотя прошло около полгода с начала занятия, но успехи видны.

Пос. Качировский, 17 мая.

[...]

- 2) Ученики не могли ответить на вопрос для чего человек молится. [...]
- 4) Здание школы мало.
- 5) Сменить поселкового атамана за необучение мальчиков гимнастике. [...]
- 9) При школе должна быть квартира учителей и учительниц и для сторожа.

18 мая, Песчаное.

- 1) Школа плоха, штукатурка обваливается. [...]
- 4) За конное учение мальчикам выражена похвала.
- 5) Пешим строем с казачатами не занимались.
- 6) Урядник Атаманов очень мало занимается военной гимнастикой, маршировкой и поворотами, у детей нет шашек. [...]

20 мая, станица Павлодарская.

- 1) Школа – грустная пародия на учебное заведение. [...]
- 3) В школе нет географических карт полушарий и проч[его]. [...]
- 5) У детей нет общих понятий о реках, их течении и направлении. [...]
- 7) Не исполнено приказание о производстве экзаменов при родителях и общественниках. [...]

22 мая, пос. Лебяженский.

- 1) Детям молитвы и заповеди нужно учить по книжке, а не со слуха.
- 2) Не знают смысла и значения молитв.
- 3) В школе нужны образцы мер и весов.
- 4) Нужен в школе глобус, карты, геометрические фигуры, круг, квадрат, угольники и проч[ие наглядные пособия] (из проволоки), счеты.

- 5) Учителя должны быть преимущественно из казаков. [...]
- 7) Нужны ноты народного гимна.

22 мая, пос. Подпускной.

- 1) Нужно писать в тетрадях не крупно.
- 2) Нужно покупать готовые линованные тетради с косиной.
- 3) Образование казачьих детей должно идти непрерывно до поступления на службу, не ограничиваясь 2-х классовыми училищами.
- 4) Должно быть ... содержание учителям не менее 30 рублей в месяц. [...]
- 6) Необходимо развивать воинский дух, казачью удаль, патриотизм и долг защиты Царя и Отечества. [...]

Станица Долонская, 24 мая.

- 1) Видна одна зубрежка, об общем развитии [учеников] не заботились.
- 2) Родители не посещают школы.
- 3) Напев гимна неправильный. [...]
- 4) Военной гимнастикой занимались 1 лишь раз в неделю, повороты плохо, строй плохо.
- 5) Видимо, ничем не занимались. Плохо, недоволен.
- 6) Школа и школьное дело в Долонской поставлены хуже всех. [...]

Пос. Урылтский.

- 1) Школа найдена в самом лучшем виде. Учитель младший урядник Андрей Петров Кубышкин награжден с серебряной цепочкой часами. Кубышкин оказался лучшим из всех учителей, ему лично объявлена благодарность войскового наказного атамана. [...]

1 июня, станица Алтайская.

- 1) Школа мала, дети отвечают плохо и вяло. В общем, очень неудовлетворительно. [...]

1 июня, пос. Больше-Нарымский.

- 1) Школа найдена в хорошем состоянии.
- 2) Учителю нестроевому старшего разряда Мефодию Константинову Калачеву выдана награда – серебряные с цепочкою часы. [...]

Замечания, относящиеся в одинаковой степени почти ко всем казачьим школам: 1) Не имеется мер: линейных, веса и проч[их]. 2) Нет счетов для упражнения учеников. 3) Нет глобусов и географических карт. 4) Нет чертежей или проволочных форм геометрических фигур. 5) Не все дети школьного возраста умеют определять достоинство монет и кредитных билетов. 6) Дети не имеют никаких даже элементарных сведений о своем войске, о числе казаков и проч[ем], а также географических сведений о своих местностях.

Общее впечатление при обозрении школ таково: духовенство мало уделяет внимания на религиозное воспитание юношества и населения вообще. [...]

ГААК. – Ф. 216. – Оп. 1. – Д. 99. – Л. 34–41. Рукописный подлинник. Публикуется впервые. Поправлена пунктуация, орфография приближена к современной.

№ 14

Письмо крестьянина о готовности сотрудничать с научным обществом

В совет Алтайского подотдела Императорского Русского географического общества

крестьянина Томской губ. Кузнецкого уезда Уксунайской волости села Титова Григория Егоровича Голанова

ИЗВЕЩЕНИЕ.

Сим извещаю, что если желаете получать сведений от нашего местожительства, я бы посильное изъявил желание принять труд по уведомлению вашей программы, если вышлете таковую. Адресовать: Тогульское почтовое отделение, Уксунайское волостное правление, село Титово, Григорию Егорову Голанову.

17 ноября 1911 г.

ГААК. – Ф. 81. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 144. Рукописный подлинник; подпись – автограф. Публикуется впервые. Орфография приближена к современной.

№ 15

«Приговор» сельского общества о замене учителя в местной школе

1912 г. июля 18 дня. Мы, нижеподписавшиеся крестьяне [Иркутской губ.], Иркутского уезда, Оекской волости, Бутурского сельского общества, в котором значится 103 домохозяина, имеющих право участвовать на сходах, быв сего числа на сельском сходе при нашем сельском управлении в числе 69 человек, составляющие две трети домохозяев, имеющих право голоса на сходе, где в присутствии нашего сельского старосты Федора Клеохвостова имели суждение о том, что в нашем Бутурском селении по ходатайству нашего сельского общества открыто министерское одноклассное училище с 1-го ноября 1910 г., между прочим, в настоящее время встретили неподготовку наших детей, которые совершенно не имеют никаких первоначальных познаний в грамоте. Очевидно, это [сказывается] полное нерадение со стороны г-жи учительницы Шваровой. К тому же присовокупляя, что мы, крестьяне, желая дать первоначальную грамотность своим детям, не останавливаясь в касающихся до нас расходах, именно, как то: наем помещений для училища с квартирой для учащего и то есть прочее. А посему

Постановили: настоящим приговором ходатайствовать перед его высокоблагородием господином инспектором народных училищ 5-го района Иркутской губернии о замене г-жи учительницы Шваровой другим лицом, желательнее учителя [мужчину], который вполне мог бы сочувствовать в развитии обучения детей. О чем постановили наш приговор, в том и подписуемся.

[Следует 69 подписей крестьян-домохозяев].

ГАИО. – Ф. 379. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 17–18. Рукописная копия; подписи – автографы. Публикуется впервые. Орфография приближена к современной.

№ 16

Прошение об открытии в селении книготорговли

Его превосходительству господину тобольскому губернатору торгующего по свидетельству II разряда крестьянина Тобольской губ., Ялуторовского уезда, Исетской волости, деревни Солобаевой Ивана Степанова Солобаева, живущего в месте приписки

ПРОШЕНИЕ.

Имея в месте приписки в деревне Солобаевой незначительную торговлю бакалейным и отчасти мануфактурным товаром, со стороны покупателей, а в особенности учащихся вижу спрос на книги и картины разного содержания, но к великому сожалению удовлетворить желание публики без разрешения правительства не могу и подобного товара не имею.

А потому имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство разрешить мне иметь в своем торговом помещении для продажи книги и картины духовно-нравственного содержания, популярно-научные повести и рассказы из истории и народного быта, сказки и проч[ие] цензурные издания, на что благоволите распорядиться о выдаче разрешительного свидетельства.

О летах, нравственности, прежней судимости и политической благонадежности прошу Ваше превосходительство навести справку у местной административной власти.

1912 г. октября 8 дня.

Торгующий крестьянин Солобаев.

ГА в Тобольске. – Ф. 152. – Оп. 26. – Д. 116. – Л. 1. Рукописный подлинник; подпись – автограф. Публикуется впервые. Орфография приближена к современной.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АГМ – Архив города Минусинска (Красноярский край).
- ГА в Тобольске – Государственный архив в городе Тобольске (Тюменская область).
- ГААК – Государственный архив Алтайского края (Барнаул).
- ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края (Чита).
- ГАИО – Государственный архив Иркутской области.
- ГАКК – Государственный архив Красноярского края.
- ГАНИИО – Государственный архив новейшей истории Иркутской области.
- ГАНО – Государственный архив Новосибирской области.
- ГАТО – Государственный архив Томской области.
- ГИМ – Государственный Исторический музей, отдел письменных источников (Москва).
- ИАОО – Исторический архив Омской области.
- ИЭА – Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, научный архив (Москва).
- КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей, отдел письменных источников.
- МРКМ – Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартянова (Красноярский край).
- НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории, коллекция историко-биографических материалов.
- РГБ – Российская государственная библиотека, научно-исследовательский отдел рукописей (Москва).
- РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
- РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (Москва).
- РЭМ – Российский этнографический музей (Санкт-Петербург).

Научное издание

Зверева Капитолина Емельяновна
Зверев Владимир Александрович

**КАК СИБИРЬ УЧИЛАСЬ ЧИТАТЬ:
ШКОЛА, ГРАМОТНОСТЬ И КНИГА В РУССКОЙ ДЕРЕВНЕ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Монография

В авторской редакции

В оформлении обложки использована фотография С. М. Прокудина-Горского «Деревня Родина», 1912 г. Оригинал хранится в коллекции автора в Библиотеке Конгресса США. Электронная версия: www.loc.gov/pictures/collection/prok (дата обращения: 03.10.2013).

Подписано в печать 7.10.2013 г. Формат бумаги 60×84/16
Печать RISO. Уч.-изд. л. 14,81. Усл. печ. л. 13,78. Тираж 250 экз.
Заказ №

ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный
педагогический университет»,
630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28
Отпечатано: ФГБОУ ВПО «НГПУ»